

**Игорь Сергеевич Фесуненко
Пеле, Гарринча, футбол...**

**Игорь Сергеевич Фесуненко
Пеле, Гарринча, футбол...**

Является ли бразильский футбол лучшим в мире?

Известный бразильский тренер и журналист Жоан Салданья (слева) беседует с Игорем Фесуненко.

Жоан Салданья, Сентябрь 1969 г.

По правде сказать, мы, бразильцы, считаем, что это именно так и есть. Увы, проблема заключается в том, что англичане, итальянцы, венгры, аргентинцы и, возможно, советские болельщики точно так же оценивают футбол в своих странах. В этом противоречии нет ничего плохого. Благодаря такому образу мыслей все стремятся совершенствоваться, а это идет только на пользу футболу.

А является ли бразильский футбол своеобразным, отличающимся от футбола иных стран? Да. Безусловно. В принципе, каждая страна имеет свой особый футбол, даже в том случае, когда она пользуется общепринятыми тактическими системами. Здесь происходит то же самое, что мы видим в музыке: ноты одинаковы, инструментовка оркестра тоже одинакова, но каждая страна имеет свою собственную национальную музыку. Футбол каждой страны также имеет свои национальные особенности.

Однако отличие бразильского футбола от футбола иных стран определяется не только этим важнейшим принципом. Но также и тем, что мы располагаем рядом условий, которых нет или пока нет в других странах.

Каковы они?

Прежде всего, футбол в Бразилии – это не просто разновидность народного искусства. Это нечто гораздо больше: народная страсть. В Англии, например, очень любят футбол. Но наряду с этим любят и регби, и крикет, и другие виды спорта. В Бразилии же хотя и практикуются иные, кроме футбола, виды спорта, но их уделом являются маленькие и пустые стадионы.

Именно из за этой страсти к футболу стадион «Маракана» строился в расчете на 200 тысяч зрителей. «Морумби» в Сан Паулу, вступающий в строй в нынешнем году, будет вмещать 180 тысяч болельщиков. В Порту Алегри футбольный клуб этого штата «Интернационал» выстроил стадион на 110 тысяч зрителей, «Минейран» в штате Минас Жерайс вмещает 130 тысяч человек.

А в Аракажу – маленьком городке на северо востоке страны с двухсоттысячным населением, городке, изолированном от других городов и населенных пунктов, – построили стадион на 50 тысяч болельщиков, и на празднике открытия громадное количество желающих не смогло попасть на трибуны.

Но, вероятно, самый любопытный курьез, который демонстрирует, до чего дошла в Бразилии страсть к футболу, имел место в моей провинции, в Рио Гранде ду Сул, в городке Эрешим, который поставил мировой «рекорд». Дело было так. В соседнем городке Пассо Фундо осмелились расширить имевшийся там стадион. Почтенные граждане Эрешима почувствовали себя возмущенными, это был вызов, черт возьми!... Собрались почтенные отцы города, болельщики, игроки и организовали кампанию по сбору средств на строительство самого крупного... на севере Рио Гранде ду Сул стадиона! В ходе этой кампании была даже продана вставная челюсть какой то бабушки. Но стадион был выстроен! 45 тысяч зрите лей смогут с его трибун любоваться любимым футболом. Нужно только учесть, что население городка Эрешим составляет где то около 30 тысяч жителей. И что поблизости Эрешима нет иных населенных пунктов. Самый ближайший находится примерно в шести часах езды на достаточно быстром автомобиле...

Честное слово, я не знаю другой страны, где бы люди так увлекались футболом! А ведь я побывал в 62 странах...

На втором месте я поставил бы климатические и географические условия нашей страны, облегчающие занятие футболом. Мы можем играть в футбол круглый год. От января до декабря. Наши географические, климатические условия исключительно благоприятны для физического развития игроков. Их мускулы гибки, а разогрев мышц происходит в нашем климате сам по себе...

В третьих, я хотел бы отметить, что наши игроки начинают играть в футбол очень рано... Вообще бразильский ребенок по своему развитию, по условиям жизни взрослеет очень быстро. Наш мальчишка уже в пятнадцать лет сталкивается с заботами взрослых

людей. А в Европе пятнадцатилетний мальчишка носит еще короткие штанишки и ходит в школ/. Разумеется, это имеет и положительные и отрицательные последствия.

Воспитание нашего игрока, его формирование рождает все мыслимые пороки и добродетели. Когда он приходит в клуб, часто бывает уже невозможно изменить его. Можно наверняка утверждать, что иногда наши лучшие «звезды» теряют гол потому, что предпочитают ему красивый игровой трюк. Не знаю, хорошо это или плохо. Гарринча был именно таким. Правильно ли было бы пытаться переделать его?

Таков и Пеле. Он наслаждается возможностью сделать гол как можно более красивым, даже если из за этого он иногда теряет голевую ситуацию. А вот Тостао – этот уже иной. Он играет просто, обладает удивительным чувством коллективизма и тоже является выдающимся игроком. Я был тренером Гарринчи много лет в «Ботафого» и решил, что лучше всего – не пытаться перевоспитывать его. И я не раскаиваюсь в этом. Я пытался понять его, использовать его как партизана, помогающего регулярной, хорошо организованной воинской части, партизана, который действует путями и методами своими собственными, отличными от других, но тоже полезными и нужными.

Возможно, я недостаточно беспристрастен для того, чтобы объективно говорить о футболе, в который я влюблен беззаветно. Я могу совершить много ошибок в оценках. Отсюда – важность работы Игоря Фесуненко, который изучает наш футбол, наши ошибки и наши достижения, с большим интересом и увлечением. Фесуненко – наблюдатель более спокойный, чем мы, и поэтому он может нам весьма помочь своей работой. Надеюсь, что она будет пользоваться заслуженным успехом.

Одна, но пламенная страсть (вместо введения)

О том, что такое бразильский футбол и какое место занимает он в жизни этой страны, хорошо сказала однажды бразильская «А газета», прокомментировавшая выступление своих соотечественников на французском стадионе следующим образом: «Визит наших футбольных „звезд“ важен прежде всего потому, что благодаря им из 35 тысяч французов, присутствовавших на матче, по крайней мере 30 тысяч узнали наконец, что где то существует страна, называемая Бразилией. Что касается остальных пяти тысяч, то они смогли обнаружить, что набедренная повязка уже не является в Бразилии самым элегантным и модным нарядом...»

Действительно, многие знают сегодня Бразилию прежде всего как страну футбола, где царствует великий, легендарный «король» Пеле... И следует признать, что эти представления не так уж далеки от действительности.

Вероятно, среди 90 миллионов бразильцев нет ни одного, который ни разу в жизни не ударил бы ногой по мячу. Любви, как известно, все возрасты покорны. Любви к футболу – тем более. В нынешнем году в Порту Алегри состоялся уникальный матч ветеранов, самому младшему из которых было... 60 лет, а старшему – 84! Старики вышли на поле не шутки шутить: они поработали на славу, сыграв со счетом 3: 3.

Согласитесь, что шесть голов не всегда увидишь и в матчах молодых мастеров!

Впрочем, спортивные показатели резвых дедушек были перекрыты в другом, не менее необычном состязании, состоявшемся на противоположном конце Бразилии – в джунглях Амазонки. В поселке Сан Маркос команда индейцев племени «шавантес» разгромила сборную столичных студентов, приехавших в этот район с научной экспедицией, со счетом 15:0. А незадолго до этого бравые шавантес повергли со счетом 4:1 команду своих духовных наставников: монахов из миссии салесианцев, обращающих индейцев в католическую веру и заодно шарящих по Амазонке в поисках нефти, руд и других полезных ископаемых.

Когда в штате Рио де Жанейро пришла пора отметить годовщину новой конституции, главной церемонией праздничных торжеств явился футбольный матч между командами, в которых играли депутаты двух соперничающих парламентских фракций. Сообщившая об этом накануне газета «Жорайо да манья» не без ехидства писала: «Больше всего

удовольствия от матча получают зрители, которые придут на стадион только для того, чтобы выяснить: сумеют ли почтенные депутаты на футбольном поле проявить себя еще хуже, чем в политике...»

Есть в штате Гуанабара маленький поселок Курупаити, в котором сейчас насчитывается 911 жителей. В течение долгих лет (никто из жителей уже не помнит, когда родился этот обычай) каждое воскресенье почти все население после утренней мессы отправляется на традиционный матч между двумя командами, носящими красивые имена: «Элита» и «Генриетта». С первой до последней минуты расставленные на улицах поселка громкоговорители обстоятельно сообщают обо всех перипетиях схватки. Это делается для того, чтобы за матчем могли следить те, кто не смог и никогда уже не сможет прийти на стадион. А таких в Курупаити не мало. Потому что все обитатели этого городка – и префект, и чистильщик ботинок, и... футболисты – неизлечимо больны. Курупаити является колонией прокаженных...

Да, страсть бразильцев к футболу трудно даже сравнить с чем бы то ни было. Вероятно, только в Бразилии возможен такой случай, как тот, что произошел в провинциальном городке Итауна в штате Минас Жерайс. Префект Итауны объявил середине недели выходной день: закрылись конторы, лавки и колледжи, замерла жизнь, и все это – для того, чтобы население города в полном составе смогло присутствовать на тренировке (а не на матче даже!) приехавшей в городок команды «Атлетико» из столицы штата.

Сердобольный начальник полиции Итауны предоставил по этому случаю краткосрочное увольнение всем заключенным городской тюрьмы, которые дружным строем отправились на стадион, а затем, преисполненные благодарности, возвратились в свои камеры.

Впрочем, посещение футбола арестантами явилось не только культмассовым мероприятием, но и, в известной степени, учебным семинаром по повышению квалификации: во многих бразильских тюрьмах существуют свои футбольные команды, участвующие в турнирах, проходящих столь же бурно, сколь и матчи на зеленых полях «Мараканы», «Паказмбу», «Минейрана» и других крупнейших бразильских стадионов. В крупнейшей латиноамериканской тюрьме «Карандиру» в Сан Паулу разыгрывается даже свой собственный чемпионат между командами блоков и этажей. Говорят, что игровая дисциплина у фальшивомонетчиков и налетчиков гораздо выше, чем у профессионалов кожаного мяча. Это объясняется тем, что все игры в «Карандиру» судит убийца рецидивист.

Его авторитет среди своих братьев по заключению настолько высок, что ему никогда не приходилось во время судейства матчей прибегать к крайним мерам. К таким, например, какими воспользовался однажды один из арбитров, судивший матч в городке Корумба на границе с Боливией. Когда игроки попытались оспорить пенальти, непреклонный судья выхватил пистолет и открыл беглый огонь по своим оппонентам, покушавшимся на его авторитет. Один нарушитель футбольной дисциплины мгновенно скончался, другой получил тяжелые ранения, а сам блюститель спортивной этики, воспользовавшись замешательством очевидцев, вскочил на верного скакуна и был таков... Его так и не разыскали впоследствии, потому что ни зрители, ни футболисты не знали, кто он такой. Дело в том, что назначенный на матч судья не явился, и судьба встречи была доверена первому желающему, подвернувшемуся в этот момент под руку.

Ведь в Бразилии нет человека, который не знал бы футбольных правил!..

Любой бразилец с гордостью перечислит вам все официальные и неофициальные футбольные рекорды, принадлежащие его стране. Самым знаменитым из них является, конечно, рекорд, установленный Пеле: в 1958 году он стал самым молодым чемпионом мира в истории розыгрышей Кубка Жюля Рима, а четыре года спустя – самым молодым двукратным чемпионом мира.

Бразильцам принадлежит абсолютный «снайперский» рекорд футбола: по количеству голов, забитых одним игроком за всю свою жизнь. Таким чемпионом является легендарный Артур Фреденрайх, игравший в командах Рио де Жанейро и Сан Паулу 26 лет (с 1909 по

1935 год) и забивший за это время 1329 голов! В 1969 году Бразилия завоевала еще один футбольный рекорд: вратарь команды «Крузейро» (г. Белу Оризонти) Раул сумел провести без единого гола 1027 минут игры – почти дюжину матчей! – подряд.

Учитывая особую важность футбола как средства пропаганды Бразилии за рубежом, министр иностранных дел этой страны Магальяэс Пинто организовал в 1967 году грандиозный завтрак, на котором встретились сотрудники МИД и ведущие футболисты во главе с Пеле. На этом завтраке было намечено ряд мер по оказанию помощи бразильским командам, выезжающим за пределы страны. Посольства и консульства Бразилии получили специальную директиву с требованием оказывать футболистам всемерную помощь.

Было решено также выдавать футболистам и тренерам во время их заграничных поездок голубые паспорта, предназначенные для лиц хотя и не обладающих статусом дипломата, но находящихся в официальной командировке.

Впрочем, и до получения этих директив бразильские дипломаты весьма ревностно помогали своим футбольным собратьям в выполнении их славных, но не всегда легких миссий. Лет пятнадцать назад, например, бразильский консул в Барселоне в знак протеста против ареста игроков «Ботафого», схваченных испанской полицией после грандиозной драки во время матча с хозяевами поля, явился в тюрьму и объявил себя за решеткой вместе с футболистами. Дипломат в тюрьме! Дело запахло нешуточным скандалом!

Спустя несколько часов местные блюстители порядка вынуждены были пробить отбой и выпустить бразильских футболистов на свободу.

Впрочем, далеко не всегда футбол пользуется такой беспредельной поддержкой со стороны властей. В 1966 году, например, после поражения на чемпионате мира в Англии, расцененного в стране как национальная катастрофа, как несмыаемый позор, как черное пятно на добром имени Бразилии, в парламенте обсуждалась резолюция, предложенная, как говорится, «на полном серьезе» одним из депутатов, который потребовал проведения против руководителей Национальной конфедерации спорта военно-полицейского расследования.

Все эти факты, кажущиеся нам смешными или трогательными, анекдотическими или трагикомическими, никого не удивляют в Бразилии.

Потому что футбол стал в этой стране всепожирающей страстью, религией, радостью и любовью.

Торседорес – это болельщики. Это десятки тысяч страдальцев, ерзающих на трибунах, и миллионы мучеников, прильнувших к радиоприемникам и транзисторам. У каждой команды имеется своя торсида. Поэтому на каждом матче их присутствует две. Обе торсиды являются на стадион с флагами, оркестрами, петардами, ракетами, трещотками и занимают противоположные трибуны. С первой до последней минуты матча на стадионе происходит ни с чем не сравнимое вулканическое извержение страстей с грохотом петард, ревом глоток, треском ракет, громом барабанов, с развевающимися флагами, летящими вверх воздушными шарами, бенгальскими огнями и листовками.

Впрочем, для того чтобы получить более или менее полное представление о торсиде, нужно побывать на «Маракане» в день большого матча. Именно это мы и сделаем с вами в первой главе нашей книги, которая называется...

Восемьдесят восьмой «Фла – Флу»

Старожилы «Мараканы» утверждают, что этот матч был единственным в своем роде. Непревзойденным. Небывалым...

«Фла – Флу»! Матч «Фламенго» и «Флуминенсе» – извечных соперников, более полувека оспаривающих первенство Рио де Жанейро. Вечный спор, никогда никем не решенный...

15 июня 1969 года. Город просыпается и начинает готовиться к матчу. Издалека: из соседних городов и рабочих предместий Рио – выезжают автобусы и грузовики с болельщиками, торопящимися занять места на «архибанкаде». Радиостанция «Глобо» через

каждые десять пятнадцать минут, объявляет: «Через 9 часов 47 минут начнется „матч классико“, который будет транслировать лучшая в мире бригада спортивных репортеров, возглавляемая лучшим „радиалистом“ Валдиром Амаралом. Вы получите такое же впечатление от нашего репортажа, как если бы вы находились у кромки футбольного поля! Смотрите „Фла Флу“, слушая радио „Глобо“»!!!

В окнах домов, в автобусах, на тротуарах – всюду тысячи флагов: красно черные знамена «Фламенго» и трехцветные – красно зелено белые – «Флуминенсе». С каждым часом, приближающим начало матча, движение в городе все больше и больше сосредоточивается в одном направлении: «Маракана». До матча еще два часа, но репортеры «Глобо», «Националь», «Континенталь» и других радиостанций, захлебываясь от восторга, сообщают радиослушателям о беспрецедентной пробке, медленно, но верно вспухающей на подступах к стадиону. Напоминают о печально знаменитых пробках во время великих матчей: 16 июля 1950 года – трагический финал первенства мира и матч «Фла – Флу» 1963 года, поставивший «рекорд публики». 177 656 человек уплатили в тот день за билеты. И тысяч двадцать тридцать прошли бесплатно... Или ноябрьский матч 1968 года, когда после трехлетнего перерыва на «Маракане» появился «воскресший» Гарринча...

Я еду на матч уже целый час, и с каждым метром машина движется все медленнее и медленнее. Сплошная многокилометровая лента автобусов, «фольксвагенов», мотороллеров, «виллисов» растянулась от авениды Рио Бранко до «Мараканы». Машины не едут и даже не ползут. Они стоят, изредка проталкиваясь на пять семь метров вперед. Раздраженно гудят моторы, дым клубами подымается над площадью Бандейра, над которой с визгом пролетают электропоезда.

В одном из вагонов съезился на площадке Зе да Силва – каменщик из дальнего пригорода Кампо Гранде. Он знает, что «Менго» победит, но тревога все же точит словно червь его сердце... Глухо стучит барабан в соседнем вагоне, переговариваются колеса, Зе едет смотреть свой «Менго»!

Рядом с моим автомобилем целая колонна набитых до отказа «фольксвагенов» с развевающимися из окошек трехцветными стягами. Это «Молодые Флу» – группа бесшабашных парней: артистов, певцов, журналистов, поклоняющихся флагу «Флуминенсе». Они обгоняют плетущихся по тротуару мулатов со стягами «Менго» в руках. Раздается обоюдный свист и улюлюканье: разминка голосовых связок накануне главной, решающей битвы, которая развернется на трибуне. До ворот стадиона остается метров двести. Это значит – около двадцати минут «езды». Невозможные контролеры тщательно проверяют документы и пропуска.

Матч начинается через час, а команды давно в раздевалках. Репортеры радиостанций взволнованно сообщают о том, что знаменитый идол торсиды «Менго» аргентинец Довал прошел врачебный осмотр и допущен к игре. «Глобо» сообщает, что группа торседорес «Менго» ведет переговоры с президентом стадиона (в Бразилии почти каждый начальник или шеф именуется президентом: так оно как то посолоннее, не правда ли?) о том, чтобы был разрешен вынос на поле главного знамени «Фламенго». В судейской комнате знаменитый Армандо Маркес – бразильский арбитр № 1 – облачается в свою изящную форму из черного шелка. Около него в почтительно выжидающей позе стоит массажист Зезинье. «Фла» и «Флу» в своих раздевалках заканчивают облачаться в доспехи, а массажист «Флу» Сантана, присев на корточки у края футбольного поля, сосредоточенно творит обряд «макумбы»: черный Сантана взывает к духам своих африканских предков с просьбой прийти на помощь в этот трудный для любимого «Флу» час.

Моя машина наконец то вползает на забитую до отказа стоянку для прессы, гостей и дипломатов. Холл первого этажа – прохладный и длинный – забит вьющимися к лифтам очередями. Вертятся турникеты, контролеры отрывают талоны. Лифт бесшумно скользит вверх, раздвигается дверь, и в лицо ударяет волна грохота, света, красок: дверь лифта открывается прямо на самый верхний ярус «Мараканы», и весь стадион оказывается у ваших ног. 200 тысяч людей, спрессованных, страдающих, ревуших, размахивающих флагами,

скандирующих лозунги. Где то слева, утопая в красно черном океане флагов «Менго», сидит, кусая губы, Зе да Силва, готовя свою ракету, которую он запустит в тот момент, когда «Менго» будет выходить на поле из туннеля (вторую ракету он запустит в тот момент, когда «Менго» забьет гол, а на третью ракету – чтобы ознаменовать победный финал матча – у Зе не хватило денег). Где то справа сидят ребята из «Молодого Флу». Обе торсиды расположились на противоположных сторонах архибанкады – гигантского кольца трибуны, опоясывающей футбольное поле: так легче избежать кровопролития в тот момент, когда страсти начнут накаляться...

Армандо Маркес закончил массаж и отходит в угол маленькой судейской комнаты. Он выполняет свой традиционный ритуал: зажигает две свечи и приступает к молитве, заткнув уши руками от нестерпимого рева торсиды. Армандо просит всевышнего помочь ему выполнить свой долг: отсудить благополучно этот матч, который будет ой каким нелегким!... Всевышний, правда, далеко не всегда отвечает на эти призывы: однажды Армандо позволил себе удалить с поля Пеле. Это произошло в Сантосе, и бедному Армандо пришлось провести два часа в осажденной разъяренной торсидой раздевалке. Впрочем, не стоит сейчас вспоминать об этом! Тогда на стадионе присутствовало сколько?... Тысяч двадцать зрителей? Двадцать пять от силы... А сейчас – двести...

«Маракана» ахает и раздражается первой канонадой: на футбольном поле появляется знамя «Менго». Его несут около сорока человек, потому что площадь флага – 210, прописью: двести десять квадратных метров! Слева, там, где сидит торсида «Менго», взвиваются ракеты, а справа яростно скандируют: «Кло у на да! Кло у на да!» Это «Флу».

Нарастает нервный грохот «батарей»: так называются оркестры торсид. Если это можно назвать оркестром – скопище барабанов, тамбуринов, атабакес, сурдос и тарелок, которые издают грохот, разрывающий барабанные перепонки.

И вот наконец настал великий момент: из тоннеля показываются игроки «Менго»...

Нет никакой возможности описать вихрь безумия, шквал восторгов, грохот петард и барабанов, вспышки ракет, рев глоток, свирепствующий слева от трибуны прессы: там расположилась торсида «красно черных». Где то в этом вулкане взорвалась маленькая ракета Зе. Он чуть было не пустил сгоряча и другую, но вовремя сдержался: надо быть бережливым!

Затем выходит «Флуминенсе», и волна безумия перемещается на правую сторону архибанкады. Но «Флу» имеет свой собственный обычай, свою традицию: вместе с ракетами, листовками в воздух взлетают десятки тысяч мешочков с рисовой пудрой, которая повисает над торсидой сплошной пеленой тумана. «Пудра из риса! Пудра из риса!» – ликующе вопит торсида...

Густой туман пудры полностью окутывает всю правую половину архибанкады. А ведь полиция, пытаясь воспрепятствовать этому, отобрала у «трехцветных» семьсот килограммов пудры! (Впоследствии она была распределена между обитательницами женских тюрем города.)

Размеренный голос диктора читает составы команд, и после каждого имени – взрывы восторга. А на поле в это время происходит вавилонское столпотворение: вместе с двумя командами выбежали, во первых, несколько детишек, одетых в форму клубов. Это нечто вроде живых амулетов, приносящих счастье, то есть победу... Во вторых, несколько девиц, готовящихся оспаривать через две недели звание «мисс Рио де Жанейро». Они полагают, что фотография в газете рядом с каким нибудь из кумиров торсиды повысит их шансы в конкурсе... В третьих, на поле выползают фотографы, репортеры, а также десятки людей без определенных занятий, считающих себя вправе толкаться посередине футбольного поля, мешать судье проводить жеребьевку, игрокам – разминаться, фотографам – щелкать затворами камер, а кандидаткам в «мисс» – демонстрировать свои ослепительные прелести.

В десятый раз репортеры по радио повторяют составы команд, напоминают статистику побед и поражений каждого клуба. Над архибанкадой кружится маленький самолет, сыплющий листовки с рекламой каких то телевизоров. За стабилизатором самолета

болтается призыв страховать свою жизнь в агентстве «Нитерой», которое никогда не спорит, а платит за все, что бы с вами ни стряслось.

Занимают свои места шесть мальчишек, одетых в синие тренировочные костюмы: мальчишки будут подавать мячи и еще получают за это счастье (подумать только: видеть в двух трех шагах от себя Флавио! Довала! Самароне!) по окончании матча по шесть крузейро. Команды располагаются друг против друга, игроки занимают позиции, судья смотрит на секундомер, двести тысяч душ сжимаются на мгновение в комочек, двести тысяч сердец замирают и... звучит свисток. Судейская сирена возвещает начало восемьдесят восьмого «Фла – Флу»!

Первые мгновения матча идут при несмолкающем реве трибун и грохоте петард, затем шум стихает, но скрытое напряжение и волнение торсид прорывается в острые моменты. Удар «трехцветного» Флавио по воротам «Менго»! Рев торсиды «Флу» и суровое молчание на противоположной стороне архибанкады. Вратарь «красно черных» Домингес взвивается, берет мяч, но неожиданно роняет его, чудом не упуская в сетку... Оглушительный свист «трехцветных». Однако в следующую секунду безумствует торсида «Менго»: «красно черный» аргентинец Довал проходит по правому краю, подает в центр, и Арилсон резко бьет в нижний угол ворот. Вратарь «Флу» и сборной страны Феликс отбивает мяч на угловой.

Постепенно выявляется преимущество «Флуминенсе». И на поле, и на трибунах. Ветеран Домингес, защищавший некогда ворота сборной Испании и мадридского «Реала», сегодня явно не в форме. Столько раз он выручал «Фламенго» в трудные минуты, вселяя своей уверенностью и хладнокровием спокойствие в сердца «красно черных». Сейчас его не узнать: он дважды отбивает легкие мячи на ногу противников. Тяжелое молчание повисло над торсидой «Менго», предчувствующей недобрую развязку. А «Флу» безумствует, скандируя нечто вроде «раз два три! Фламенгисты – слабаки!...»

На 11 й минуте матча сильно пробитый издали мяч летит прямо на Домингеса. Он наклоняется, чтобы надежно принять мяч на живот – «упаковать», как говорят бразильцы, но коварная «бола» отскакивает от его колена (или груди, отсюда, с трибуны, этого не заметишь) прямо на ногу нападающему «трехцветных» Лула. Он обводит Домингеса, делает прострел, и набежавший с правого фланга Уилтон посылает мяч в сетку ворот, умудрившись не промазать, несмотря на то, что в момент удара он находился почти на лицевой линии... 1:0!

Говорят, что для того, чтобы понять душу бразильца, нужно увидеть его в тот момент, когда в сетку футбольных ворот влетает мяч. Правая сторона архибанкады взрывается смерчем восторга. Новые пакеты рисовой пудры взвиваются над торсидой, новые ракеты, новые петарды грохочут с такой интенсивностью, как будто их завозили на архибанкаду на многотонных грузовиках. А левая сторона стадиона безмолвствует, охваченная горем... На трибуне прессы «красно черные» и «трехцветные» не разделены барьерами и полицейскими кордонами. Справа от меня сидит, закрыв лицо руками, корреспондент «Жорнал до Бразил» – болельщик «Менго», чуть выше страдает его товарищ по несчастью драматург Диас Гомес. Слева бушует группа «трехцветных»: они размахивают флажками и поют гимн «Флуминенсе». Среди них, недовольно озираясь, строчит что то в блокнот спортивный редактор «Ултимаора» Жасинто де Тормес: еще вчера он в одной из своих «хроник» возмущался тем, что на трибуне прессы слишком много посторонних! Действительно, здесь можно увидеть кого угодно: отставных депутатов и артисток ночных кабаков, содержанок и генеральских сынков, жокеев с ипподрома и королей подпольной лотереи, чиновников губернаторской канцелярии и героев сентиментальных теленовелл...

А матч продолжается. И какой матч! «Менго» не возьмешь голыми руками! «Менго» не сдается без боя. «Красно черные» идут в атаку, и левая сторона архибанкады оживает, заглушая дружным свистом скандируемый «трехцветными» призыв: «Еще гол! Еще гол!» Сжавшись в комок, сидит Зе да Силва Он молится истерично и требовательно: «Господи! Сделай так, чтобы Домингес успокоился, а этот проклятый Лула сломал себе ногу!... Господи! Пусть Гальярдо промахнется, а наш Дионизио выйдет один на один. Я знаю,

Дионизио забьет, только помоги ему, господи, освободи его от этого бандита, преступника Гальярдо! Сделай так, чтобы Гальярдо оступился. Господи, ты слышишь меня? Если ты сделаешь это, я поставлю большую свечу и буду ползти на коленях от ворот „Мараканы“ до платформы поезда!...»

А в эфире безумствуют репортеры. Большинство радиостанций Рио (а их в этом городе восемнадцать) транслирует матч. Каждая станция ведет репортаж целой бригадой: три человека работают в кабине – один ведет репортаж, второй комментирует время от времени ход игры, тактику команд, дает оценку игрокам, а третий анализирует и комментирует работу судьи и помощников. Помимо них, за воротами обеих команд имеется еще по одному репортеру, связанному прямым проводом со студией и комментирующему острые моменты у ворот. Вдоль лицевых линии расположились еще несколько «радиалистов», помогающих своим коллегам в кабине: если на поле возникнет драка, кто то будет удален или заменен, они немедленно включаются в репортаж... Есть и специальные репортеры с портативными передатчиками, расположившиеся в иных стратегических точках стадиона: на трибунах, в подсобных помещениях, раздевалках. Поэтому в течение всего матча на радиослушателя обрушивается шквал информации не только футбольной, но и кулуарной: «В медицинский департамент только что доставлена женщина – торседора „Фламенго“ с острым приступом сердечной недостаточности...», «Финансовый департамент сообщает, что после проверки выручки, представленной десятью кассами, сумма сбора достигла шестисот тысяч крузейро. Окончательный результат будет сообщен через несколько минут – после подсчета выручки в двух остальных кассах...», «Ограждавший подступы к воротам отряд полиции вынужден был пустить в ход дубинки...», «Департамент транзита сообщает, что у автомашин, оставленных владельцами в неположенных местах, будут в качестве наказания спущены баллоны». Такое неудержимое стремление «оживить» репортаж о матче как можно большим количеством всевозможных экзотических подробностей вызвано яростной борьбой за слушателя, которую ведут радиостанции между собой. Каждый репортер заинтересован в том, чтобы за ходом сегодняшнего матча слушатель следил именно по его репортажу. В обстановке этой конкуренции, когда для достижения цели все средства хороши, происходят иногда курьезы, достойные пера юмориста. Например, такой случай: 29 июня 1968 года, когда сборная Бразилии играла в Варшаве, все репортажи, ведущиеся одновременно несколькими бразильскими станциями, вдруг оборвались вследствие какой то технической неполадки. Эфир замолк, однако персонал радио Сан Паулу не растерялся и... продолжил репортаж. Из студии, находящейся там же, в Сан Паулу, какой то бойкий комментатор, обладающий яркой фантазией, продолжал рассказывать о матче, как если бы он видел его своими глазами. Эта «радиолипа» продолжалась около трех минут. Взволнованные торседорес затаив дыхание слушали красочное описание рывков Жаирзиньо, финтов Тостао и головокружительных бросков вратаря Феликса. В ходе этого репортажа Ривелино чуть не забил гол, завершая стремительную комбинацию бразильцев... Три минуты спустя дефект был устранен и связь с Варшавой установлена. Репортер «фантаст» в Сан Паулу вздохнул с облегчением и вытер холодный пот со лба, узнав, что за эти минуты, пока он изобретал комбинации и распинался по поводу офсайдов и штрафных ударов, ни та, ни другая команда не забила голов.

Однако вернемся на «Маракану» и продолжим рассказ о восьмидесяти восьмом «Фла – Флу»...

На 35 й минуте первого тайма все станции, ведущие репортаж, взрываются единым протяжным, трагическим (для одних) и ликующим (для других) воплем: «Го о оо ол!!! Го ол „красно черных“! Гол „Менго“! Ли ми нья! Футболка номер во о семь!» После этого комментаторы уступают эфир тем самым репортерам, что сидят за воротами «Флу», в непосредственной близости от безутешного Феликса. Они начинают лихорадочно сообщать в эфир подробности победной комбинации «Менго»: «Довал! Пройдя по правому краю! Неожиданно откинул мяч Дионизио! Тот выдал его Лиминье! И Лиминья! Развернувшись!

Приняв мяч на грудь! Размахнувшись! Не давая мячу опуститься на землю! С правой ноги! Послал „сухим листом“! В левый от Феликса угол ворот!... 1:1!!! Гол „Менго“!»

В этот момент Зе да Силва пускает свою вторую ракету. Ради этого момента он живет долгую неделю. Ради этого мига трясется он каждое утро в электричке с кастрюлькой фасоли под мышкой, торопясь на работу. Ради этого момента, ради этого мига счастья молча страдает Зе всю свою жизнь, слушая тяжелые вздохи вечно беременной Лурдес, терпя слезы дочери Риты, которой без пары туфель нет никакой возможности отыскать себе жениха... В этот момент Зе да Силва счастлив! Он гордится своим «Менго», он рыдает и поет вместе со стапятьюдесятью тысячами «красно черных» великий гимн клуба: «Один раз „Фламенго“ – на всю жизнь „Фламенго“! „Фламенго“ до самой смерти!»

Но игра еще далеко не окончена. «Флу» бросается в атаку. Герой «трехцветных» Флавио – первый бомбардир чемпионата – откидывает мяч головой набегающему Клаудио, который проскакивает мимо растерявшегося Домингеса и влетает вместе с мячом в сетку ворот. И тут происходит трагедия, повергающая «красно черную» торсиду в состояние нервного шока: Домингес, окончательно потеряв голову, устремляется в центр поля за судьей и, угрожающе жестикулируя, кричит: «Офсайд! Вы не должны засчитывать этот гол! Вы подсуживаете „Флуминенсе“!» О, такое обвинение нельзя бросать в лицо Армандо Маркесу! Энергичным жестом правой руки он показывает Домингесу: «С поля!» Растерянные игроки «Менго» бросаются к судье: «За что? Почему? Он больше не будет!... Нельзя выгонять с поля в таком матче!...» Трибуны неистовствуют, футбольное поле наводняют репортеры, фотографы, полиция, запасные игроки. Кажется, еще мгновение – и начнется грандиозная драка. Вроде той, что вспыхнула в апреле 1969 года в матче Перу – Бразилия, когда сорок пять минут потребовалось на наведение порядка и успокоение страстей. Нет, все кончается благополучно. Домингеса уводят, тренер «Менго» заменяет левого крайнего запасным вратарем Сиднеем, матч продолжается. 2:1 в пользу «Флу». И вскоре свисток Армандо возвещает об окончании первого тайма.

В перерыве торсида «Флу» продолжает ликовать, а слева воцаряется гробовое молчание: там страдает «Менго». Над архибанкадой «трехцветных» подымается громадный шар из легкой ткани, внутри которого установлена площадка с маслом. Плошка горит, теплый воздух наполняет баллон, который подымается в воздух и медленно летит над стадионом, сопровождаемый радостным ревом «трехцветных». Когда шар пролетает над трибуной «Менго», десятки ракет взвиваются, стремясь ударить, ужалить, пронзить его. Они взрываются рядом, но не поражают его. Шар подымается в небо, словно предвещающая торжество «Флу». А в это время комментаторы анализируют по радио ход первого тайма и приходят к единодушному выводу, что судьба «Менго» решена и победа «трехцветных» должна выразиться в преимуществе примерно в два три гола.

Начинается Шторой тайм. И происходит что то невероятное: «Менго», бедное «Менго», играющее вдесятером, бросается в атаку! «Флу» прижато к воротам, мячи летят со всех сторон, Феликс демонстрирует такие чудеса, что сидящий на трибуне прессы тренер сборной Жоан Салданья обводит соседей гордым взглядом. Он оказался прав: последние два месяца почти все газеты кричали о том, что Феликс утратил форму и напрасно, мол, Салданья доверяет ему ворота сборной.

Кажется, что не «Менго», а «Флу» играет вдесятером. Ожившая торсида «красно черных» скандирует: «Мен го! Мен го!», «трехцветные» подымают свист, гремят «батареи». «Менго» погибает, но не сдается! «Менго» идет в атаку! И кажется, всевышний внял мольбам Зе да Силва и десятков тысяч других мулатов, негров, креолов...

Кажется, что их страсть и надежда заражают футболистов. С отчаянием смертников, с безрассудной отвагой безумцев, которым нечего терять, Фио, Довал, Дионизио, Пауло Энрике и их товарищи рвутся к воротам «Флу». «Боги футбола улыбались в этот вечер», – писал впоследствии лирик футбола Жасинто де Тормес. Боги улыбались героям: после высокой передачи Мурило, навесившего мяч с правого фланга, взлетел над штрафной

«трехцветных» Дионизио и послал ударом головы пушечный, неберущийся мяч в верхний угол ворот Феликса...

И тут настал конец света! Не будем описывать безумие восторга, охватившее торсиду «Менго», слезы радости, каскад ракет и вулканический призыв: «Еще гол! Еще гол!»

И над улицами города взвились ракеты, а в окнах показались красно черные знамена, радостно засигналили автомашины... «Плачу за всех!» – вскричал фальцетом беззубый Зе Карлос – хозяин маленького бара в фавеле «Мангейра». Заплакала от счастья мулатка Элза Соарес – блистательная «звезда» телевизионных шоу и карнавальных балов. И где то на самой последней, самой высокой улочке в карабкающейся на гору фавеле «Святая вода» выскочил из барака «Пивная кружка» бандит, за которым три года безуспешно охотится полиция Рио, и открыл на радостях огонь из своих пистолетов...

Но всему бывает конец. «Флу» переломило игру. Их все таки было одиннадцать против десяти! И у них был Теле – спокойный тренер, которому из тоннеля был виден не только энтузиазм «красно черных», не только их самоубийственная отвага, но и дырки в их защите, устремившейся за победой, которая, казалось, близка... Теле выпустил на поле полузащитника Самароне – опытного парня, который умеет держать мяч и хорошо видит поле.

И началась агония «красно черных». Начался медленный, но неотвратимый штурм «Флу»... Штурм, завершившийся выстрелом Флавио, поразившим ворота молодого Сиднея в нижний угол. Это был «выстрел жалости», как сказал Жасинто де Тормес. Выстрел, который покончил с бессмысленными страданиями смертельно раненного «Менго»... И Зе да Силва понял, что не ползти ему сегодня на коленях от «Мараканы» до платформы электрички. Оставалось еще одиннадцать минут игры. Одиннадцать минут, отделявших «Флуминенсе» от титула чемпионов. И за три минуты до конца матча, когда вечерние сумерки мягко опустились на серый бетон «Мараканы», замолкла «батарея» «Менго». Еще дрались Довал и Фио, еще рвался в атаку Родригес Нето, пытаясь застать врасплох вратаря «Флу» Феликса, еще подавались подряд два или три угловых у ворот «трехцветных», а на темной архибанкаде «Менго» вспыхнули костры. Это горели красночерные флаги «Менго»... И искры взмывали вверх, к звездам. Искры несбывшихся надежд улетали в небо, где, как сказал Жасинто, боги футбола улыбались. Флаги горели не в знак протеста или осуждения, как это бывает иногда, – флаги горели в знак траура. И печали...

* * *

...Так проходят в Бразилии футбольные матчи.

Но не только «Маракана» и не только «Фла – Флу» вызывают такие страсти. На всех основных стадионах Рио де Жанейро, Сан Паулу, Белу Оризонти, Рио Гранде ду Сул и других городов страны во время матчей дежурят не только усиленные наряды полиции, но и машины «Скорой помощи». И даже медики кардиологической службы. Впрочем, иногда и они бывают бессильны!

Вот что случилось, например, на стадионе «Паказмбу» в Сан Паулу 6 марта 1958 года. В этот день «Сантос», выиграв первый тайм у «Палмейраса» со счетом 5:2, умудрился в начале второго пропустить в свои ворота четыре гола подряд. Счет стал 6:5 в пользу «Палмейраса». К этому времени от инфарктов скончалось трое болельщиков: двое – на трибунах и третий – где то в городском трамвае, он слушал репортаж по транзисторному приемнику.

Через две минуты «Сантос» забивает шестой гол, сравнивая счет, и под крик репортера «Го о о ол!...» в городе Кампинасе умирает четвертый торседорес, слушавший радиорепортаж. За три минуты до конца «Сантос» забивает последний, седьмой, гол, выигрывая тем самым матч, и... на бетонных трибунах «Паказмбу» от нервного потрясения погибает пятый болельщик.

Итак, за один матч пять фатальных случаев! А сколько известно самоубийств, отравлений, перестрелок на базе футбольных разочарований!..

Стоит ли после этого удивляться данным официальной статистики, утверждающей, что на следующий день после победы популярнейшего клуба Сан Паулу «Коринтианса» производительность труда на предприятиях города увеличивается на 12,3%! А после поражений на 15,3% возрастает количество аварий, несчастных случаев и производственных травм...

Но торсида – это не просто толпа болельщиков, ревущих, свистящих, страдающих и погибающих на трибунах под развевающимися стягами родного клуба. «Быть „коринтиано“, – говорят в Сан Паулу, – это не просто болеть. Это значит обладать особым состоянием духа...» А поклонники «Фламенго» утверждают, что «футболка этой команды надевается не на тело, а на душу». Издавна принадлежность к той или иной торсиде является в Бразилии определенной приметой, характеризующей в какой то степени человека. Например, торсида «Флуминенсе» – это мир артистов, богемы, мелкой интеллигенции, чиновников. Основная масса торседорес клуба «Васко да Гама» издавна складывалась в недрах португальской колонии Рио де Жанейро. Самый же популярный клуб страны – это «Фламенго».

«Менго, ты – самый великий!» – поется в гимне этого клуба.

«Торсида „Фламенго“ воплощает в себе лучшие качества нашего народа – умение любить», – писала газета «Ултимаора». «Болельщиком „Фламенго“ не становятся. Им – рождаются...» – так говорят о себе негры, мулаты и креолы, спускающиеся на матчи родного клуба из поселков бедняков – фавел, расположенных на горах Рио де Жанейро.

Для каждого из них игра «Менго» представляет собой нечто неизмеримо большее, чем представление в ночном клубе для банкира или театр для интеллигента. «Фламенго» не только позволяет какому нибудь Зе Карлосу отвлечься на минуту от его мученического существования, окунуться с головой в мир острых эмоций – «Фламенго» дает ему возможность гордиться чем то... Торжествовать победу, ощутить свою силу, «нашу» силу, силу «Фламенго», разделяя это пьянящее чувство величия и радости с тысячами таких же, как он.

А когда «Менго» проигрывает? В эти минуты горе каждого смешивается с горем торсиды, растворяется в нем. От этого становится немножечко легче на сердце. От этого быстрее приходит надежда, что уже в следующий раз «Менго» победит!

Так рождается на трибунах это чувство плеча, единства, которое не покидает людей, когда они спускаются с верхнего яруса «Мараканы» на темные улицы Рио. Когда умер от тяжелой болезни двадцатилетний защитник «Васко да Гама» Жоржи Луис, торсида команды организовала по всему городу сбор средств на покупку дома для его старухи матери. Игроки отчисляли часть своих премий за победы, а торседорес несли кто сколько сможет...

Среди миллионов бразильских болельщиков есть несколько великих, чьи имена занесены в летописи клубов вместе с именами выдающихся футболистов. Например, шеф торсиды «Ботафого» Тарзан, потрясающий матчи с участием своей команды сенсационными ракетно петардными фейерверками (название «Ботафого» обозначает по португальски нечто вроде «Подбрось огня!»). Или живой символ торсиды «Коринтианса» – самой популярной команды Сан Паулу – тихая служанка Элиза Алвес до Насименто. Сейчас ей пятьдесят семь лет. Из них сорок она ходит на стадион, занимая одно и то же место, не пропустив ни одного матча своего клуба за всю его историю. Она не видела ни одного гола, забитого в ворота «Коринтианса», потому что в момент атаки противника всегда закрывала глаза. И лишь по реву трибун понимала, что – увы! – вновь случилось непоправимое: вратарь «Коринтианса» пропустил мяч в свои ворота. Ей много пришлось претерпеть за сорок лет своего героического паломничества вслед за «Коринтиансом». Однажды ее избили на трибунах болельщики другой команды. В другой раз ее хотели швырнуть в канал, и только появление случайно проезжавшего мимо президента «Коринтианса» спасло Элизу. Правда, разъяренные тем, что жертва ускользает, торседорес «Португеза сантиста» оторвали дверцу у

президентской машины. Когда опасность миновала и машина мчалась по улицам Сан Паулу, Элиза вздохнула и утешила президента: «Что поделаешь, сеньор, ради „Коринтианса“ можно и пострадать...»

Каждый «коринтиано» знает и другого знаменитого болельщика своего клуба – падре Аристидеса Пиментела, который служит мессы, прислушиваясь к футбольному репортажу.

Есть у этого клуба еще один болельщик. Его имя Бенедито Педрозо дос Сантос, а для друзей – Диди. Так зовут его дома. А также в университете, где он учится на факультете журналистики. И в издательстве «Британская энциклопедия», где он работает. И в концертных залах, где он выступает с концертами: помимо всего прочего, Диди еще и пианист. Несмотря на такое обилие интересов, он не пропускает ни одного матча своего клуба. В темных очках, с крошечным транзисторным приемником в руках сидит он среди торсиды «Коринтианса», ликуя и страдая вместе с ней, крича, смеясь и даже обсуждая с соседями по архибанкаде трудные игровые ситуации и спорные решения судей. Но почему «даже»? – спросите вы. Да потому, что Диди слеп от рождения. И, слушая транзистор, окунаясь в торжествующий или горький рев торсиды, Диди сам изобретает для себя картины этого великого и радостного действия, именуемого футболом...

О футбол! Каждый раз в начале сезона в миллионах бразильских домов слышится такой монолог: «Сезон начинается, жена. Все! Отныне и до декабря не рассчитывай на мое участие в воскресных обедах со своей мамашей. Хочу есть раньше и чтонибудь легкое. Лишь бы обмануть желудок. Доктор говорит, что перед игрой нельзя слишком плотно обедать... Приходится слушаться доктора, жена. Война чемпионата слишком безжалостна: приходится соблюдать режим. И не стоит говорить, что я смешон, что я преувеличиваю. Да, я не играю, не бегаю за мячом, но ты же знаешь: торседорес приходится труднее, чем игрокам. И торседорес умирают чаще, чем те, кто борется там, внизу... Да, жена, начинается священная война, и у меня впереди много забот. Я буду свистеть и буду освистан, я буду забивать голы и пропускать их, я буду плакать и смеяться... Поэтому, жена, смиришься с моим отсутствием по воскресеньям. И прежде, чем отправиться с сестрой или тещей в кино, не забудь поставить бутылку пива в холодильник, а таблетку „Мельорала“ от головной боли положить на тумбочку у кровати. Пиво – на случай победы, лекарство – от поражения... Но никому не говори про таблетку, потому что друзья будут смеяться. И потому что думать о проигрыше накануне матча – плохая примета»...

* * *

– Ну, а какая из этого следует мораль? – спросит дотошный читатель. – Хорошо все это или плохо?..

Ответить на этот вопрос не так то просто. В общем то, нет ничего предосудительного в том, что люди умеют так самозабвенно отдаваться любимой страсти, топя в океане футбольных переживаний невзгоды и горести своей жизни, столь бедной радостями.

Плохо то, что эта великая любовь, эта беззаветная преданность Его Величеству Футболу очень часто оказывается обманутой... Я говорю сейчас не о проигранных чемпионатах и потерянных Кубках Жюля Риме... А об интригах и махинациях, плетущихся за кулисами этого яркого и ослепительного спектакля, именуемого бразильским футболом.

Но об этом – в следующей главе.

Грустная бухгалтерия футбола

Всю неделю по грошу собирает Зе да Силва три крузейро, экономя на своих вонючих сигаретах, на лекарстве для одного из восьми своих детей, на фасоли, являющейся единственной пищей семьи, на туфлях для дочери, которая не может найти жениха. В воскресенье, сломив протест своей измученной нищетой «компанейры» Лурдес, Зе отправляется на «Маракану», где отдает свои три крузейро за место на архибанкаде. Он

платит эти деньги не просто ради того, чтобы посмотреть любимое «Менго»... Когда его смятые грязные бумажки исчезают в окошечке кассы, он чувствует себя счастливым, потому что знает, что они пойдут в сейфы родного клуба, который доставляет ему столько радости и – бог его простит! – горя... Зе счастлив, помогая «Менго»... О том, что происходит с его деньгами после того, как кассир равнодушно кидает их в ящик, протягивая Зе билет, мулат не задумывается. Ему некогда думать об этом, потому что он торопится на свою архибанкаду, где уже грохочут тамбурины, вспыхивают ракеты и развеваются красно черные флаги «Менго»... Мы не пойдём с ним. Мы спустимся под трибуны.

«Звезды» в кредит

На любом футбольном матче, проходящем на территории Бразилии, где то в середине второго тайма громкоговоритель торжественно сообщает размеры сбора. Эти цифры затем повторяются всеми футбольными комментаторами и публикуются во всех отчетах о матче, поскольку важность, категория, класс футбольного состязания в Бразилии измеряются прежде всего не количеством забитых голов, а валовой выручкой кассы. В воскресенье вечером усталый комментатор, заканчивая по телевидению обзор очередного тура, глубокомысленно прогнозирует: «Минувшая неделя была очень слабой: она дала только 400 тысяч крузейро... Следующий тур может достичь полумиллиона».

В этом внимании к финансовым проблемам футбола нет ничего удивительного, если мы вспомним, что любой профессиональный футбольный клуб – это деловое предприятие, и главное назначение его – извлекать прибыли, которые являются, как и в любом другом капиталистическом предприятии, продуктом эксплуатации трудящихся, наемных служащих, в данном случае футболистов. И подобно тому, как рабочий бразильско западногерманского автозавода «Фольксваген» может быть без объяснения причин вышвырнут за дверь или переведен на другую, менее оплачиваемую, работу, футболист может быть выгнан из команды или посажен на скамейку запасных, что тоже приводит к осязательному падению его заработка.

Впрочем, положение футболиста еще хуже, чем заводского рабочего или банковского служащего. Любой рабочий или служащий может потребовать, когда ему вздумается, расчет, а профессионал мяча лишен даже этой возможности: до окончания срока контракта он является собственностью клуба. Такою же, как стол в кабинете президента «Фламенго» или скрипящий арифмометр в бухгалтерии «Ботафого». Когда эксплуатируемый «Коринтиансом» Гарринча, легендарный «би кампеон» (двукратный чемпион) мира, попытался «хлопнуть дверью», возмущенный, что его заставляли выступать при травме ноги да еще упрекали по этому поводу, «Трибунал спортивной юстиции» дисквалифицировал его на два года, запретив ему играть в течение этого срока в любых официальных матчах.

В то же время хозяева клуба (в Бразилии они называются «картолы») могут распоряжаться игроком по своему усмотрению: продавать, обменивать, сдавать в аренду или уступать займы, не опасаясь никаких конфликтов с профсоюзом. Потому что профсоюза у футболистов нет. В полном соответствии с законами вольного рынка, основанного на хитрых взаимоотношениях спроса и предложения, «звезда» может быть обменена на двух трех менее знаменитых игроков. Если какой нибудь кумир торсиды стоит слишком дорого, отчаиваться не следует: он может быть куплен в кредит. На тех же условиях, что и холодильник – в баре президента или стиральная машина – для приведения в порядок футболок и трусов. Круглый год бразильская пресса со вкусом обсуждает всевозможные операции на никогда не успокаивающейся футбольной бирже.

Извещения о них публикуются в газетах под громадными «шапками» и имеют такой вид: «Ботафого» просит за вратаря Мангу 600 тысяч крузейро, «Правый край „Жувентуса“ Антониньо передан в аренду в „Васко да Гама“ до конца сезона за 10 тысяч крузейро в месяц», «Быстроногий Мурило получен „Фламенго“ у „Оларии“ в качестве придачи к

купленному Нельсону», «Фламенго» ищет покупателя на Алмира. «Бонсуссесо» соглашается купить его, но требует в придачу Жилбера, ссылаясь на то, что Алмир уже слишком стар.

Одним из самых страшных, на мой взгляд, зол этой чудовищной, никогда не останавливающейся ярмарки живого футбольного товара является освященное законом правило, по которому сам игрок после сделки получает единовременное вознаграждение в размере 15 % суммы, за которую он был куплен. Этот порядок, кажущийся на первый взгляд глубоко «прогрессивным», то бишь ограждающим интересы футболистов, приводит к тому, что игрок не только перестает ощущать какую-то унижительность подобной сделки, но, наоборот, стремится быть проданным как можно большее количество раз. Это убивает в футболисте такие «старомодные» мысли и чувства, как «традиции родного клуба», «честь футболки» и тому подобные «сентиментальные глупости».

Подобное случилось, например, с лучшим полузащитником Бразилии Жерсоном, который в сезоне 1969 года начал ожесточенную войну с директором своего клуба «Ботафого», стремясь во что бы то ни стало быть проданным в «Сан Паулу». Дело дошло до того, что пресса стала обвинять Жерсона в недвусмысленном стремлении играть «вполноги». В конце концов Жерсон добился своего: 24 июня 1969 года он был продан директором «Ботафого» клубу «Сан Паулу». Это была одна из самых дорогих коммерческих сделок в истории бразильского профессионального футбола. По ее условиям «Ботафого» получил 900 тысяч крузейро (около 225 тысяч долларов).

Когда же в дело включаются более богатые европейские (или американские) клубы, особенно активно начавшие скупать бразильских футболистов после победы на чемпионате мира в Швеции в 1958 году, ситуация еще больше усложняется. Потому что сами бразильцы, даже, казалось бы, всемогущий «Сантос», не могут предложить своим игрокам таких сказочных заработков, коими их манят Италия, ФРГ или Испания.

Когда «Сантос» в 1969 году вернулся из Италии после матча с «Интернационале», кто-то из игроков привез с собой слух о том, что «Ювентус» предлагает Жаирзиньо, правому крайнему бразильской сборной и лучшему игроку «Ботафого», около 150 тысяч долларов единовременного пособия, не считая астрономической зарплаты, если он согласится перейти в этот клуб. Футболист, который в это время готовился к отборочным играм сборной страны за право выступать на мексиканском чемпионате мира, чуть не сошел с ума. «О боже, сделай так, чтобы это оказалось правдой! – прошептал он, потрясенный. – Если мне официально подтвердят это приглашение, я брошу все и убегу туда...»

Комментируя возникшую в связи с этим ситуацию, спортивный обозреватель «Журнал до Бразил» Сержио Норонья писал: «В тот момент, когда наши парни больше всего нуждаются в спокойствии, вновь начинают прибывать волнующие предложения из за океана... Честно говоря, если бы я получил одно из таких предложений, я перестал бы не только бегать, не только ходить по улице, но старался бы вообще не подыматься с постели, опасаясь подвернуть нечаянно ногу при обувании домашних шлепанцев и потерять таким образом эти фантастические деньги... Так представьте же себе этого бедного Жаирзиньо, профессионала, который, зная о своей славе, об этих предложениях, вынужден продолжать играть, ветре, чая открытой грудью самые грубые приемы противников... Подобные посулы сыплются на Пеле, на Тостао, Эду и многих других игроков сборной. Я не представляю себе, как тренеры могут работать сейчас с этими игроками, чьи головы одурманены сногшибательными суммами...» В общем, были бы у клуба деньги, а футболисты найдутся! Ну, а деньги берутся, так сказать, на трибунах. У сотен тысяч Жоанов и Зе. Поэтому доходы клуба зависят как от количества зрителей, так и от количества матчей, вследствие чего одна неделя без игр воспринимается футбольными бухгалтерами с беспокойством, две недели – с ужасом, три недели «простоя» являются «ЧП». после которого президент клуба в течение трех месяцев будет твердить на каждом углу о «невосполнимых потерях», о «катастрофическом финансовом положении команды». И будет выжимать из футболистов все. До последней капли пота.

В среднем бразильская команда играет два раза в неделю. Если в режиме игр выдается, скажем, десятидневное окно, импрессарио клуба организует полет куданибудь в провинцию на два три товарищеских матча. Двухнедельный же перерыв немедленно используется для прогулки в Европу или в соседние страны.

Вследствие этого тренер лишен возможности вести какую то планируемую тренировочную работу, поиски каких то тактических вариантов, наигрыш новых схем и линий... Главная забота тренера сводится обычно к установлению игрового задания на очередной матч и «затыканию дыр», вызванных непрекращающимися травмами игроков...

И это не преувеличение! Подавляющее большинство тренеров, медиков и самих футболистов жалуются на изнуряющий ритм состязаний. По мнению Жоана Салданья, известного футбольного специалиста, игроки ведущих клубов Бразилии являются жертвами потогонной системы, варварской организации турниров и «гастрольных» поездок. Жоан Салданья утверждает, что они не успевают восстанавливать свои силы между матчами, что приводит к нервному и физическому истощению, травмам, сокращению спортивной жизни футболиста.

Доктор Илтон Гослинг, работавший врачом сборной Бразилии на чемпионатах мира в Швеции, Чили и Англии (в последние годы он заведовал медицинским департаментом клуба «Васко да Гама»), заявил: «Бразильский профессионал – эта „машина, работающая на износ“, – находится в таком состоянии, что уже в середине сезона участие в матчах становится возможным только благодаря постоянному вливанию глюкозы...»

По словам Гослинга, являющегося, безусловно, выдающимся авторитетом спортивной медицины, в настоящее время не ведется никакого скольконибудь серьезного контроля за физическим состоянием футболистов. Медики (которые, кстати сказать, имеются только в нескольких крупнейших клубах) считают своей главной задачей подготовку игрока к завтрашнему матчу. Что будет с ним через неделю, через год, через пять лет – никого это не интересует...

Как же вознаграждается этот изнурительный труд?

Тень Манеко, или невидимые миру слезы...

Оклад футболиста профессионала оговаривается в контракте и зависит от уровня его мастерства, степени популярности и, разумеется, в первую очередь – от «доброй воли» хозяев клуба, которые, как любой торговец в любой сделке, стремятся заполучить искомый товар как можно дешевле. Помимо твердой ежемесячной зарплаты, футболисты за каждый выигранный матч получают специальное вознаграждение – «бишьо», размер которого зависит от важности данной победы, от класса поверженного соперника и опять таки от настроения хозяев клуба. Иногда бишьо достигает впечатляющих размеров: каждый игрок «Ботафого» за победу в финальном матче 1968 года на кубок Рио де Жанейро получил по тысяче крузейро (около 270 долларов). Укажем для сравнения, что средняя зарплата рабочего в Рио де Жанейро колеблется где то около 120–150 крузейро.

Правый крайний «Коринтианса» Пауло Боржес зарабатывает ежемесячно около 9 тысяч крузейро. Говорят, его оклад уступает только зарплатку Пеле, которому «Сантос» выплачивает 13 тысяч крузейро, не считая бишьо и других вознаграждений. Репортеры спортивной «светской хроники», пуская слюни умиления, сообщают с завистливым восторгом о заботах футбольных «миллионеров»: о том, как Пеле покупает акции, обзаводится маленькой фабрикой санитарно технического оборудования (которая, кстати сказать, не только не принесла ему доходов, но и причинила громадные убытки) и как потом продает ее, вкладывая выручку в покупку земельных участков. О том, как Жаирзиньо копит деньги на покупку бензозаправочной колонки. Такой же, какой уже обладает Тостао. Впрочем, Тостао обзавелся, помимо бензоколонки, магазином спортивных товаров и поступил на экономический факультет университета. Бьянчини, некогда неприметный форвард скромного клуба «Бангу», сумел быть весьма «удачно» проданным сначала в

«Ботафого», затем в «Васко да Гама», что позволило ему стать владельцем крупной пекарни и здания в три этажа, которое он сдает в аренду. Фонтана, купленный командой «Крузейро» у «Васко да Гама», обзавелся фазендой (поместьем) с солидным стадом крупного рогатого скота, которое, пока Фонтана играет, поручено заботам его брата. Впрочем, перечень имен этих счастливиц краток, как список обладателей выигрышей рождественской лотереи. Футбольные «миллионеры» не составляют и десятой доли процента от всей многотысячной армии профессионалов бразильского футбола.

Рядовые этой армии, отбывающие свою нелегкую повинность в так называемых «малых» клубах столиц и в периферийных командах, влачат незавидное пролетарское существование: микроскопическая зарплата, крохотные бишь, постоянный страх перед возможной травмой, которая приведет к простоям, а затем к расторжению контракта.

Но даже если все идет хорошо, если тренеры довольны, если – слава богу! – удастся играть без травм, если контракт обеспечивает щедрый заработок и президент клуба поощрительно хлопывает по плечу: «Молодец, парень!» – все равно футболист профессионал не чувствует себя спокойным. С каждым годом его все больше и больше беспокоит проклятый вопрос: «Что будет потом?» Это зловещее «потом» с приближением рокового тридцати тридцатипятилетнего рубежа беспокоит всех – мастеров «Фламенго» и скромных тружеников какого-нибудь «Атлетико» в Бауру. Потому что нет среди них такого, кто не знал бы о жалкой судьбе двукратного чемпиона мира Гарринчи, не помнил бы трагическую историю Манеко из Рио-де-Жанейрской «Америки» или Ипожукана из «Васко да Гама».

Манеко был волшебником мяча. До сих пор старые торседорес вспоминают «шоу», которое он устроил ошеломленным англичанам из «Арсенала», и его виртуозные проходы по краю в матчах со сборной Уругвая. Когда Манеко вынужден был по возрасту расстаться с мячом, начались тяжелые времена. Однажды он пришел к президенту клуба Жулите Коутиньо:

– Сеньор, займите мне деньги! Клянусь, возвращу через пару месяцев.

– Сейчас у меня нет, зайди через пару дней. Манеко не мог ждать двух дней: когда он вернулся домой, дома у него уже не было. Нехитрый скарб валялся на тротуаре, полиция опечатывала скрипящую дверь. На узлах сидели старики – его отец и мать, которым он подарил этот дом, купив его в рассрочку. И этот подарок всю жизнь был его гордостью.

Парень жалко улыбнулся и сказал:

– Отец, я что-нибудь придумаю... – И ушел, стараясь не глядеть на слезы, текущие по морщинистой щеке старика.

Он ничего не сумел придумать, потому что бывший владелец дома отказался отсрочить очередной платеж. Закон есть закон! И парень отравился.

На следующее утро газеты, которые давно забыли о его существовании, хотя было время, когда фотографии Манеко украшали их первые полосы, напечатали записку, найденную в кармане Манеко: «Отец, прости. Я больше не могу этого вынести! Я страдаю от мысли, что мать и сестры будут тяжело переживать мою смерть, но другого выхода у меня нет. Поцелуйте племянников. Постарайтесь не падать духом. Прощайте, я очень сильно плачу над этим письмом. Ваш Манеко».

А Ипожукан, знаменитый форвард одного из богатейших футбольных клубов «Васко да Гама»? Говорят, что он сумел обогнать время: десять лет назад он играл так, как играют сейчас. И вот сегодня, когда форварды пользуются найденными им открытиями, сам Ипожукан лежит в своей крохотной комнатке в убогом районе Сан-Паулу, умирая от острой формы сердечной недостаточности. Его мучает мысль о жене и детях, которые голодают вместе с ним. Голодают! В самом буквальном смысле этого слова. Ипожукан знает, что скоро умрет, потому что у него нет денег ни на врачей, ни на лекарства. Как то раз Ипожукан сказал репортеру, заглянувшему узнать, не умер ли уже он: «У меня есть деньги, которых хватит на три дня. Что будет потом – не знаю...»

Под трибунами «Мараканазиньо», Дворца спорта на территории «Мараканы», в небольшой комнатке разместилась канцелярия скромного учреждения, зашифрованного под таинственным названием «ФУГАП». Эта аббревиатура в переводе на русский язык означает нечто вроде «Гарантийный фонд помощи профессиональным спортсменам». В его обязанности входит оказание содействия престарелым футболистам. Таким, как Ипожукан, Манеко и тысячи других. Маленькая группа самоотверженных Дон Кихотов пытается что то сделать. Кого то устроить на работу, кому то выдать небольшое единовременное пособие.

Что могут изменить, чем могут помочь эти жалкие крохи, эти микроскопические капли милосердия, падающие в иссушенную нуждой и горем почву? Вот что сказала об этом «Журнал дос спорте», ведущая спортивная газета страны, устами одного из своих лучших репортеров Луисо Лакомба, пишущего о благородных, но бесплодных стараниях сотрудников ФУГАП: «Разве можно помочь всем, кто нуждается в помощи?... Что делать с людьми, которые вчера познали богатство и славу, а сегодня не имеют профессии и возможности работать где бы то ни было? Что делать с этими людьми, униженными необходимостью протягивать руку после того, как им аплодировали миллионы?... Нищета, нужда, болезни, вплоть до проказы, безысходное горе бесконечных просителей. Что делать с ними? Вот трагическая драма ФУГАП».

К сказанному остается только добавить сухую статистическую справку: если ранее эта организация получала в свое распоряжение десять процентов от кассовой выручки с футбольных матчей, то недавно эта квота ФУГАП была уменьшена до двух процентов. Сделано это было по настоянию все тех же «картолы» – руководителей клубов, которые отнюдь не заинтересованы в том, чтобы содержать всех этих бывших знаменитостей и вчерашних чернорабочих футбола. Картолы лихорадочно ищут деньги для миллионных сделок по купле продаже сегодняшних «звезд», которые пока что сверкают. А завтра пополнят печальные списки ФУГАП...

Президенты не любят неудачников

Будем справедливы! Не все «идолы», не все погасшие «звезды» бразильского футбола заканчивают свой путь меланхолическим актом регистрации своей фамилии в списках ФУГАП. Некоторые из них не прощаются с футболом, они пытаются законтрактоваться тренерами в какой либо из двадцати трех тысяч футбольных клубов Бразилии. О них и пойдет речь в этой главе.

* * *

В конце сезона 1957 года накануне ответственного турне по странам Америки и Европы взбунтовался тренер «Ботафого» Жениньо. Подобные конфликты являются обычным делом, периодически вспыхивают они то в одном, то в другом клубе Бразилии. И в этом нет ничего удивительного, ибо в самой структуре руководства клубами заложено неразрешимое, неустранимое противоречие между тренером, являющимся наемным тружеником клуба, и его хозяевами – картолами: президентом, директором департамента футбола, членами президентского совета. История не сохранила причин спора Жениньо со своими хозяевами: то ли он добивался более выгодного контракта для себя лично, то ли протестовал против продажи каких либо игроков «Ботафого»... Да это и не важно. Важно то, что после того, как разъяренный Жениньо хлопнул дверью роскошного кабинета своего хозяина, в «Ботафого» родился новый тренер. Возможно, самый выдающийся. И уж наверняка самый компетентный из бразильских тренеров. Речь идет о Жоане Салданыи.

Разумеется, хозяева «Ботафого» при иных обстоятельствах никогда не позволили бы себе эту авантюру: пригласить скромного чиновника клуба, каковым был в то время Жоан, на весьма почетный и важный пост старшего тренера первой команды. Просто напросто они оказались в безвыходном положении: «горела» очень выгодная «экскурсия», сулившая клубу

прибыль, и нужно было кого то срочно посылать с командой. Первым, кто подвернулся под руку, оказался Салданья. Он не имел блистательного футбольного прошлого: играл в детстве на пляжах Копакабана и Ипанема, потом стал тренером одной из «диких» команд, потом пристал к «Ботафого», где играло много его земляков из штата Рио Гранде ду Сул.

Тут, в «Ботафого», Жоан помогал тренерам, работал переводчиком при нескольких европейских тренерах, приглашенных в Бразилию, потом стал исполнять обязанности администратора команды.

Когда его «бросили» в турне вместе с клубом, Салданья не растерялся. Он хорошо знал игроков, отчетливо представлял себе, что может и чего не может каждый из них.

Он решил, что у него нет времени для изобретения каких то гениальных тактических схем и внедрения хитроумных новаций.

Жоан собрал игроков и сказал им:

– Вы видите, парни, эту правую полосу поля – от нашей штрафной площадки до ворот противника? Сюда, на правый фланг, никому из вас я не разрешаю совать нос. Это – коридор Манэ Гарринчи. Все остальные должны играть в центре и слева. К Манэ и близко подходить не смейте. Пусть делает здесь что захочет, а ваше дело ждать от него пас и бить по воротам...

Так после этой счастливой встречи дальновидного тренера и гениального футболиста начался сенсационный взлет знаменитого Гарринчи и не менее сенсационные победы «Ботафого» на чужих и своих полях. Жоан раскрепостил игроков, предложил каждому «играть свою игру». И даже если он давал какие то строгие установки на тот или иной матч, он добавлял:

– Если вы в ходе матча почувствуете, что моя установка не дает результатов, меняйте игру, не оглядываясь на меня...

Это было неслыханно. Вероятно, никогда еще в истории бразильского футбола тренер не разговаривал с футболистами таким языком. И привыкшие к окрику, к железным оковам незыблемых тактических схем, малограмотные виртуозы мяча вдруг почувствовали веру в свои собственные силы. В свой, если хотите, футбольный интеллект. Мулаты, негры и белые, составляющие разноцветный «коктейль» «Ботафого», заиграли, как никогда не играли до этого. Зарубежное турне превратилось в победоносное шествие «Ботафого» по стадионам двух континентов. А вернувшись на родину, «Ботафого» в упорной борьбе с «Фламенго» впервые за много лет завоевал звание чемпиона.

А затем, спустя несколько месяцев, история повторилась: снова хлопнула громко дверь в кабинете президента клуба. На сей раз уходил сам Салданья, протестуя против продажи нескольких футболистов...

Так было, так есть и так будет до тех пор, пока сохраняется нынешняя организационная структура профессионального футбола, о которой сам Салданья блестяще писал в своей книге «Подземелья бразильского футбола»: «Бразильский футбол живет в атмосфере политиканства^ куда более мелочного, чем распри политических партий... Архаичная, устаревшая организация мешает ему развиваться. Футбол популярен, он приносит известность и славу клубным дельцам, дает им имя. И они яростно дерутся за место под солнцем. Когда один какой нибудь футбольный босс только начинает постепенно понимать что то в футболе, осваивает первые азы законов этого вида искусства, этого босса свергает какой нибудь иной... Он ведет себя словно является наследником Ротшильда. И все начинается сначала до тех пор, пока этот болтун начнет постепенно осваивать то, что другие уже давно освоили бы на его месте...»

В такой обстановке работают бразильские тренеры. Впрочем, слово «работают» является в данном случае литературным украшательством: тренеры в Бразилии не работают. Во всяком случае, они не имеют никаких возможностей для работы. Тот же Салданья пишет в упомянутой книге: «В Бразилии не существует тренировочной работы в футболе. Говоря так, мы имеем в виду не подготовку команды накануне какого то конкретного матча, которая то и является именно „подготовкой“, не более... Наши клубы только и делают, что ведут эту

„подготовку“. Ведь мы не имеем футбольного сезона. В футбол играют у нас практически все время. Одна игра следует за другой, и то, что вообще то называется тренировочной работой, в Бразилии сводится к торопливой подготовке к матчу, проводящейся в кратком, четырехдневном, интервале между двумя играми...»

Может быть, Салданья слегка сгустил краски: мне доводилось видеть серьезные, интенсивные занятия самого Салданьи с футболистами сборной страны, наблюдать вдумчивую работу Загало в «Ботафого», Дюка в «Бонсуссесо», Тима во «Фламенго». Но эти примеры – исключение. А в принципе Салданья все таки прав. Бразильский тренер не имеет возможности работать с командой. У него на это нет времени, а у игроков нет сил. «В лихорадке календарных и товарищеских матчей лишь кое когда удастся провести тренировочку или разминку. Тысячи проблем обрушиваются на тренера: воспаленные миндалины вратаря, которые являются очагом заражения, способным ухудшить любую травму, должны ожидать до января. Так же как „верминоз“ на почве истощения у другого игрока, недавно прибывшего с северо востока и принесшего в своем организме все, что можно только себе представить: от аскарид до эскистосомоза. Их будут „лечить“ слабительным. Для облегчения колик... Ну, а сифилис третьего – который не нуждается для подтверждения диагноза в анализе крови, достаточно только поглядеть на него – будет тоже лечиться мимоходом, по мере возможностей, столь ограниченных в этой суматохе. И когда кто то пожалуется, что нуждается все таки в небольшом перерыве, в отдыхе для лечения, существует одно легкое средство, дающее грандиозные результаты: „Послушай, бишьо против „Фламенго“ в воскресенье обещают в восемьдесят тысяч... Понял? Даже сенатор не зарабатывает столько за девяносто минут...“

„Лекарство“ действует безотказно. Боль „проходит“, лечение может быть отложено. Позднее, разумеется, веревка лопнет. Но ведь это будет позднее!... А пока будем решать наши сегодняшние проблемы!»

Стоит ли обвинять во всем этом тренеров? Ведь над ними словно дамоклов меч висит день и ночь карающая рука картолы: как только команда начинает проигрывать, и без того шаткое положение тренера становится катастрофическим. Контракт заключается на год. И по окончании контракта президент клуба даже и разговаривать не станет, даже руки не протянет тренеру, который, по мнению вельможи, считающего себя, разумеется, знатоком футбола, провел сезон не очень удачно...

И тренер вынужден отправляться по безбрежному футбольному морю Бразилии в поисках новой пристани... А море это действительно безбрежное: как было уже упомянуто, в Бразилии имеется свыше двадцати трех тысяч футбольных клубов. А дипломированных специалистов – тренеров со специальным образованием приходится на них...60, повторим для верности прописью: «шестьдесят» человек.

Правда, приступая к рассказу о тренерах, сразу же спотыкаюсь об один любопытный факт: тренеры, добившиеся в последние два три года наиболее интересных результатов в ведущих бразильских клубах и сборной, не являются – как это ни парадоксально! – дипломированными специалистами. Нет диплома у Загало – тренера «Ботафого», выигравшего в 1967–1968 годах все турниры, в которых команда принимала участие, у Теле – тренера «Флуминенсе», команды, ставшей в 1969 году чемпионом и обладателем кубка Рио де Жанейро, у Антониньо – тренера «Сантоса», команды, которая не нуждается в рекомендациях. Нет диплома и у самого Салданьи...

Но, я думаю, они не обидятся на автора книги, если он начнет рассказ о бразильских тренерах не с них, а с их дипломированного коллеги. С Висенте Феола – тренера «золотой сборной», одержавшей блистательную, сенсационную победу на чемпионате мира 1958 года в Швеции. Злые языки утверждают, правда, что Феола, несмотря на свой диплом Высшей школы физического воспитания, не был в общем то идеальным тренером. Тем более тренером сборной. Во всяком случае, Феолу называют «раздатчиком футболок», не более того. Мне приходилось даже слышать утверждения, что де великой сборной 1958 года вообще не нужен был тренер: Пеле! Вава! Диди!... Они и сами выиграли бы Кубок Жюля

Риме! Разумеется, это не так, однако не следует забывать, что Феола противился включению в команду Гарринчи, держал в запасе Нилтона Сантоса и Пеле. Этого ему до сих пор не забывает ни один из торседорес Бразилии. В то же время страна забыла, что, помимо чемпионата мира 1958 года, сборная Бразилии под руководством Феолы одержала победы в шести крупных международных турнирах (в том числе в «Атлантическом кубке»), что из 96 игр, проведенных сборной Бразилии под руководством Феолы, было выиграно 66! Слишком хорошие результаты для скромного «раздатчика футболок»!

Конечно же, помимо расстановки игроков на поле, Феола умел вселить в них чувство уверенности в своих силах, чувство спокойствия. Умел настроить их на победу. Умел заставить их не бояться, а уважать противника. Не следует забывать и того, что в руках Феолы было в 1958 году грозное оружие, повергнувшее в панику тренеров и футбольных специалистов всего мира: знаменитая схема 4+2+4. О ней речь пойдет в соответствующей главе, а пока отметим лишь, что выиграла шведский чемпионат все же не эта схема, а двенадцать человек; одиннадцать на поле и один – Висенте Феола – за его пределами...

Преемником Феолы на посту тренера сборной страны стал накануне чемпионата мира 1962 года Айморе Морейра. Рассудочный, спокойный человек. Один из выдающихся знатоков и теоретиков футбола. Именно он привел сборную команду к победе на чилийском чемпионате мира 1962 года, и именно ему было вновь поручено руководство сборной после поражения Феолы в 1966 году в Англии. Айморе стал одним из первых глашатаев «универсализации» в бразильском футболе. Мне кажется, что его сдержанность, его осторожность и осмотрительность отразились и на манере игры возглавляемой им команды. Особенно это было заметно на сборной «образца» 1968 года. Эта команда имела в основном тех же игроков, что и команда Салданья, проводившая в блестящем атакующем стиле отборочные матчи первенства мира в 1969 году, однако у Айморе футболисты играли, я бы сказал, слишком спокойно, чрезмерно осмотрительно. Они атаковали, беспрестанно оглядываясь назад. Они не столько взламывали оборону противника, сколько трудились над созданием своих оборонительных рубежей.

Впрочем, главной бедой Айморе была его полная зависимость от «сильных мира сего». От футбольных чиновников и президентов клубов, диктовавших Айморе свои требования тоном, не терпящим возражений. Блистательной противоположностью ему стал новый тренер – сборной Салданья, сказавший в тот день, когда его пригласили на этот пост: «В Бразилии живет 80 миллионов человек, которые могут предложить мне 80 миллионов вариантов сборной команды... Но на поле выйдет моя команда. Та, которую я предложу». Об этой команде мы еще будем говорить, а сейчас хочется подчеркнуть, что подобное поведение тренера в Бразилии является, пожалуй, беспрецедентным фактом. И это понравилось бразильцам, утомленным бесчисленными вариациями, модификациями и новациями в составе сборной, практиковавшимися Айморе. Салданья пришел и сказал: «Наша бразильская сборная должна быть для нас как любимая самба: каждый бразилец должен знать припев...» И через две недели после прихода Салданья каждый мальчишка этой страны наизусть знал состав своей сборной...

Не будем забегать вперед и говорить о творческих концепциях Салданья, чему посвящена специальная глава книги. Отметим иное: принципы товарищеского отношения к игроку, уважения человеческого достоинства и права футболиста на творчество, продемонстрированные Жоаном в том памятном 1957 году, когда он пришел в «Ботафого», остались святыми для него и по сей день. А это не так уж часто встречается в профессиональном футболе! Жоан умеет уважать в футболисте человека. Возможно, его научил этому дикий случай, о котором он рассказал в своей книге:

«Случилось это в сорок шестом или сорок седьмом году. „Ботафого“ „концентрировалось“ тогда накануне матчей в стареньком доме на окраине Рио в городском парке. „Концентрация“ была, что называется, „из тех“ – на целую неделю. В тот раз дело было перед встречей с одним из „великих“ клубов.

Жена игрока Авила лежала в больнице святого Себастьяна с тяжелой хронической болезнью. Жизнь ее долгое время висела на ниточке.

Игра начиналась в субботу во второй половине дня, а где то около одиннадцати утра на тренировочной базе зазвонил телефон. Игрокам было запрещено подходить к телефону. Тем более накануне матчей. А звонили из больницы, срочно вызывая Авилу. Тот, кто снял трубку – один из администраторов клуба, – ответил, что Авила не сможет сегодня поехать в больницу. Тогда к телефону подошла сама старшая медсестра – монашка, работавшая в госпитале, и стала настаивать, требуя, чтобы игрок срочно приехал. Администратор положил трубку и отправился к тренеру: „Монашка сестра утверждает, что жене Авилы стало хуже и что она зовет его...“ Руководство команды обсудило ситуацию и решило, что накануне матча футболисту не стоит ехать в госпиталь святого Себастьяна. Матч предстоит весьма важный... Администратор вернулся к телефону и сообщил сестре, что Авилу вызвать нельзя.

После матча Авиле сказали, что ему нужно съездить в госпиталь, потому что с ним хочет говорить жена. Он взял такси и отправился в „святой Себастьян“. Когда Авила вошел, сестра бросилась к нему навстречу и крикнула:

– У сеньора нет сердца? Сеньору не жалко свою жену? Я звонила вам с утра, а вы только сейчас появились?!

Ничего не понимая, растерявшись от неожиданности, парень спросил:

– Но в чем, собственно говоря, дело? У меня был матч. И мне только сейчас сказали, что она меня зовет... Вот я и примчался. Я торопился, взял такси...

– Теперь уже поздно, – сказала сестра. – Ваша жена умерла в три часа дня. Вы можете увидеть ее тело в часовне. – И, зарыдав, монашка добавила:

– Бедняжка все время звала вас, сеньор!..

Авила потерял сознание. Он пришел в себя только поздно вечером. Даже ночью... Он снова взял такси и отправился на „концентрацию“, где ожидал найти всех: и игроков и картол. Но на базе никого уже не было. Только ночной сторож и его жена. Авила схватил железный лом и разбил все, что смог разбить. Не осталось ни одного окна, двери, ни одного предмета из мебелировки, который бы он не разнес в щепки. Он разгромил даже кухню и уборную. А потом взял такси и отправился на поиски тех, чьи адреса были ему известны. Никого не нашел. Никого не было дома...

На следующий день были похороны. Авила, упав на гроб, рыдал, повторяя одно и то же:

– Мне не позволили поцеловать тебя в последний раз, но теперь ты отмщена. Те, кто это сделал, никогда больше не будут иметь спокойствия...»

Одним из самых молодых, но весьма авторитетным, несмотря на этот «недостаток», тренером является Загало – левый крайний «золотой сборной». Он руководит своим собственным клубом «Ботафого», откуда некогда пришел в сборную. Загало старается прививать молодежи свои собственные навыки и приемы. Сегодня левый край «Ботафого» Пауло Сезарь играет в той же манере и, пожалуй, не менее блистательно, чем некогда играл сам Загало. Молодой тренер многого добился. Под его руководством клуб завоевал несколько весьма почетных титулов и кубков. Однако Загало проявил некоторый «консерватизм», пытаясь третий год подряд играть в одной и той же манере, которая в общем то стала хорошо знакомой соперникам «Ботафого». Поэтому в 1969 году команда потерпела неудачу, слабо выступив и в первенстве и в кубковых матчах штата Гуанабара, то есть Рио де Жанейро. К тому же, как уже было упомянуто в предыдущей главе, картолы «Ботафого» продали Жерсона, являвшегося костяком, нервным центром, дирижером команды. Разумеется, как это всегда бывает, мнением тренера во время оформления этой сделки никто не поинтересовался...

Такая же участь постигла и тренера «Фламенго» Тима. Он пришел в команду в начале 1969 года, когда она переживала жестокий кризис, провалившись во всех ответственных турнирах 1968 года. Тим за два месяца сумел вдохнуть в своих парней веру в победу. Маневрируя на черном столе своими знаменитыми пуговицами, заменявшими ему фигурки

футболистов, он развивал свои концепции и идеи, основанные на максимальном использовании талантливого, техничного нападающего Луиса Карлоса. Когда подготовительная работа была закончена, когда нужно было начинать матчи чемпионата, Луис Карлос был продан в «Васко да Гама». Говорят, что сам Тим узнал об этом из газет...

Впрочем, Лиса, как зовут Тима в Бразилии, не сдался. Он отправился к президенту «Фламенго» и потребовал равноценной замены. Президент, разводя руками, объяснял, что Луис Карлос был продан для того, чтобы клуб смог выплатить хотя бы некоторые, самые неотложные из фантастических долгов, накопившихся у него. Дело кончилось тем, что на деньги, вырученные от продажи Луиса Карлоса, был куплен в Аргентине стремительный и техничный нападающий Довал. «О Бразил бразилейро!» – говорят в таких случаях, разводя руками, граждане этой страны: «О моя бразильская Бразилия!»

В противоположность Айморе и Загало Тим отрицает строгие тактические схемы и формулы. Он считает, что все эти 4+2+4, 4+3+3 сыграли свою положительную роль в нескончаемом футбольном спектакле, а теперь на смену им приходит новое... «Они связывают, эти схемы, тренера. Они мешают разворачиванию свободной игры, в которой главной задачей тренера и команды является удивить противника и при этом самому не оказаться удивленным, самому не дать захватить себя врасплох...»

Тим любит играть широко, стремительно захватывая пустоты, на половине поля противника, как это делают баскетболисты. Он требует от защитников овладения длинным пасом, адресованным выдвинутому вперед нападающему. Он считает, что лучше ошибиться в таком пасе, обостряющем игру, чем дать точный, но поперечный и мелкий пас на своей половине поля, Тим скептически относится к современной моде играть с «чистильщиком», полагая, что этот лишний защитник является не чем иным, как потерянным, утраченным для атаки игроком... И, кроме того, утверждает он, у любой команды всегда имеется верное средство против «чистильщика» – атака через фланги.

Тим позволяет себе теоретизировать, свысока поглядывая на своих коллег, потому что его дела идут не так то уж и плохо. «Фламенго» перебралось на второе место в турнирной таблице чемпионата Рио де Жанейро и уверенно выступает в розыгрыше «Серебряного кубка» Бразилии. А самое главное: до конца контракта у Тима есть еще довольно много времени. И любую неудачу пока что еще можно успеть исправить. А вот когда контракт будет подходить к концу, тут Лисе придется держать ухо востро. Тогда любая оплошность, любое поражение будет грозить крупными неприятностями. И может статься, что когданибудь, развернув утром газету, Тим узнает, что он уже не тренер «Фламенго». И что ему нужно подыскивать себе другой клуб. А это в условиях Бразилии является не такой то уж простой задачей. Здесь двадцать три тысячи клубов, но их президенты очень не любят неудачников...

* * *

Нельзя не сказать о том, что, несмотря на все вышеперечисленные трудности, кое в чем бразильские тренеры имеют преимущества – и немалые – по сравнению со своими коллегами из иных стран. Они, в частности, располагают куда более богатым «материалом» для работы, чем, скажем, английские или французские тренеры: ведь Бразилия является подлинной сокровищницей футбольных талантов! А почему? Почему именно Бразилия, а не Англия – родина футбола? Почему не Уругвай или Аргентина, которые являются, конечно, ведущими «футбольными державами», но которым все таки далеко до Бразилии по обилию «сверхзвезд» футбола?..

Попробуем в этом разобраться. Прежде всего следует учесть, что Бразилия обладает совокупностью ряда условий, способствовавших и продолжающих способствовать появлению футбольных талантов в больших количествах. Об этом пишет в предисловии к нашей книге Жоан Салданья. Позволю себе повторить его.

Во первых, колоссальная популярность футбола, ставшего не просто любимым видом спорта, а главным развлечением, времяпрепровождением, единственной – не побоимся этого слова – страстью миллионов жителей этой страны. Во вторых, вследствие благоприятных климатических условий футбол в Бразилии может практиковаться круглогодично. В третьих, бразильские дети вследствие суровых условий жизни рано созревают, рано формируются духовно и физически, что является, в известной степени, их «преимуществом» по сравнению с детьми народов, проживающих в более развитых странах, где детвора не обязана, как это часто бывает в бразильской провинции, с 7–8 лет заботиться о заработке, пропитании и тому подобных «взрослых» вещах. И поскольку футбол – это спорт молодых, юный бразилец встречает его во всеоружии своего житейского опыта. А иногда он рассматривает футбол как единственно доступное средство «выбиться в люди», как одно из немногих средств, обеспечивающих ему возможность прокормиться...

И все же главным из этих условий, на мой взгляд, является первое – широчайшее распространение футбола в народе. В футбол в Бразилии играют все, играют всюду, играют с того возраста, когда начинают ходить. Не могу в связи с этим отказать себе в удовольствии привести еще один отрывок из книжки Жоана Салданы:

«Английский, итальянский или французский ребенок приходит в футбольный клуб и очень воспитанно обращается к тренеру: „Я хотел бы научиться играть в футбол“.

Тренер глядит на мальчишку, чтобы выяснить, не обладает ли он каким либо физическим дефектом (Гарринча никогда не смог бы играть ни в одном из английских клубов), измеряет его вес, рост и намечает день и час первого урока. Этот урок начинается демонстрацией серии фотографий и схем, которые „обучают“, как надо бить по мячу: „схема № 1“ – удар внутренней стороной стопы (и на снимке игрок, считающийся одним из лучших, производит такой удар). Затем тренер показывает „схему № 2“, где демонстрируется другой элемент... Увы, вдруг в футболе появляется некий Диди, который посылает мяч по кривой, вратарь прыгает в один угол, мяч влетает в другой, и возникает вопрос: „Правильно или неправильно?“ Ведь в диаграммах и учебниках этого нет!..

А бразильский мальчишка является в клуб первой группы и уже умеет делать с мячом что угодно. То, что имеется и чего нет в английской книжке. Его первый контакт с тренером протекает иначе:

– Кроме вратаря, могу играть на любом месте. В команде своей улицы предпочитаю играть полузащитником...

Поэтому задача тренера в Бразилии – не обучать футболу, а подбирать игроков. Любой мальчишка, появляющийся в профессиональной команде, способен пробежать вокруг поля ни разу не дав мячу упасть на землю... Но он не знает ни одного параграфа правил. Знает только одно: рукой разрешается играть лишь вратарю. Все остальное приходит по интуиции, благодаря природной сметке, опыту, полученному в суровой жизненной борьбе...

...Футбол – это искусство, а в искусстве прежде всего важен талант. Талант может быть развит тренером, но никогда не сможет родиться из чтения книжек. В книжке можно найти схематизированный опыт или теорию, нуждающуюся в развитии. Но только талант способен в искусстве к свершениям...»

«Задача тренера – не обучать футболу, а подбирать игроков...» – большинство бразильских тренеров понимает эти слова буквально. Поэтому любой из них после прихода в команду прежде всего составляет и представляет картолам клуба свою «творческую заявку», обозначая в ней, кого следует немедленно купить для команды. Одного «артиллеро», к примеру, двух полузащитников и вратаря... С этой шпаргалкой клубные чиновники отправляются на поиски нужных игроков.

«Футбол – это искусство, а в искусстве прежде всего важен талант...» – поэтому очень трудно заставить бразильца совершенствовать какой то технический прием, отработать финт или шлифовать удар. Бразильский игрок полагается на свою интуицию, на свой действительно великолепный дар импровизации. (Хотя, конечно, бывают и исключения: некоторые тренеры, уже упомянутый Тим например, терпеливо и настойчиво заставляют по

многу раз повторять какую то комбинацию, что рассматривается игроками как весьма неприятная обязанность... Они не любят зубрежку. Самый приятный элемент тренировки для них – это «дойс токес», игра, когда каждый из них имеет право только дважды коснуться мяча, обрабатывая его после получения паса от партнера. Два касания – и мяч должен быть передан другому игроку или пробит по воротам.)

«Футбол – это искусство...» Правильно! Но тот же Пеле смог подняться до головокружительной высоты своего мастерства не только благодаря таланту, но и в такой же степени благодаря титаническому трудолюбию, удивительной способности по многу часов подряд работать с мячом. Вероятно, так работал со скрипкой Паганини. Вероятно, столько же времени посвящала своему станку Галина Уланова.

К сожалению, пример Пеле не заражает его соотечественников. Если бы они заставили себя работать с мячом столько времени, сколько уделяет ему Пеле, возможно, «королю» пришлось бы потесниться на своем троне, разделив его с двумя, тремя, десятью или десятками не менее одаренных, но, увы, куда менее трудолюбивых «волшебников мяча».

А судьи кто?

В 1956 году «Сантос» встречался с командой города Таубате. В случае выигрыша он становился двукратным чемпионом штата Сан Паулу. За несколько минут до начала матча руководители клуба получили сообщение, пришедшее «по агентурным каналам», о том, что судья взял от хозяев поля 100 тысяч «старых» крузейро в качестве «подмазки». Для «Сантоса» нет трудных ситуаций! В течение нескольких минут среди игроков и футбольного руководства был организован молниеносный сбор доброхотных даяний, и представитель команды ворвался в судейскую комнату уже в тот момент, когда арбитр взвешивал мячи.

– Вот 150 тысяч. Вместе с теми, что сеньор только что получил, это составляет 250, не так ли? Это достаточная сумма за то, что сеньор будет судить правильно!

Судья взял деньги, матч прошел нормально, «Сантос» выиграл со счетом 2:1.

Самое интересное в этой истории то, что ни судья, ни руководители «Сантоса» не возмущались, не кричали, не брызгали слюной, не тратили энергию на взаимные попреки и самоопровержения. Деловая встреча деловых людей – и только! Однако не всегда удается проделывать такие операции в абсолютной тишине. «Грязное белье футбола!», «Коррупция!», «Пора наконец судьбу матчей решать на футбольных полях, а не за кулисами!» – периодически такие заголовки фейерверком взрываются на страницах газет. Иногда, впрочем, фейерверки случаются и посерьезней: по окончании чемпионата штата Гуанабара 1967 года был обвинен в подкупе вратарь чемпиона – команды «Ботафого» Манга. Выяснение отношений зашло так далеко, что один из обвинителей – Жоан Салданья аргументировал свои доводы револьверным огнем, обратив несчастного Мангу в бегство.

В следующем, 1968 году разгорелся грандиозный скандал в штате Сан Паулу. В печать попали документы, свидетельские показания и интервью, обличающие в подкупе, в «организации» результатов матчей целую группу судей футбольной федерации штата. Судья Жозе Астолфи обвинил в покровительстве этих преступников самого президента федерации Мендонса Фалкао. Журнал «Крузейро» опубликовал рассказ бывшего президента провинциального клуба из городка Пирасикаба, подробно рассказавшего о грязных махинациях федерации и откровенном взяточничестве судей.

Результаты этой кампании оказались более чем скромными: были отстранены от судейства несколько арбитров с подозрительной репутацией, а заодно «выжиты» из штата Жозе Астолфи и еще несколько судей, посмеявших «вынести сор из избы».

Журнал «Крузейро» заявил однажды, что в Бразилии есть только один судья – Армандо Маркес, которого, по единодушному мнению всех бразильцев, невозможно подкупить. Он так сильно дорожит своей репутацией, что в перерыве между первым и вторым таймом никогда не покидает футбольного поля. Пока команды отдыхают в раздевалках, Армандо одиноко маячит в центральном круге. И это затем, чтобы, как он сам сказал, стадион видел,

что никто к нему не приближался для того, чтобы просить о чем то или... предлагать что либо. Армандо, повторяем, неподкупен.

А остальные? Остальные не пользуются доверием торсиды, игроков и тренеров.

Конечно, это не означает, что перед каждым матчем каждый судья получает деньги или чек бразильского национального банка за «организацию» результата встречи. Основная причина недоверия к судьям кроется в их беспомощном положении по отношению к владельцам клубов, хозяевам команд, которые при желании могут в два счета «закрыть» карьеру судьи.

Дело в том, что в Бразилии нет независимой коллегии судей или какого то иного органа, защищающего их интересы, поэтому арбитры назначаются непосредственно футбольными федерациями, руководители которых всецело зависят от боссов «Фламенго», «Ботафого» и т. п. Поэтому в 1968 году были, например, изгнаны из рядов арбитров Клаудио Магальяэс, чем то не угодивший президенту «Фламенго», и Карлос Флориано Видал, вызвавший гнев президента «Ботафого».

Однако, пожалуй, самый потрясающий пример самоуправства клубных дельцов и полнейшей беззащитности судей продемонстрировали картолы клуба «Васко да Гама». После того как судья Марио Вианна удалил в одном из матчей трех игроков команды, заправились «Васко» обвинили арбитра в том, что он... психически ненормален! И не только обвинили, но и потребовали медицинской экспертизы! В результате Марио Вианна три последующих матча провел под наблюдением специальной комиссии психиатров, назначенной для «обследования психических способностей» арбитра. Судья судил матч, а психиатры судили судью. Справедливость, правда, на сей раз восторжествовала, и ученые мужи вынуждены были признать Марио Вианна психически нормальным человеком.

Эти печальные факты учат арбитров проявлять осторожность при судействе матчей с участием «больших» клубов, а это приводит к тому, что, почувствовав нерешительность судьи, игроки начинают на поле откровенную войну. В последние годы бразильский футбол переживает настоящую «эскалацию насилия». Одна из встреч «Васко да Гама» и «Флуминенсе» превратилась в грандиозную драку, когда судья, укрывшись в раздевалке под охраной полиции, принял решение об удалении с поля всех игроков обеих команд. Всех, кто до этого не был унесен санитарями на носилках...

Финальный матч первенства Рио де Жанейро 1966 года вообще не был доигран из за драки, вспыхнувшей за 20 минут до конца игры между всеми 22 игроками «Фламенго» и «Бангу». В драке перевес был на стороне «Фламенго», однако первое место в чемпионате досталось «Бангу».

А в одном из провинциальных городков Сан Паулу полиция не сумела спасти судью, который имел неосторожность не обратить внимания на предупреждение, сделанное ему накануне матча представителем «хозяев поля»: «Если мы не победим, сеньор не выберется живым из города...» Арбитр Карлос Афонсо Лопес в середине второго тайма был вынесен с поля и пришел в себя только в госпитале.

Это случилось, как было сказано, в маленьком провинциальном городке. Однако и в крупных «столицах» безопасность арбитра никогда не является гарантированной: когда судья Арналдо Сезар Коэльо на втором по величине в Бразилии стадионе «Минейрао» в Белу Оризонти осмелился аннулировать забитый из офсайда гол команды «Палмейрас» (Сан Паулу), взбешенные футболисты избили его. Адемир да Гийа ударил его ногой, Тупазиньо разорвал ему рубашку, остальные толкали судью в грудь и оскорбляли его самыми грязными словами...

Впоследствии все это было отражено в протоколе матча, составляющемся в трех экземплярах, один из которых остается у федерации, на территории которой про водится матч, а два направляются в Бразильскую конфедерацию спорта.

Я так подробно рассказываю о канцелярской стороне дела, чтобы читатели поняли более чем странный поворот событий, развернувшихся впоследствии. Все три экземпляра

протокола матча, которые должны были служить основой для разбирательства и наказания виновных, исчезли! Началась долгая волокита, запросы, переписка.

В результате хулиганы, совершившие нападение на судью, отделались легким испугом и мизерным штрафом. И спортивный обозреватель журнала «Фатос и фотос» Ней Бьянчи философски поучал затем молодого арбитра: «Этот парень, которому всего лишь 26 лет, уже начинает понимать, что судья может рассчитывать только на самого себя. Никто не придет ему на помощь, никто не возьмет его под защиту. Особенно, если он вступает в конфликт с „большим“ клубом. Судья одинок, и он либо склоняется, позволяя „сеньорам“ футбола командовать собой, либо теряет работу. Таков бразильский футбол...» А журнал «Маншете», комментируя дисквалификацию одного из судей после грандиозной драки, вспыхнувшей на поле, писал: «Нет ничего проще, чем обвинить судью в инцидентах и драках. Но правда заключается в том, что этот человек в черном имеет в руках всего лишь свисток. А не пулемет...»

Конечно же, не все бразильские судьи покорно соглашались с ролью ягнят, выпущенных в стадо волков. Некоторые из них демонстрируют в самых критических обстоятельствах весьма твердый нрав. Однажды в БелуОризонти судья Жаокин Гонсалес во время матча был настигнут выскочившим на поле разъяренным тренером одной из команд. Поскольку игроки не стали разнимать, а полиция решила, что взаимоотношения судей и тренеров ее не касаются, судья вынужден был самостоятельно решать проблемы самозащиты без оружия. Он не только избил тренера, но и удалил его с поля, запретив ему присутствовать на матче рядом с запасными, а после этого как ни в чем не бывало продолжил матч.

И все же вышеизложенный случай является, мягко выражаясь, не типичным. Ибо давно уже канула в Лету эпоха, когда футбольные судьи в Бразилии рассматривались чуть ли не как заместители бога на земле. В те добрые времена мог произойти такой, например, случай: когда на решающем матче чемпионата Рио де Жанейро 1927 года возник старый как мир конфликт из-за назначенного арбитром пенальти и игра остановилась для выяснения отношений, присутствовавший на трибуне президент страны Вашингтон Луис, недовольный задержкой, направил на поле своего офицера для поручений. «Его Высокочество, сеньор президент республики требует продолжить игру!» – скомандовал офицер судье. Тот обернулся, поглядел пренебрежительно в сторону трибуны почета и сказал сияющему аксельбантами и сознанием собственного величия порученцу: «Передайте сеньору президенту, что он командует там, за пределами поля. А здесь команду я...»

Сегодня, увы, бразильский судья не командует на поле. А что касается «за его пределами»... Об этом хорошо знает на собственном горьком опыте Армандо Маркес. Или, если уж быть точным, сеньор Армандо Нунес Роза да Кастанейра Маркес. В 1961 году он осмелился выгнать с поля Пеле. Великого Пеле! «Король» футбола был удален Армандо Маркесом на «Вила Бельмиро» – родном стадионе «Сантоса» – в присутствии тридцатитысячной торсиды. После матча, когда взбешенные поклонники «короля», жаждавшие крови Армандо, собрались у служебного выхода со стадиона, полиция придумала гениальный выход: сеньор Армандо Нунес Роза да Кастанейра Маркес был вывезен с «Вила Бельмиро» в полицейской машине, предназначенной для преступников и дебоширов. Чтобы обеспечить успех операции, чемоданчик и плащ арбитра были вручены одному из его друзей, который был принят болельщиками за Армандо и при выходе со стадиона получил несколько раз по затылку...

Впоследствии подобная операция по извлечению судей со стадионов неоднократно применялась полицией штата Сан Паулу. Правда, со временем, когда она утратила прелесть новизны и торсида раскусила этот трюк, пришлось придумывать кое-какие усовершенствования. Например, пускать две машины. Первую, с небьющимися стеклами, – для отвода глаз – пустую, а во второй уже ехал судья. Развитие творческой мысли привело к тому, что иногда несчастных арбитров стали бинтовать с головы до ног и вывозить в каретах

«Скорой помощи» под видом больных. И не удивительно поэтому, что первый вопрос, с которым обратился к Армандо Маркесу интервьюировавший его репортер журнала «Крузейро», был сформулирован следующим образом: «В чем заключается удовольствие рисковать своей жизнью, судя футбольные матчи?» Армандо отвечал долго и обстоятельно, рассуждая о футболе как источнике радости и творческого вдохновения. Закончил же он ответ на этот вопрос следующим образом:

«Каждый матч – это своеобразный вызов, это – перчатка в лицо... И каждая игра, из которой я выхожу живым, это – победа!»

Армандо – хороший судья. Кстати, он является единственным футбольным арбитром Бразилии, церемонно величающим каждого футболиста на «вы», с прибавкой обращения «сеньор». При этом Армандо называет игроков по имени, не пользуясь популярными кличками: Пеле, Диди, Гарринча... Пеле для него – это «сеньор Эдсон», Гарринча – «сеньор Маноэл»...

Раз уж речь зашла об Армандо Маркесе, стоит, вероятно, процитировать несколько его советов молодым судьям:

«Стремитесь „почувствовать“ и взять в свои руки матч в первые же пять минут. Если в эти пять минут вам не удастся овладеть инициативой, остальные 85 минут вы будете безуспешно дергать за вожжи. Мой знакомый жокей говаривал: „Лошадь чувствует жокея по тому, как он берет повод“.

...Только в самых чрезвычайных случаях можно решиться на отмену принятого решения. А вообще то нужно следовать правилу: дал свисток – отступить нельзя!

...Никогда нельзя колебаться в наказании замеченной ошибки или нарушения.

...Не пытайтесь переложить ответственность за то или иное решение на своих помощников на линии. Не делите с ними авторитет арбитра.

...Будучи корректным с игроком, обращаясь к нему на „вы“ со словом „сеньор“, вы должны одновременно требовать от него вежливости не только по отношению к вам – судье, но и по отношению к противникам и товарищам по команде. Я не разрешаю оскорблять друг друга даже игрокам одной и той же команды. Когда я слышу „крутое“ словечко, я говорю футболистам: „Разве сеньоры не умеют уважать меня, торсиду и своих коллег? Разве футбольное поле не является продолжением вашего дома? И разве вы позволите себе бранное слово в своем доме?“

...Никогда не следует выслушивать оправдания игрока, совершившего проступок. И тем более нельзя позволить уговорить вас.

...Помните, что судья – хозяин на поле! Никогда не забывайте пользоваться всеми правами, предоставленными вам правилами футбола».

Этот маленький кодекс Армандо хорош для самого Армандо. А большинство бразильских судей предпочитает работать с оглядкой на трибуну почета, где сидят представители федерации, на поле, где бегают футболисты, на архибанкаду, где неистовствуют торседорес.

В этой жизни, полной опасностей и разочарований, кое кто из судей демонстрирует незаурядные дипломатические способности. В самом прямом смысле этого слова. Как то раз в присутствии огромной торсиды, расположившейся вдоль пляжа Копакабана, две любительские команды вели ожесточенную борьбу за звание чемпиона Рио де Жанейро по футболу на пляже (в Рио есть федерация «пляжного футбола», организующая первенство штата и турниры с участием команд из других городов страны). Счет был 0:0. Игра шла к концу, когда у ворот создалось острое положение – мяч летел в ворота, кто то кого то схватил за ноги, судья – некий Матаразо – свистнул, мяч влетел в сетку через секунду после свистка, никто ничего не понял. Игроки зашумели: «Гол?! Офсайд?! Засчитывать? Не засчитывать?!» Торсида бросилась на поле, сотни людей окружили судью.

Почувствовав, что дело пахнет нешуточной головомойкой, он, словно пилот вошедшего в штопор самолета, вдруг обрел ясность мысли и способность принимать решения в сотые доли секунды.

– Я объявлю результат только после того, как торсида очистит поле! – крикнул Матаразо. И с удовлетворением отметил, что толпа, скаля и показывая клыки, поползла к боковым линиям, словно голодные тигры, загоняемые дрессировщиком в клетку. Второе решение судьи было столь же счастливым: – Я буду разговаривать только с двумя капитанами...

Команда расступилась, и два капитана подошли к судье, набывшись, готовые к спору. Судья достал блокнотик, карандаш и строго спросил:

– Дайте мне номера ваших домашних телефонов!

Недоумевающие капитаны продиктовали номера телефонов. Бравый арбитр записал их, повернулся к капитанам и сказал:

– Сегодня вечером я позвоню вам обоим и сообщу результат встречи.

Матаразо трудно назвать героем. Но все же он проявил больше гражданского мужества, чем его коллега Жозе Клементе, судивший в городке Рибейрао Прето матч между местным «Коммерсиалом» и приезжей «Португезой». По окончании матча торсида, игроки и тренеры обеих команд уехали со стадиона, полагая, что матч закончился со счетом 0:0. Каково же было их изумление, когда на следующий день выяснилось, что на самом деле итог матча был 1:0 в пользу гостей. Как пояснил сам судья, произошло следующее: гол, забитый гостями в ходе матча и аннулированный им якобы из за офсайда, был забит по всем правилам и засчитан после матча. А аннулировал его судья в ходе игры только потому, что опасался реакции местной торсиды.

Трибуны, торсида, пресса, но в первую очередь, разумеется, все те же картолы все больше и больше превращают бразильских судей в заводных кукол, послушных своей воле. Особенно ярко проявляется это во время международных матчей, когда против «чужаков» восстает вся страна, и судья, если он патриот, если он «100 % ный бразилец», не может не учитывать этого! Иначе потом ему придется плохо... Именно поэтому в двух матчах советской сборной, выступавшей весной 1969 года в Рио де Жанейро против «Васко да Гама» (1:0) и в Белу Оризонти против «Атлетико» (1:2), судьи, считающиеся в Бразилии одними из лучших, из кожи лезли, стремясь порадовать трибуны своей «работой». Арналдо Сезар Коэльо умудрился не засчитать, например, гол, забитый в ворота «Васко да Гама», мотивируя это офсайдом, хотя советский нападающий добивал мяч, отскочивший от вратаря. На следующий день абсурдность этого решения отметили почти все газеты. Еще хуже выглядел Жозе Ассиз Арагао, судивший матч нашей команды с «Атлетико». Вот что писала на следующий день газета «О Журнал»: «Весь матч, всегда, когда это было возможно, Жозе Ассиз Арагао старался помочь „Атлетико“. Он выглядел глупо, стремясь казаться строгим и ежеминутно записывая номера советских игроков, когда, они, как ему казалось, были недовольны его решениями... Стремясь быть патриотом, он только ухудшил качество футбольного спектакля». Впрочем, президент «Атлетико» придерживался иного мнения. После матча он заявил журналистам, что, по его мнению, Жозе Ассиз Арагао является одним из лучших футбольных судей Бразилии.

* * *

...Итак, хозяева клуба являются хозяевами бразильского футбола. Они покупают и продают игроков, командуют руководителями футбольных федераций, распоряжаются по своему усмотрению судьями. Без их согласия игрок не может быть взят в сборную, без их визы не может быть составлен календарь чемпионата или организован международный турнир. Естественно, что интересы своего клуба для них – превыше всего.

Как же они защищают эти интересы? И как они понимают их?

«Сантос» – машина, работающая на износ

Среди сотен бразильских футбольных клубов самым процветающим в финансовом отношении и самым знаменитым за рубежом является «Сантос». Это лидирующее положение определяется следующими «производственными показателями»: за последние 10 лет «Сантос» дважды завоевывал звание чемпиона мира среди клубных команд, был двукратным чемпионом Южной Америки, 5 раз подряд выигрывал Кубок Бразилии, 8 раз становился чемпионом штата Сан-Паулу, он дал пять игроков в сборную страны, дважды завоевавшую звание чемпиона мира. Один среди этих пяти – Пеле...

Из 307 международных матчей, проведенных за последние 15 лет, «Сантос» выиграл 209, а проиграл только 56.

Статистика говорит о том, что эта отлично смазанная и отлаженная машина выигрывает в среднем девять из десяти матчей, причем поражение рассматривается тренерами с улыбкой, как «необходимый урок скромности». Сегодня ни в Бразилии, ни в других странах мира нет другой команды, которая могла бы себе позволить запрашивать за любой международный матч по 20–40 тысяч долларов. Неважно где: в США или Конго, в Скандинавии или странах Карибского моря.

Крупнейшие бразильские банки с уважением относятся к «Сантосу», как к одному из своих наиболее солидных клиентов. Когда клуб нуждается в займе для покупки очередной «звезды», банки не колеблясь дают эти деньги. Они знают: за «Сантосом» не пропадет. Они знают, что «Сантос» никогда не обанкротится, несмотря на то, что его игроки по сравнению с другими футболистами Бразилии получают самые высокие оклады.

В начале сезона ...

Административный директор клуба Сиро Коста не без гордости говорил об этих окладах. Он щеголял цифрами, крутил ручку арифмометра, листал громадные таблицы, сверялся с толстыми конторскими книгами и доказал в конце концов, что за последний год среднемесячный заработок футболиста в «Сантосе» составил около 5 тысяч крузейро – больше, чем зарабатывает министр в Бразилии.

Мы беседовали с Сиро Коста в его кабинете на «Вила Бельмиро» – так называется спортивная база клуба в городке Сантос, расположенном в семидесяти километрах от Сан-Паулу. «Вила Бельмиро» представляет собой уютный стадион на 30 тысяч зрителей, под трибунами которого размещается администрация, медицинские службы, спортивные залы, склады и знаменитый музей, наполненный кубками, призами и подарками, завоеванными «Сантосом» в его бесконечных скитаниях по всем футбольным городам и весям нашей планеты.

Через каждые тридцать секунд на столе Сиро Косты звонили разноцветные телефоны, вбегали служащие, вваливались толпами именитые торседорес, требующие пропуска и билеты на завтрашний матч с «Коринтиансом».

Худой человек с тонкими усиками, узнав, что я из Москвы, с чисто бразильской галантностью обронил несколько комплиментов о Кремле и Ленинских горах. Говорил он, правда, по испански, а не по португальски. Это был сеньор Ратинов – международный импрессарио «Сантоса», заскочивший на «Вила Бельмиро» по дороге из Амстердама в Монтевидео.

Вся жизнь Ратинова проходит в самолетах: организуя вояжи клуба, он посетил уже все «футбольные» страны мира.

В тот апрельский день Ратинов сиял: его лицо озаряла гордая улыбка человека, сознающего, что он, черт побери, не даром ест свой хлеб. «Сантос» только что блистательно сыграл на международном турнире в Чили, а Ратинов имел уже в кармане заявки на весь начинающийся сезон: грандиозное турне по Европе, несколько гастрольных вылетов в США, матчи в соседних латиноамериканских странах...

Да, год начинался успешно, и Сиро Коста с Ратиновым оценивали его перспективы где то на уровне 3 миллионов крузейро валовой выручки. Если вдобавок к этому удастся прихватить пару кубков или титулов – это тоже будет неплохо...

После десятка «кафезиньо», выпитых в буфете клуба, мы дождались наконец Зито, который должен был отвезти нас на тренировочный сбор, где находилась команда накануне предстоящего матча. Двукратный чемпион мира, работающий в «Сантосе» одним из тренеров, в мгновение ока преодолел тридцать километров по отличной автостраде Аншиетта, затем свернул на проселок и километров десять петлял по извилистым холмам и лесам, пока не добрался до уютной дачи, расположившейся на берегу вполне швейцарского озера. Рядом, на склоне холма, было сооружено миниатюрное футбольное поле, где тренировался «Сантос».

Это была даже не тренировка, а легкая разминка. Баловство с мячом, доставлявшее эстетическое наслаждение и самим игрокам и немногочисленным зрителям, пробравшимся сюда, чтобы глянуть хоть одним глазом на «короля» Пеле...

Тренер Антониньо не обременяет себя в общем то заботами о повышении технического мастерства игроков.

Об этом заботятся они сами задолго до того, как попадают в «Сантос» или в другой клуб. Пятнадцатилетние мальчишки, гоняющие мяч на песке Копакабаны или в пыли какой нибудь провинциальной Итаперуны, почти не уступают, как правило, профессионалам в умении обращаться с мячом. Поэтому любой бразильский тренер, получающий в команду готового виртуоза, может целиком посвятить себя проблемам футбольной стратегии и тактики.

Но отчего по настоящему болит голова бразильских тренеров, так это от их героических попыток решить проблему физической подготовки. Жулио Мазей, тренер «Сантоса» по физподготовке, сказал так: «В Европе задача тренера заключается в том, чтобы превратить атлета в игрока. Мы же стремимся превратить игрока в атлета».

Главным препятствием на этом пути является, по мнению Илтона Гослинга, бывшего врача бразильской сборной, во первых, крайняя истощенность бразильцев на почве постоянного недоедания, а во вторых, фантастические перегрузки, вызываемые интенсивнейшим игровым режимом.

Впрочем, в тот апрельский день все эти печали бразильского футбола казались неприложимыми к «Сантосу» – с таким упоением, с таким удовольствием и задором носились по тренировочной площадке Эду, Тониньо, Карлос Альберто и их друзья. А «король» стоял в воротах.

И как стоял! Он «вытащил» из углов пару таких мячей, что даже «би кампеон» Жилмар с восхищением покачал головой...

Потом все дружно повалили в столовую, прыгая по пути под душ, вытираясь, дурачась, размахивая полотенцами. Чей то транзистор наигрывал томные аргентинские танго, Канеко, обвязав голову полотенцем, изображал арабского шейха, Рамос Дельгадо гоготал над собственными анекдотами, шутки и «хохмы» сыпались фейерверком, и только на веранде царил тишина. Антониньо и Зито, склонившись над шахматным столиком, обсуждали вполголоса план игры на завтра.

А Пеле, пощипывая струны гитары, напевал одну из своих песенок, которые он сочинял на этих нескончаемых сборах:

– Играйте, ребята, резвитесь, ребята...

Но когда вы подрастаете, вам придется потрудиться:

В ваши руки перейдут судьбы

Нашей великой Бразилии...

Когда, спустя несколько часов, я возвращался в Сан-Паулу нагруженный интервью, автографами и пленками, у меня было такое чувство, будто я побывал в веселой компании друзей, собравшихся на товарищеский пикник. Или на студенческую вечеринку.

Так начинался марафонский сезон «Сантоса» – команды, которая ежегодно проводит больше матчей, чем любая другая команда мира.

В разгаре сезона

Тотчас же вслед за финальным матчем чемпионата штата Сан-Паулу «Сантос» отправился в долгое и очень успешное, с точки зрения возглавляемой Сиро Коста бухгалтерии, турне по Европе. Затем началась серия матчей в США, в стране, которая, как известно, не отмечена на футбольных картах мира даже маленьким кружком, но которая платит долларами! Потом – небольшая прогулка по Латинской Америке: встречи со всеми командами, которые подвернулись под руку, то бишь под ногу. Потом – международный турнир в Буэнос-Айресе, завершившийся приобретением еще одного кубка для музея «Вила Бельмиро».

Да, сеньор Ратинов честно отработывал свои командировочные!

Затем начался так называемый «турнир Роберто Гомес Педроза», являющийся неофициальным первенством Бразилии, поскольку в нем участвуют все ведущие команды страны. И тут произошло то, что давно уже ожидали и предвидели все футбольные специалисты Бразилии: «Сантос» начал сдавать! Команда, повергавшая лучшие клубные и сборные команды Европы и Америки, вдруг проиграла в городке Куритиба местной команде «Атлетико» со счетом 1:3. Потом была бесцветная ничья с «Бангу». И еще более бесцветная победа над «Фламенго».

В этом матче «Сантос» был неузнаваем. Измотанная непрерывными играми, команда «ходила пешком», «король» трусил по полю легкой рысцей, лениво переругиваясь с партнерами. Все это напоминало замедленные кадры немого кино. Немого, потому что торсида, огорченная проигрышем «Фламенго», молчала на трибунах «Мараканы».

Через неделю «Сантос» снова приехал в Рио-де-Жанейро – на матч с «Васко да Гама». За день до игры я пришел в гостиницу «Мараканы», чтобы побеседовать с Антониньо и взять у Пеле автограф для журнала «Кругозор».

Нет, на сей раз атмосфера в команде уже не напоминала товарищеский пикник или веселую вечеринку друзей! Футболисты обедали, как говорится, «тщательно пережевывая пищу».

Не было шуток, не было смеха, и поздравительная песенка «Парабенс правесе», спетая хором по случаю дня рождения врача команды, прозвучала как молитва о поминовении усопшего.

После обеда усталые, апатичные парни слонялись из угла в угол, зевали, не зная, куда себя девать.

– Никто из нас уже не может смотреть на мяч без отвращения, – сказал Рилдо.

– За прошедшие три месяца мы в общей сложности провели с семьями только пять дней, – вздохнул Антониньо. – Но завтра мы будем бороться до последнего! Я брошу в бой лучший состав, и ребята докажут, что «Сантос» – это «Сантос»! В конце концов, зритель, который платит деньги за билет, нет никакого дела до наших больных ног, не так ли? Зритель хочет видеть футбол, и он прав, черт возьми! Завтра «Сантос» покажет кариокам «шоу».

– А почему вы продолжаете настаивать на схеме 4+2+4, которую отвергли уже не только в Европе, но и в Бразилии? – поинтересовался я.

– А зачем нам подделываться под европейцев? Раз мы выигрываем, значит, играем правильно, – ответил Антониньо.

На следующий день «Сантос» вышел на поле в боевом составе. Уже к 20-й минуте счет стал 2:0 в пользу «Васко да Гама». И был бы большим, если бы не мастерство вратаря

«сантистов» Клаудио, взявшего несколько безнадежных мячей. Черные футболки «васкаинос» хозяйничали в штрафной площадке противника, прижав к воротам Рилдо, Карлоса Алберта и Рамоса Дельгадо. Даже «король» вынужден был оттянуться в защиту. Центром поля овладело дружное трио полузащитников «Васко», а бомбардир «Сантоса» Тониньо беспомощно топтался в центральном круге, ожидая паса.

Впрочем, решив, что грозный противник сломлен, «васкаинос» утратили бдительность, и вскоре два ювелирных паса «короля» позволили Тониньо сравнять счет. Страсти накалились, игра стала нервной и резкой.

В начале второго тайма Пеле был выгнан с поля за удар по ногам противника. Напуганный собственной смелостью, судья удалил для очистки совести и защитника «Васко», лежащего на земле после бурной атаки «короля».

Короче говоря, «Сантос» проиграл со счетом 2:3. И, словно нанося последний мазок на жалкую картину матча, «шоу», которое обещал устроить Антониньо, состоялось, но не на поле, а в раздевалке, где разругались «король» и Тониньо, разругались как дети. Обидевшись на упреки своего напарника, Пеле сказал, что ему надоело работать на других, что Тониньо неблагодарен, что он привык забивать голы с подач Пеле, а сам не любит трудиться и так далее...

Цена профессионализма

С каждым днем, с каждым матчем все холоднее встречает торсида игроков в белых футболках «Сантоса». Если два года назад неудачный финт Пеле или Эду сопровождался аплодисментами понимания, одобрения и поддержки, то сейчас команду Пеле начали освистывать.

Все язвительнее становятся комментарии спортивных обозревателей, критикующих Антониньо за консерватизм, за упрямую приверженность схеме 4+2+4. Все чаще раздаются упреки в адрес боссов, заседающих в тихих кабинетах «Вила Бельмиро», за бесконечные цыганские вояжи, набивающие сейфы клуба и изматывающие его игроков.

«С той же быстротой, с какой увеличиваются долларовые прибыли „Сантоса“, растет дефицит в его взаимоотношениях с бразильской торсидой. А ведь именно ее уважение всегда было основой престижа „Сантоса“, – пишет комментатор журнала «Фатос и фотос». А его коллега сообщает в «О глобо» о том, что однажды при выходе «сантистов» со стадиона после матча один из болельщиков крикнул Пеле:

«Вы все превратились в бесстыжих наемников! Вы играете хорошо только тогда, когда видите перед собой доллары!»

И это бросают в лицо «королю»! И так говорят о «Сантосе»!

«Ну и что? – слышится мне невозмутимый голос толстяка Антониньо, который никогда не теряет присутствия духа. – Подумаешь, проиграли пару тройку игр! С кем такого не бывает?»

Он знает свое дело, он уверен в себе, он хладнокровно оценивает перспективы: Пеле надо дать отдохнуть, трех четырех стариков (в том числе Орландо) нужно скорее продать, а на вырученные деньги купить пару быстроногих ребят в помощь Пеле (Антониньо уже подал эти предложения президенту клуба депутату Ате Жорже Кури). В молодежной команде припасено «секретное оружие»: семнадцатилетний полузащитник Фито и его ровесник Гаспар – на левом краю, этот паренек уже сейчас играет не хуже Эду! Рядом с ними старики вынуждены будут бегать быстрее, не так ли! И вообще, к чему вся эта паника?

Ничто еще не потеряно: приглашения на матчи сыплются по прежнему со всех континентов, Ратинов шлет телеграммы, извещая о предложениях, которых не было даже в прошлом, столь прибыльном, году: 45 тысяч долларов за матч!

В Европе намечается турнир с участием команд, завоевавших звание чемпионов мира: «Рэсинг», «Манчестер Юнайтед», «Пеньярол», «Реал», «Милан». Достойная компания для «Сантоса»!

Нет, что там ни говорите, а «Сантос» еще покажет себя, черт возьми!

Возможно, Антониньо прав. Вероятно, «Сантос» оправится и вновь начнет сокрушать своих противников с прежней легкостью и изяществом. Но как из песни не выкинешь слова, так и из биографии «Сантоса» не вычеркнешь горькие слова журналиста Фернандо Орасио, сказанные им на страницах газеты «Ултимаора». Сказанные, кстати говоря, в рецензии на матч, выигранный «Сантосом»:

«Это был не тот „Сантос“, который мы хотели увидеть... Безусловно, команда имеет сейчас сильнейший состав за все время своей пятнадцатилетней гегемонии в бразильском футболе... Но как далека от той, прежней, которая умела в любую минуту воспламенить трибуны, привести их в восторг своим творчеством, которая умела забивать голы с той же непринужденностью, с какой ее противники выбрасывают мяч из за боковой линии...

Увы, тот, прежний, „Сантос“ больше не существует! Мы видим больших мастеров, но не чувствуем у них наслаждения игрой, любви к мячу, вдохновенного диалога между собой... Они холодны, безразличны, они избалованы победами, славой, деньгами...

Они говорят, что по другому играть не могут, потому что нет в мире другой команды, которая играла бы сейчас столько же, сколько играет „Сантос“, – свыше ста матчей в год! Но если все это является ценой, которую „Сантос“ вынужден платить за свой профессионализм, значит, цена эта слишком высока! Потому что нет ничего на свете такого, что могло бы возместить и оправдать потерю уважения тех, кто заполняет трибуны стадионов.

Никакой ценой нельзя искупить разочарование торсиды, которая привыкла аплодировать „Сантосу“ даже тогда, когда он выигрывает у любимой команды этой торсиды...

Вчера для болельщиков „Фламенго“ победа „Сантоса“ явилась более печальным зрелищем, чем поражение „Фламенго“.

„Сан – Кростован“, ты еще жив?!

Мало кто из бразильцев помнит сейчас о том, что один из двенадцати клубов, оспаривающих ежегодно первенство Рио де Жанейро, является „побратимом“ „Сантоса“. Они были созданы в одно и то же время одним и тем же человеком: предприимчивым Урбано Калдейра, который хотел иметь две классные команды. Одну – в Сан Паулу, другую – в Рио. До сих пор и „Сантос“ и его „побратим“ играют в одинаковой белоснежной форме с одинаковой черно белой эмблемой на груди. До сих пор остается в силе давняя традиция, предусматривающая право обеих команд предоставлять друг другу игроков взаимы в случае необходимости. Уже много лет, однако, они не пользуются этим правом. „Сантос“ – потому, что у него и своих то игроков некуда девать. А его „побратим“ – по совсем иным причинам...

Устав бегать, прыгать, получать удары по ногам, падать, вставать и снова бегать, молодой мулат Мансур, полузащитник „Сан Кростована“, спускается в раздевалку по окончании матча. Он быстро раздевается, тяжело дыша и обливаясь потом, моется под душем, затем натягивает свою старенькую рубашку и потертые „джинсы“ с маркой „Топека“. Прежде чем подняться вверх, к автобусу, он вопросительно смотрит на прячущего глаза президента клуба. Тот шлепает парня по спине, а потом суетливо сует ему в руку рваную бумажку:

– На, перебейся какнибудь. Пять крузейро хватит тебе на обед...

– Но, послушайте, сеньор... Ведь три месяца уже...

– Ладно, ладно! Что поделаться, такие времена. Ее ли нам удастся выйти в финальную группу, то дела улучшатся и тогда можно будет рассчитывать со всеми...

Темнокожий парнишка уходит, опустив голову. Он не скандалит, потому что знает, что Бенилтон дал ему эти деньги из собственного кармана. Он знает, что им не выйти в финальную пульку. Знает об этом и президент. Но ведь надо же что то говорить этим

славным ребятам, которые вот уже три месяца не получают зарплату. И никто не знает, смогут ли они когданибудь ее получить.

Доходов „Сан Кростован“ не имеет. Какие могут быть доходы у клуба, если он из одиннадцати игр чемпионата проиграл восемь, свел вничью три и занял последнее место по итогам первого круга! Второй круг вряд ли принесет перемены, потому что могущественные соперники – „Фламенго“, „Ботафого“, „Флуминенсе“ – да и все остальные с каждым туром все больше и больше наигрывают составы, укрепляют оборону, усиливают мощь нападающих, в то время как „Сан Кростован“ теряет последние силы.

Никто не понимает, почему эта команда не умирает, почему она продолжает существовать, несмотря на то, что каждый месяц дефицит клуба увеличивается на 10 тысяч крузейро: сумма, смехотворно маленькая для погрязших в куда более солидных долгах „Фламенго“ или „Сантоса“, но смертельная для крошечного „Сан Кростована“.

Многие считают, что клуб умудряется продлить свое существование только благодаря щедрой душе трех четырех человек, старых болельщиков, которые помнят славные времена двадцать шестого года, когда „Сан Кростован“ был чемпионом Рио де Жанейро, или тридцать седьмого, когда четверо игроков команды были взяты в сборную Бразилии. Тогда вокруг стадиона клуба высилась стена с гордой надписью: „Сан Кростован“ – это „Сантос“ в Рио де Жанейро, а „Сантос“ – это „Сан Кростован“ в Сан Паулу!» Сегодня этой стены уже нет. Несколько лет назад она рухнула...

Через день после матча тренер Десио назначает новую тренировку. На маленьком поле, зажатом между фабричными корпусами, в районе, который, по мнению специалистов, конкурирует по степени загрязненности воздуха с Чикаго, два десятка мулатов и креолов в рваных футболках неторопливо гоняют мяч. Долговязый Батиста, вратарь «Сан Кростована», тренируется у стенки: бьет мяч и ловит его после отскока. Ему двадцать четыре года, и он не может простить себе роковую ошибку: два года назад он завербовался в Венесуэлу. Но там, как оказалось, тренером команды был ее вратарь. И Батиста сидел на скамейке запасных до тех пор, пока не скопил денег, чтобы сбежать и вернуться в Рио. Здесь его имя было забыто, и «Сан Кростован» сейчас остается последним шансом. Батиста надеется, что его заметит с трибун какойнибудь картола и пригласит в клуб посолидней... Но с каждым матчем остается все меньше и меньше надежд: кто возьмет вратаря, который в одиннадцати играх пропустил 26 голов!

Тренировка кончается через пятьдесят минут после разминки: тренер Десио знает, что большинство парней не пообедали сегодня. И вряд ли имеют возможность поужинать. И он опасается, что ктонибудь из них грохнется в обморок прямо здесь, на поле. Тем более, что после тренировки почти всем им надо ехать очень далеко: они живут в пролетарской северной зоне Рио де Жанейро, и некоторым приходится добираться от стадиона до дома на двух трех автобусах с пересадками, тратя на это по полтора два часа...

Парни уходят в душевую, и старый Зе, смотритель поля, выпускает на него пятерых овец. Овцы в «Сан Кростоване» являются единственным доступным орудием стрижки газона. Раньше вместе с ними работало еще несколько коз, но они были постепенно съедены, несмотря на бурные протесты Анжелы, прачки команды.

«Последним зажарили моего любимца – козла Пять – ноль. Его прозвали так, потому что в тот день, когда он появился у нас, в клубе, мы проиграли с этим счетом „Флуминенсе“. Хороший был козлик, понятливый: он плакал, когда его повели на забой...» – со вздохом вспоминает Анжела. За долгие десятилетия стирки футболок «Сан Кростована» ее руки сморщились, кожу разъела хлорка, добавляемая в стиральные порошки. Директор клуба Бенилтон вздыхает, глядя на эти руки. Однажды он даже запросил в Сан Паулу цену стиральной машины, но ответ пришел ошеломляющий: 15 тысяч крузейро! И Анжела продолжает стирать старенькие футболки, в которых скоро нельзя уже будет появиться на поле.

Пять овец бродят по газону, пощипывая травку. Два десятка парней переодеваются, получив по бутылке фруктовой воды. Конечно, было бы лучше дать им свежие фрукты, но

на это средств у «Сан Кривована» уже не хватает. Единственное, что может позволить себе клуб, – это бесплатный завтрак для команды в день матча. Тем более, что эти завтраки для многих игроков являются единственной возможностью поесть досыта... Они тоже оплачиваются из собственного кармана Бенилтона, который не помнит даже всех имен игроков нынешнего состава команды, но без запинки перечислит имена всех великих «сан кривованцев» 1926 года! Бенилтон содержит маленькую авторемонтную мастерскую близ стадиона. Иногда тренер Десио прибегает к нему и просит: «Те два креола, что так понравились сеньору на прошлой игре, не смогли сегодня приехать на тренировку, потому что у них не было денег на автобус».

Бенилтон вздыхает, лезет в карман и достает несколько крузейро. Только вчера купил для команды лекарств и бинтов на целых сто «контос». Вместе с другим неизлечимым болельщиком «Сан Кривована», владельцем бакалейной лавки Зезе, Бенилтон собирается купить и преподнести клубу новый комплект футболок.

«Что будет с „Сан Кривованом“, когда мы с Зезе попрем?» – сокрушается он. Больше всего на свете Бенилтон любит мечтать. И всегда об одном и том же: он выигрывает в лотерею 10 тысяч. И на эти деньги берет на пару месяцев займы пару тройку ребят из запаса «Сантоса». Одного «голеадора» – в центр атаки, одного «чистильщика» – в защиту и выносливого парня – в полузащиту. Все. За эти два месяца «Сан Кривован» среди «малых» клубов стал бы первым...

Но пока об этом и думать не приходится: хотя «Сантос» мог бы одолжить этих игроков задаром, но ведь им то пришлось бы платить зарплату! Таковую же, какую им платит «Сантос», а в «Сантосе» даже запасной игрок получает больше, чем месячная сумма всех членских взносов, собираемых среди торсиды и членов «Сан Кривован футбол клуба».

Приходит суббота – день очередного матча. На сей раз противником «Сан Кривована» будет «Португеза», осевшая на предпоследнем месте в таблице. Это означает, что появляется маленький шанс выиграть хотя бы одну встречу.

С утра Бенилтон разрывается на части, названивая во все концы города: старенький автобус клуба, напоминающий ожившие карикатуры «Газеты автомобилистика» 1911 года, заглох. Заглох бесповоротно, и нужно придумать способ доставить ребят на стадион. Бенилтон звонит друзьям: «Сильвио, как поживаешь? Как супруга? В порядке? Очень хорошо... Ты приедешь сегодня на игру? Спасибо, что не забываешь нас. Да, да, постараемся на сей раз выиграть. Сделаем все, что в наших силах. И даже больше... Одна просьба: ты не мог бы заскочить к нам в клуб по дороге на „Маракану“ и захватить в свою машину двух трех парней?... Автобус, понимаешь, в ремонте... Спасибо, спасибо большое! Жду к часу дня».

Постепенно в раздевалке «Мараканы» собирается вся команда. Одних привезли на машинах друзья, другие добрались на автобусах. Бенилтон ходит с загадочной улыбкой, похлопывая всех по плечу:

– Ну, ну, ребята, сегодня мы выиграем. Я чувствую это. Анжела разложила карты: выпали три туза. В прошлом году, когда у нее выпали три туза, мы сыграли вничью с «Ботафого», помните?

Полузащитник Мансур рассеянно кивает головой и бежит к доктору за таблеткой «Алкаселтцер»: он перестарался, поглощая оплаченный Бенилтоном бифштекс, и его мучает изжога. Старик Зе, хитровато поглядывая на Бенилтона, раскрывает мешок с футболками. Раздается восхищенный возглас всех присутствующих:

– О! Новая форма! Ну, сегодня будем выигрывать! Это – точно!

Бенилтон сияет. Он счастлив. И его даже не смущает кислая физиономия Батисты, который протестует:

– Нет, это плохая примета: менять форму посреди чемпионата нельзя... Верный проигрыш!

Вернувшийся Мансур хлопает его по плечу:

– Э, Батиста, нам никакие приметы уже не страшны. Мы столько напроигрывали и в новых и в старых футболках, что можем смеяться над судьбой...

Зе распределяет футболки с видом благодетеля. Словно за них платил не Бенилтон, а он сам. Мальчишка Паулада, найденный тренером Десио в одной из пляжных футбольных команд, протестует:

– У меня должен быть десятый номер! Почему, Зезе, ты даешь мне «девятку»?!

– Какая тебе разница? – ворчит Зезе.

Тогда Паулада бежит к Десио и хватается за рукав.

– Сеньор, разве у меня не десятый номер? Я хочу «десятку»!

Он получает в конце концов свою футболку с десятым номером на спине и отходит счастливый: ведь это – номер Пеле! И форма та же, что у «Сантоса».

Потом следует краткое наставление Десио:

– Нужно первыми забить гол, затем играть спокойней, осмотреться... Защита ни в коем случае не должна играть в линию. Третий номер – Пауло всегда должен быть за спинами остальных трех. Будем стараться в обороне всегда иметь на одного больше, чем нападающие «Португезы»...

Десио повторяет эту фразу несколько раз. Он знает, что именно это говорил тренер сборной Салданья о тактике своей команды в отборочных играх против Колумбии, Венесуэлы и Парагвая.

Потом ребят массируют, кто то волнуется, не зная, куда деть на время игры кошелек с деньгами. Мансур рассказывает анекдот про португальца и мулатку, но никто не смеется. Из угла раздевалки слышны жалобные причитания Батисты:

– Нет, сегодня я плох! Совсем плох! Нужно было больше бегать в среду! Теперь у меня лишний вес!.

Правый край Маркое выходит из тоннеля, соединяющего раздевалку с полем: он хочет досмотреть последние минуты матча, играющегося перед встречей «Португезы» с «Сан Кростованом». С трибуны слышатся знакомые ребячьи голоса:

– Дядя Маркое! Дядя Маркое! Вы сегодня играете? Это племянники, два черномазых пацаненка. Свесившись через барьер, они кричат:

– Дядя Маркое! Выиграйте сегодня, ладно?! Спустя еще пять минут первый матч заканчивается, и из тоннелей выходят играющие во второй паре «Португеза» и «Сан Кростован». Жиденькая торсида нехотя аплодирует, посвистывает, где то даже хлопает одинокая петарда. Как всегда, на поле выскакивают репортеры с микрофонами. Гонясь за разминающимися игроками, они задают все те же вопросы, повторяющиеся из матча в матч, из года в год: «А теперь перед слушателями „Континентал“ – самой популярной радиостанции Рио – выступит титуляр полузащиты „Сан Кростована“ Маркое, который скажет, что он ожидает от предстоящего матча».

– Добрый день, радиослушатели «Континентал»! Постараемся сделать все возможное, чтобы доставить зрителям удовольствие и показать хороший футбол...

Те же слова, те же обещания из года в год, из матча в матч. Те же слова, которые произносит Пеле, выходя на матч с «Интером» в Неаполе или со сборной ФИФА на «Маракане».

Какой то фотограф кричит капитану «Сан Кростована», чтобы выстроил ребят. Десио, выглядывая из тоннеля, улыбается, шурясь довольно:

– Ишь ты, наконец то и «Сан Кростован» фотографируют!

Судья раздраженно кричит фотографам и репортерам, чтобы очистили поле, зовет капитанов и швыряет монету. Первое везение «Сан Кростована»: ему выбирать удар или поле. Батиста кричит, чтобы выбирали против солн ца. Потому что пока оно стоит еще высоко, а во втором тайме опустится и будет светить вратарю «Португезы» в глаза...

«Португеза» начинает. Они отыгрывают мяч полузащитникам, затем пас идет правому краю, тот проходит до лицевой линии «Сан Кростована», подает, мяч проскакивает между защитниками и с отметки пенальти кто то из игроков «Португезы» бьет по воротам. Батиста

падает, но поздно: мяч проскальзывает под его долговязым телом и замирает в сетке. Двадцатая секунда игры. 1:0 в пользу «Португезы». Опустив головы, игроки «Сан Кривована» начинают с центра. Настроение пропало. Никто уже не сомневается в том, что и на сей раз придется проигрывать. Десио сидит у выхода из тоннеля на скамейке запасных, стараясь не глядеть на Бенилтона: каждый гол, влетающий в ворота «Сан Кривована», Бенилтон воспринимает как личную трагедию, у него даже слезы катятся из глаз...

Игра идет монотонная и скучная. «Сан Кривован» ни разу еще не пробился к штрафной площадке «Португезы». Большинство пасов не попадает по назначению, ребятам явно не хватает скорости. Мяч толчется где то в районе центрального круга.

А комментатор «Континенталья» – молодой парнишка стажер, надеющийся быть зачисленным в штат радиостанции (разве на игру «Сан Кривована» пошлют какогонибудь аса репортажа?), – старается всюю: вибрирующим голосом он расцветивает унылую игру. Если верить его репортажу, на поле идет драматический поединок титанов...

За десять минут до перерыва «Португеза» получает право на штрафной удар метрах в двадцати прямо против ворот. Нападающие и полузащита «Сан Кривована» выстраивают стенку, повинувшись умоляющим воплям Батисты. Полузащитник «Португезы» разбегаются и бьет сильно и точно. В угол ворот! Батиста ничего не может поделать. 2:0.

В перерыве раздевалка «Сан Кривована» тиха и спокойна. Все уже смирились с поражением. Так было, так есть, так будет... Только Батиста безутешен:

– Я же говорил, что я не в форме. Я совсем плох сегодня! Сеу Десио, замените меня... Я не хочу портить ребятам игру!

– Но но, Батиста, я знаю, что делаю, не надо мне указывать.

– Но я же, я виноват во всем!..

Десио собирает команду вокруг себя и дает установку на второй тайм:

– Играем плохо, но еще не все потеряно. «Португеза» уверена в победе, и в этом – наш шанс. Сразу же, с первых минут все идем в атаку: либо проиграем десять – ноль, либо сквитаем счет. Краям не заигрывать. Обыграл своего защитника – и немедленно пас в центр! Лучше низом: у «Португезы» высокие «беки». Марио и Мансур работают в средней зоне с отбиваемыми защитой «Португезы» мячами и питают атаку пасами... Все ясно? Пошли!

Зажигательная речь Десио хотя и не влила новые силы в его войско, но, по крайней мере, заставила его бегать быстрее. Застигнутая врасплох натиском «Сан Кривована» защита «Португезы» кое как отбивается, несколько раз ее вратарь вынужден даже совершить броски, квалифицируемые захлебывающимся комментатором «Континенталья» как «сенсационные». Но постепенно «Португеза» вновь овладевает инициативой. Приходит черед Батисты взять два действительно трудных мяча. И все же он продолжает изредка жаловаться, обернувшись к скамейке запасных:

– Нет, я не в форме сегодня, сеу Десио, замените меня!..

Когда до конца остается десять минут и «Португеза», уверенная в победе, начинает катать мяч, стремясь сохранить счет, Десио убирает Батисту с поля. Со скамейки запасных нехотя подымается второй вратарь – Манга. Натягивая перчатки, он бурчит:

– Вот так всегда!... Выхожу только для отвода глаз... А Батиста бежит в раздевалку, не желая даже видеть конец игры. Когда он, выйдя из душевой, вытирается полотенцем, вваливается вся команда. Ребята бухаются на скамейки, тяжело дыша. Никто не смотрит друг на друга. Падают со стуком грязные бутсы. Кто то ворчит:

– Батиста был прав: нельзя менять футболки посреди чемпионата!

Натянув старенькую рубаху из бонлона и потертые джинсы, Мансур вопросительно смотрит на Бенилтона, шепчущегося в углу с Десио. Моргая влажными покрасневшими глазами, Бенилтон сует мулату в руку смятую бумажку:

– Перебейся какнибудь, Мансур! Тут тебе хватит на обед. А завтра чтонибудь придумаем...

Книга судеб «Золотой сборной»

Вечером 6 ноября 1968 года жизнь в Бразилии остановилась. Замерло сумасшедшее уличное движение на улицах Рио де Жанейро и Сан Паулу. Опустели магазины. Закрылись раньше срока булочные и аптеки... К экранам телевизоров и транзисторным приемникам прильнули 90 миллионов бразильцев. Все, за исключением 150 тысяч счастливых, которым удалось, уплатив бешеные деньги за билет, попасть на «Маракану», где сборная Бразилии со счетом 2:1 обыграла сборную мира в матче, посвященном 50 летию национального футбола и 10 летию победы знаменитой «золотой» бразильской сборной в чемпионате мира 1958 года...

Итак, с тех пор, как поверженная в финальном матче шведская команда первой поздравила своих обезумевших от счастья соперников, прошло уже более десяти лет!... Много воды утекло за это время: были отправлены корабли на Луну и открыты новые стратегические футбольные варианты, выражающиеся в магических формулах 4+3+3, 4+4+2. Врачи начали пересаживать человеческие сердца, а крайние защитники – участвовать в атаках. Инженеры сконструировали системы глобального телевидения, а футбольные юристы пришли к выводу о необходимости разрешить в ходе игры замену двух полевых игроков... Сборная Бразилии стала в Чили двукратным чемпионом мира, а в Англии потерпела поражение, воспринятое экспансивными соотечественниками как национальное бедствие.

Ну, а что же стало за эти годы с «золотой сборной»? Где они теперь – одиннадцать легендарных рыцарей, разгромивших в финальном матче 1958 года со счетом 5:2 грозную шведскую сборную на глазах шведского короля? Вратарь Жилмар, защитники – Джалма Сантос, Белини, Орландо, Нилтон Сантос, полузащитники – Зито и Диди, нападающие – Загало, Вава, Пеле и Гарринча...

Сразу же заметим, что только один из них – самый старший, 45 летний левый защитник Нилтон Сантос – Энциклопедия футбола, как его прозвали торсида и пресса, – окончательно расстался с футболом. Он купил небольшую аптеку и обзавелся магазином спортивных товаров в бойком и шумном квартале «Ботафого». Правда, иногда его можно увидеть в парке «Фламенго», где он гоняет по субботам и воскресеньям мяч вместе со счастливыми мальчишками, оспаривающими чемпионаты кварталов и улиц Рио де Жанейро. Эти чемпионаты, кстати, поставлены здесь на очень приличную высоту. Они разыгрываются по всем правилам футбольного искусства: со зрителями и судьями, вымпелами и кубками, бурями восторга и потоками слез...

Судьба остальных десяти ветеранов пока что все еще связана с футболом, но у каждого из них она сложилась по своему...

* * *

Вратарь Жилмар дос Сантос Невес все еще числится в штатных ведомостях «Сантоса». Но возраст берет свое, и ветеран все реже и реже подымается со скамейки запасных. В начале 1969 года, впрочем, произошел курьезный эпизод, который возможен, пожалуй, только в бразильском футболе. В погоне за сборами дирекция клуба докомбинировалась до того, что на один и тот же день у «Сантоса» оказались назначенными две игры. Одна – в Аргентине, другая – в крохотном городишке Маринга в штате Сан Паулу (кстати, этот городок является, вероятно, единственным населенным пунктом мира, получившим свое имя по названию популярной песни – «Маринга»).

В Аргентину, как нетрудно предположить, отправился основной состав, а в Марингу выехали запасные игроки с Жилмаром. Ветеран сыграл в этом матче с таким вдохновением, что в печати появились статьи с требованием вернуть его в ворота сборной страны, где оба вратаря – Феликс и Клаудио – показывали в то время весьма слабую игру. Жилмар отказался

от этой чести, хотя и согласился выступить в матче против сборной Англии 12 июня 1969 года, сыграв в этот день в сотый раз за сборную страны. «Мне пора на покой, – сказал он репортерам. – Пора дать дорогу молодым». Жилмар постарался обеспечить себе спокойную старость: у него есть небольшая юридическая фирма и несколько выгодных приглашений от крупных компаний, которые хотели бы видеть «би кампеона» в качестве своего директора «внешних сношений и пропаганды».

Орландо долгое время играл в «Сантосе», но в 1969 году ему удалось перейти в клуб своей юности – «Васко да Гама» в Рио де Жанейро, где в свои 33 года он стал ведущим игроком, капитаном, надежным «чистильщиком» оборонительной линии.

Другой питомец «Сантоса» – Зито, которого многие считают самым выдающимся полузащитником в истории бразильского футбола, остался в родном клубе в должности «супервизора». Это что то вроде генерального инспектора. Зито рассказывал, что особое внимание он уделяет сейчас работе с молодежной командой, мечтая добиться того, чтобы «Сантос» когда нибудь смог перейти на «самообслуживание», перестав покупать игроков в других клубах.

13 июня 1968 года в последний раз вышел на поле в составе национальной сборной 39 летний негр Джалма Сантос – правый защитник, шестнадцать лет восхищавший болельщиков всех континентов своим удивительным хладнокровием, с которым он обезоруживал самых стремительных и хитрых форвардов, имевших несчастье выйти против Бразилии на левом фланге атаки. Кстати, москвичи, присутствовавшие в 1965 году в Лужниках на матче сборных СССР и Бразилии, имели счастливую возможность убедиться, что восторженные эпитеты, которыми награждала мировая пресса этого виртуоза, отнюдь не лишены оснований.

Итак, Джалма Сантос прощался со сборной... На десятой минуте матч с уругвайцами был прерван. Стадион встал, приветствуя Джалму, который в последний раз шел по зеленому ковру «Мараканы», осыпаясь цветами. По его щекам катились слезы.

И на трибунах тоже плакали, вспоминая великую славу 58 го года и трагедию 66 го... Плакали, провожая еще одного из «могикан».

Джалма Сантос всю жизнь мечтал открыть небольшую обувную мастерскую: в детстве, до того, как обуть бутсы, он работал «мальчиком» в какой то убогой сапожной мастерской и поклялся «выбиться в люди». Кажется, мечта его близка к осуществлению, но осталось еще подкоптить малость. И поэтому Джалма упросил свой клуб «Палмейрас» продать себя в провинциальную команду «Атлетико» из города Куритибы, где «би кампеону» была предложена весьма солидная сумма. «Палмейрас» уважил Джалму на старости лет, продал его, и теперь он играет рядом со своим старым коллегой и ратным товарищем 58 го года Белини, который тоже упросил свой клуб «Сан Паулу» отпустить его на этот отхожий промысел. Старые кони борозды не портят: вскоре после их переезда в Куритибу футбольный мир Бразилии был потрясен сенсационной победой «Атлетико» над «Сантосом» (3:2). Болельщики из Куритибы, мечтавшие о достойном проигрыше с не очень разгромным счетом, были изумлены не меньше, чем избалованные славой «звезды» из «Сантоса». Карнавал в городке длился всю ночь. Джалму Сантоса и Белини носили на руках... Прошло немногим более недели, и «Атлетико» поверг очередного фаворита – «Флуминенсе» из Рио де Жанейро.

Старики Белини и Сантос, как видно, честно отрабатывают свой хлеб.

Двое других ветеранов 58 го года – Вава и Диди – подались в поисках футбольного счастья за границу. Вава – один из бомбардиров «золотой сборной» – сначала продан в мадридский «Атлетико», затем сменил много клубов и городов. На его футболках красовались самые неожиданные эмблемы. В нынешнем году он играл в Мехико и в США. Соединенные Штаты, как известно, еще не занесены в футбольные лоции мира, но платят там долларами, которые, видно, устраивают Вава больше, чем задыхающееся в тисках инфляции тощее бразильское крузейро. Загало – друг и однокашник Вава – послал ему

недавно письмо: «Старик, бросай людей смешить и гоняться за миллионами... Возвращайся, пока не забыл дорогу...»

В начале 1969 года Вава наконец вернулся. Он погрузнел, потяжелел, постарел. И поэтому никто из больших клубов не заинтересовался Львом кубков. Его пригласила к себе скромная «Португеза». Вава привез с собой горькое разочарование. Хотя в американских командах ему платили 1200 долларов в месяц, привезти в Бразилию удалось совсем немного: несколько сотен долларов. Причиной тому – свирепые налоги в США, как жаловался Вава, безумная дороговизна.

Диди – Черный принц, знаменитый изобретатель «сухого листа» – тренирует сейчас сборную Перу, готовя ее к финальным играм чемпионата мира в Мехико. Питомцы «би кампеона» добились блестящего успеха в отборочных играх, обыграв не только скромную команду Боливии, но и фаворитов группы аргентинцев, которые остались за бортом. После этого Диди был объявлен в стране национальным героем, а правительство выделило ему щедрую премию. Это тем более справедливо, что в ходе подготовки национальной команды Диди отказался от высокого гонорара, стремясь доказать, что работает, так сказать, не за страх, а за совесть. По окончании отборочных игр в своей группе Диди довольно смело высказал прогноз относительно финальных матчей в столице Мексики. По его мнению, европейцам, кроме Англии, трудно будет рассчитывать на призовые места. Основная борьба, сказал Диди, развернется между командами Мексики, Бразилии, Англии и... – к черту скромность! – Перу.

Кончил играть, но не ушел из большого футбола левый край «золотой сборной» 58 го года Загало. Почти все эти годы он играл в «Ботафого», оспаривающем у «Сантоса» право считаться лучшим клубом Бразилии. И два года назад Загало превратился из игрока в тренера, после чего обоснованность претензий «Ботафого» заметно возросла. Во всяком случае, под руководством Загало за два года (1967–1968) команда из всех чемпионатов и турниров дома и за рубежом, в которых принимала участие, проиграла только один.

Интервьюируя Загало, я попросил его рассказать, в чем он видит основное отличие футбола 58 го года от футбола наших дней. По его мнению, наиболее характерной тенденцией в развитии тактики игры является постепе пение и необратимое исчезновение игровой специализации.

– Когда я пытался оттягиваться на помощь защитникам, – сказал Загало, – тренеры кричали на меня. Когда Нилтон Сантос на свой страх и риск рвался вперед, пытаясь помочь форвардам, создать численный перевес на подступах к штрафной площадке противника, ему угрожали скамейкой запасных. А сегодня защитники забивают голы, крайние нападающие участвуют в обороне, и никто не видит в этом ничего преступного. Сегодня каждый игрок должен уметь делать все. И в сложных ситуациях, когда все нападают, все защищаются, когда в опасной зоне близ ворот скапливается большое количество игроков, решающую роль играет индивидуальное мастерство футболистов. В этом у нас, бразильцев, всегда будет небольшое преимущество перед нашими соперниками.

* * *

Итак, мы рассказали обо всех героях «золотой сборной», за исключением двоих. Судьбы этих последних, этих двух самых знаменитых форвардов Бразилии, двух футбольных гениев, находятся на противоположных полюсах. Между этими полюсами пролегли извилистые пути всех профессионалов бразильского футбола...

Речь идет о Пеле и Гарринче.

Знакомьтесь: Пеле ...

Чтобы нейтрализовать Пеле, любая футбольная команда должна располагать как минимум тремя защитниками: один –

пытается отобрать мяч, другой – подстраховывает первого, а третий отправляется доставать мяч из сетки ворот.

Арапуа. Бразильский юморист

Его называют «королем футбола». Вероятно, за всю историю всех известных человечеству монархий – от египетских фараонов до уцелевших к XX веку последних могикиан голубых кровей – не было короля, более любимого и почитаемого. В его жизни бывали дни радости и печали, его творчеству не были чужды как моменты высшего вдохновения, так и мучительные периоды серой рутины. А самым трагическим днем в его жизни был, вероятно, тот несчастный июльский день 1966 года, когда, предательски искалеченный португальскими защитниками в последнем матче бразильской сборной на первенстве мира, «король», беспомощно ковляя где то на краю поля, с отчаянием присутствовал при разгроме своей армии, снискавшей гордую славу непобедимой...

В те дни, когда Бразилия тяжело переживала это горькое поражение, когда громы и молнии падали на головы тренеров и футболистов, когда раздавались истерические крики о несмываемом позоре и окончательной гибели бразильского футбола, в газете «Журнал до Бразил» было напечатано письмо советского болельщика Е. Ф. Бурзева, проживающего в Харькове (газета сообщала его точный адрес) по проспекту Ленина, дом 19/9, кв. 52. В его письме, в частности, говорилось: «Пеле и его товарищи по команде: Гарринча, Зито, Жилмар, Белини, Орландо, Жаирзиньо и другие – не должны терять веру в свои силы. Они должны помнить, что, несмотря на поражение в Англии, они продолжают оставаться в глазах тех, кто любит и ценит настоящий футбол, единственными и неподражаемыми чемпионами мира... Подлинными спортсмены должны держать головы высоко поднятыми и не забывать древней мудрости: „Сквозь тернии – к звездам!“

Мы, советские болельщики, называем Вас, Пеле, „Паганини кожаного мяча“. И можете поверить, мы понимаем красоту футбола, любим его и не станем расточать похвалы попусту...»

В тот день, когда это письмо было опубликовано, бразильская команда еще находилась в Англии: нужно было выждать время, чтобы страсти остыли и встреча побежденных не получилась бы слишком бурной... А когда команда вернулась на родину, Пеле сразу же направился в Сантос, и никто не передал ему это письмо советского болельщика. Спустя полтора года, отправляясь в командировку в штат Сан Паулу, я вспомнил об этом и решил рассказать Пеле о письме.

Захватив пожелтевшую вырезку из газеты и заправив «аэровиллис» бензином на дальнюю дорогу, я отправился в Сантос, где вскоре с сожалением убедился, что в редкие дни, свободные от тренировок и матчей, найти Пеле практически невозможно.

Два дня я ловил его по всему городу. На стадионе «Сантоса» – «Вила Бельмиро» – сказали, что он уехал домой. Жена Пеле, красавица Розе Мери, повязанная передником, сказала, пряча руки, покрытые мукой, что супруг ее будет только вечером, а сейчас он, возможно, заехал на свою фабрику санитарного оборудования на улице Жоан Пессоа. Фабрика эта оказалась небольшой мастерской, монтирующей умывальники, унитаза, водопроводные краны. При ней был маленький магазинчик, в котором мне сочувственно сообщили, что патрон уже уехал, но не сказал куда...

Короче говоря, у меня был один выход: ждать до завтра, когда должен был начаться предыгровой сбор «Сантоса» накануне очередного матча с «Коринтиансом». Нетрудно было предположить, что на сборе и на предыгровой тренировке Пеле будет лишен этой потрясающей «мобильности». Так оно и получилось. И когда на следующий день благодаря помощи Зито и еще одного администратора клуба я добрался до дачи базы «Сантоса», затерянной среди холмов и озер между Сан Паулу и Сантосом, мне осталось только набраться терпения и дожидаться конца тренировки...

Впоследствии мне довелось много раз убеждаться, что лучшим местом для интервью с любым футболистом, а тем более с Пеле, является эта самая «концентрация», как ее называют в Бразилии, или «сбор», как это называется у нас. Никто никуда не спешит, все

заботы и хлопоты остались за оградой «концентрации». Там, за этой оградой, могут меняться судьбы мира, болеть дети, страдать возлюбленные, изменять жены, гореть дома и прогорать торговые сделки... Все это – там. А здесь, внутри священной ограды, за которую «вход посторонним воспрещен!», всегда будет царить тишина: ничто не должно смущать покой футболиста накануне завтрашнего матча. Потому что завтрашний матч всегда – самый важный.

Пеле улыбался, слушая взволнованное письмо из Харькова, а потом сказал:

– Передайте ему, что мы стараемся не думать о прошлом, а с надеждой смотреть в будущее, где нас, как я верю, ожидают еще немалые победы... Это очень трогательное письмо. И я хотел бы обнять этого человека и поблагодарить его за теплые слова...

Потом я долго расспрашивал Пеле о его жизни, о футболе. О самых памятных матчах. О «Сантосе» и о сборной. О семье и дочке. О внефутбольных «деловых» заботах «короля» и о песнях, которые он сочиняет в редкие свободные от футбола минуты. Потом были новые встречи и новые беседы.

Однажды я рассказал одному из своих друзей – директору музея изображения и звука в Рио де Жанейро Рикардо Краво Албину о том, что собираюсь написать о Пеле. Рикардо загадочно улыбнулся и потащил меня в свой музей. Усадив за стол, за которым стоял громоздкий магнитофон, он исчез, попросив подождать минутку. За окном серого особняка шумела площадь маршала Анкора. Пахло свежей рыбой и плесенью: совсем рядом искрилась солнцем волнистая бухта Гуанабара.

Гудели автобусы, пыхтели буксиры, истерично визжали свистки полицейских, а в прохладной комнатке музея было тихо и уютно.

Спустя несколько минут Рикардо вернулся, торжественно потрясая коробками с магнитной пленкой. На каждой из них было выведено: «Эдсон Арантес до Насименто – Пеле». Это была запись воспоминаний Пеле о себе самом, сделанная музеем для потомков.

Я прослушал, а затем и скопировал ее. В этой пленке нет никаких сенсационных сообщений или ошеломляющих открытий. Кроме некоторых курьезных фактов и подробностей, в ней нет ничего, что не было бы в той или иной степени уже известно многочисленным биографам Пеле, посвятившим ему нескончаемые газетные очерки и тома воспоминаний.

И все же эта звукозапись показалась мне необычайно интересной. Не только для будущего историка мирового футбола или какого-нибудь болельщика дилетанта, фанатичного поклонника выдающегося таланта Пеле. Записанный на пленку рассказ Пеле о себе самом оказался портретом не столько Пеле, сколько Эдсона – простого бразильского парня, прошедшего все ступеньки своей необычной жизни: от босоногого мальчишки – чистильщика ботинок до лучшего футболиста мира и самого популярного бразильца и сохранившего при этом все свои лучшие человеческие качества – скромность, трудолюбие, сердечность, необычайную душевную щедрость и доброту...

Поэтому рассказ о Пеле мне хочется начать с нескольких отрывков, взятых из этой пленки. Пусть Пеле сам рассказывает о себе. А там, где он по скромности или забывчивости будет что-либо упускать или умалчивать, можно будет дополнить его рассказ сведениями, почерпнутыми от его друзей. И не только друзей, но и у тех, кто его видел лишь с трибун стадионов, но все равно считает его своим близким человеком. Потому что для каждого бразильца Пеле – это что-то свое, бесконечно дорогое. Это символ родины, воплощение лучших качеств своего народа.

Итак, предоставим слово Пеле:

«Я родился в маленьком селении „Трес корасоэс“ – „Три сердца“ в штате Минас Жерайс 23 октября 1940 года. Отец мой – его зовут Дондиньо – был в молодости профессиональным футболистом. Мать никогда не работала. Детство мое было такое же бесхитрое и хорошее, как у всех детей в простых бедных семьях: мы играли во всевозможные игры, но больше всего, конечно же, гоняли футбольный мяч. Правда, его трудно было назвать футбольным – тот мяч, которым я играл в детстве! Это был мяч из

бумаги или из тряпок, из соломы или еще из чегонибудь. А иногда мячом служил простой мандарин... Впервые начал играть в команде, которая имела название, в семь лет. Это была команда „7 сентября“ в городке Бауру, куда мы переехали всей семьей. К сожалению, в той же команде я испытал и первое жестокое разочарование в своей жизни. Меня пригласили участвовать в настоящем турнире, но я не смог: у меня не было бутсов, а мои родители не имели денег, чтобы их купить... Так я и не участвовал в том первом турнире...

Когда я поступил в колледж, пришлось сократить часы, отведенные футболу: с двух до пяти дня я должен был сидеть за партой. Но остальное время почти все – с утра до полудня и с полшестого до восьми – продолжал гонять мяч.

Там же, в Бауру, родилась моя кличка, ставшая моим вторым именем, – Пеле. Ее происхождения никто не знает. Говорят, что в команде отца был вратарь Биле, и я вроде бы пытался ему подражать. Но это все догадки...

Мне всегда нравилось играть в футбол, но, по правде говоря, я отнюдь не стремился стать „звездой“ футбола. Я мечтал выучиться пилотировать самолеты: у нас, в Бауру, неподалеку от дома, был аэродром, и мы бешено завидовали летчикам...

Еще в детстве я любил плавать, хотя никогда не занимался плаванием профессионально: речушка в Бауру была не из полноводных. Метр шириной, полметра глубиной...»

Там, в Бауру, прошли детство и юность Пеле. Там он стал играть в дворовых командах, там стал тренироваться в детской команде местного футбольного клуба, где он с 13 до 15 лет был постоянным «артиллером» – лучшим форвардом, забивавшим наибольшее количество голов. Отец не мог нарадоваться на своего сына. А мать горестно качала головой. Особенно обострились споры, когда один из приятелей отца предложил отвести мальчишку в Сантос и показать тамошним тренерам. Несмотря на протесты матери, отец принял решение отправить сына на поиски футбольного счастья... Эдсон приехал в город Сантос, приятель отца привел его на «Вила Бель миро», стадион легендарного «Сантоса» – лучшей футбольной команды Бразилии...

«Я жил в Сантосе в одной комнате с игроком Васконселосом. Почти не выходил на улицу. Плакал, тосковал, хотел вернуться домой. Однажды даже сбежал ночью, но меня поймал и привел обратно один из служителей клуба... После первой же тренировки со мной заключили контракт. Первый контракт в моей жизни. Мне было тогда 16 лет, и я стал получать 5 тысяч „старых“ крузейро в месяц. Большие деньги по тем временам... Половину стал отсылать матери, две тысячи платил за пансион, в котором жил, а пятьсот оставались на карманные расходы... Матери деньги я посылал с особым удовольствием: когда я там, в Бауру, бил мячом стекла, она, помню, ругалась, кричала на меня, и я успокаивал ее такими словами: „Не сердись, мама! Когда я подрасту, стану зарабатывать деньги, куплю тебе дом...“ „Как же! Дождешься! – сердилась мать. – Вон посмотри на отца: тоже обещал мне и дом, и много чего еще. И вот, пожалуйста, полюбуйся сидим нищие“»

Так началась ослепительная футбольная карьера Пеле, приведшая его на пьедестал почета на чемпионатах мира в Швеции и Чили. Там, в «Сантосе», Пеле забил свои первые из тысячи голов, забитых им за четырнадцать лет профессионального футбола.

Армандо Ногейра, спортивный редактор «Жорнал до Бразил», попросил однажды Пеле рассказать о том, что, по его мнению, является самым главным из его детского опыта. Чему он научился в детстве? Каким образом смог он достичь без серьезной помощи тренеров такого уровня мастерства, что оказался, будучи еще мальчишкой, принятым в профессиональный клуб, один из лучших в стране?

Вот что ответил он на этот вопрос: «Главное, чему я научился в детстве, – это дриблинг на ходу, на скорости. Водиться и обыгрывать друг друга любят и умеют все ребята. Но при этом часто забывают, что главное – не просто обвести противника, а сделать это на скорости, выигрывая пространство, наступая. С детства я инстинктивно почувствовал, что нужно стремиться добиваться исполнения всех финтов, любых самых сложных технических

приемов в самое короткое время... Пожалуй, именно это я считаю главным, основным в обучении детей футболу...»

Когда он уехал в свой первый отпуск в Бауру, чтобы навестить мать, отца и сестер, он был уже признанным мастером футбола, хотя со дня его отъезда в Сантос прошло около полутора лет. Там же, в Бауру, по радио он услышал о том, что его зачислили в состав сборной страны, отправляющейся на чемпионат мира в Швецию.

Первую игру на чемпионате мира он просидел на скамейке запасных. Вторую – тоже. Лишь на третью игру под давлением журналистов, врача и ряда игроков тренер Феола согласился выпустить на поле запасных игроков: Гарринчу и Пеле... Это была игра с командой Советского Союза. Что он чувствовал тогда, в тот день, впервые выходя защищать спортивную честь своей страны в матче первенства мира?

«До сих пор, когда я выхожу на поле в составе „Сантоса“ или сборной в международном матче и слышу, как исполняется гимн моей страны, меня охватывает дрожь. А представьте себе 17 летнего парня, впервые вышедшего на поле в столь ответственном матче?... Скажу одно: я всегда пою гимн, когда его исполняют перед началом матча. Но в тот раз не смог. Минут десять меня трясло. И лишь потом я смог успокоиться...»

А свой первый гол в чемпионатах мира Пеле забил в матче против сборной Уэльса. Десять лет спустя – в 1968 году – он сказал мне, что продолжает считать этот гол самым памятным, самым важным, а может быть, и самым красивым в своей футбольной биографии.

После этого я не мог успокоиться до тех пор, пока не разыскал пленку с записью этого действительно поразительного гола: Пеле получил мяч от Диди, находясь метрах в одиннадцати от ворот в окружении защитников. Он обыграл их двумя молниеносными финтами и послал мяч в правый нижний угол. Этот гол решил судьбу матча. Потому что он был очень трудным, и счет не был открыт. Любая случайность могла бы привести к поражению, к крушению всех надежд... Можно представить себе эмоции 17 летнего парня в эту минуту! Во всяком случае, кинопленка бесстрастно зафиксировала, что он бросился в ворота, схватил мяч и начал его целовать. А сзади налетела вся команда, образовав кучу малу. Красота гола усугублялась еще и тем обстоятельством, что в момент приема мяча Пеле находился спиной к воротам. О чем он подумал в эту минуту? Как он умудрился «спланировать» каскад стремительных финтов?

«В тот момент, когда я получил мяч, я, пожалуй, уже ни о чем не думал. Я исполнял то, что обдумал раньше. На поле игрок должен думать до того, как он принимает мяч. Тот же, кто размышляет, что ему делать с мячом тогда, когда мяч находится у него в ногах, не может быть хорошим нападающим... Поэтому то я всегда стремлюсь обдумать два три варианта дальнейшего продолжения игры еще до того, как мои партнеры передадут мне мяч...»

Через четыре года на первенстве мира в Чили Пеле получил одну из самых тяжелых травм, которая надолго вывела его из строя. В этом эпизоде проявился дух товарищества, дружбы, свойственный «золотой» бразильской сборной:

«Я ушел в том несчастном матче в раздевалку угнетенным, я плакал, потому что не мог видеть, как товарищи вынуждены продолжать игру вдесятером против одиннадцати... Я стал умолять доктора Гослинга, чтобы он мне сделал обезболивающий укол, и я смог бы тогда выйти на поле. Доктор наотрез отказался сделать это...»

После матча ко мне в больницу приехали ребята: Загало, Гарринча, Белини. Они смеялись, успокаивали меня: „Да брось ты плакать! Не вешай носа! Мы выиграем это первенство специально для тебя“»

И они действительно выиграли кубок мира во второй раз.

После этой сенсации во всем мире с новой силой вспыхнули споры о преимуществах артистического латиноамериканского футбола перед «грубым», «силовым» европейским. Что думает Пеле по этому поводу?

«Футболисты Европы больше нас уделяют внимание защитным схемам, они страдают боязнью пропустить гол. Особенно сильно заметно это у итальянцев и немцев. Все эти защитные схемы, при которых команда из боязни поражения оттягивает в защиту до девяти

человек, оставляя впереди двух трех, вредит футболу, лишает его красоты. Я думаю, что в этом со мной согласятся все любители футбола... Сегодня профессиональный футбол, к сожалению, перестал быть искусством и стал коммерцией. Чтобы он вновь вернулся к искусству, стал радостным спектаклем, как это было раньше, нужно изменить мировоззрение тех, кто слишком много печется об очках и местах в таблицах, о защите своих ворот любой ценой... Ну, а чтобы воспрепятствовать дальнейшему распространению грубостей на футбольных полях, следовало бы, по моему, ввести в футболе баскетбольное правило: удаление провинившегося игрока после пяти ошибок...»

В 1966 году бразильская торсида испытала жестокое разочарование. Поражение на чемпионате мира долгое время объяснялось «заговором» судей, закулисными маневрами ФИФА, желавшей угодить создателям футбола – англичанам.

Прошли долгие месяцы, прежде чем руководители бразильского футбола смогли трезво оценить причины поражения, чтобы извлечь необходимые, хотя и горькие уроки для очередной схватки в Мехико. А Пеле не верил ни в заговоры, ни в махинации. Пеле воспринял поражение как настоящий спортсмен.

«Прежде всего у нас были серьезные проблемы с руководством сборной команды, о которых мне по этическим соображениям не хотелось бы говорить, – отвечает он с присущей ему деликатностью. – Но главное – это то, что у нас фактически не было одиннадцати „титулларес“. Была делегация футболистов, но никто не знал, будет ли он играть или нет. Хромала и физическая и психологическая подготовка: болельщики и пресса считали победу в Лондоне практически обеспеченной, а игроки, наоборот, чувствовали неуверенность в своих силах... В 1958 году каждый рвался в бой, мечтал о том, чтобы его поставили в основной состав. А в 1966 году многие, словно предчувствуя поражение и боясь ответственности, старались остаться на скамейке запасных».

Многие интересуются, сталкивался ли когда либо Пеле с расовой дискриминацией по отношению к себе. Ведь «Сантос» чуть ли не каждый год посещает США! В 1968 году Пеле ответил мне, что никогда не испытывал расовой дискриминации ни в США, ни в других странах.

«Однажды, правда, меня пригласили на какой то банкет или прием в Нью Йорке. Вероятно, это было сделано с целью продемонстрировать, так сказать, „образцово показательного черного“. Я сказал, что приму приглашение только в том случае, если вместе со мной будут приглашены и все остальные мои товарищи по команде: белые и черные... После этого разговор о моем приглашении не возобновлялся... А вообще то я никогда, даже в США, не испытывал на себе расовой дискриминации».

Спустя два или три месяца после этого разговора «Сантос» вновь отправился в США. Во время этой поездки произошел следующий случай: в Бостоне в отель, где остановились футболисты, позвонили неизвестные лица и пригрозили, что если бразильский «черный» Пеле не уберется из города, его прикончат. Руководители делегации не сказали об этом Эдсону, но «Сантос» ездил из отеля на стадион и обратно под охраной полицейских патрулей...

Однако поговорим немного о Пеле человеке, о его жизни вне футбольного поля, о его семье.

В 1966 году Пеле женился. И вскоре после свадьбы один из его друзей журналистов поинтересовался, почему Пеле никогда раньше не показывался, как говорится, «на людях» со своей невестой. В ответе Эдсона нельзя не почувствовать удивительную душевную чуткость этого человека. И его умение ценить хорошую шутку:

«У меня были разные подружки, но... разве мог бы я пройтись по улице с какой либо девушкой, без того чтобы она завтра же не появилась во всех газетах как моя возлюбленная, как невеста, как подруга Пеле!... Представляете себе: шумиха, фотографии!... И она, эта девушка, осталась бы с этим клеймом „подруга Пеле“ на всю жизнь. И потом у нее могли бы возникнуть трудности, если бы она, захотела познакомиться с другим парнем, выйти замуж. Эта „кличка“ осложнила бы ей жизнь... И поэтому я никогда не показывался с девушками,

никогда не говорил ни с кем о моих подругах... Так же было с Розе Мери. Я был знаком с ней до свадьбы около шести лет, но пока мы не решили пожениться, пока не договорились об этом с ее родителями, никто не подозревал о том, что у меня есть невеста. Ведь если бы эта помолвка расстроилась, она осталась бы на всю жизнь „невестой Пеле“» ...

А познакомились мы с ней на баскетбольном матче, причем она болела за «Коринтианс», а я, естественно, за «Сантос». На следующий день я должен был играть против «Коринтианса», и она попросила меня не забивать гол в ворота ее команды... Так и началось наше знакомство...

Потом пришло время говорить с ее отцом: просить руки его дочери. Это было чертовски трудно, и у меня было маловато мужества на то, чтобы поговорить об этом с ним у него дома. Ну... и я решил с ним говорить, когда мы были на охоте... И он сказал мне: «Да». Еще бы! Ведь мы были один на один, в лесу, с ружьями в руках... Самый что ни на есть мужской разговор! Что ему еще оставалось делать, спрашивается! Разумеется, он сказал: «Хорошо, хорошо! Согласен! Бери мою Розе Мери в жены...»

Разговор с Пеле будет неполным, если мы не упомянем о том, как и все профессионалы футбола, он стремится сколотить к моменту окончания футбольной карьеры хоть маленькое состояние. У него семья, дочь. И он не хочет голодать в старости. Поэтому он, как и большинство его коллег, старается найти заработанным: деньгам какое то применение. Он купил небольшую мастерскую санитарно технического оборудования «Санитария сантиста» с магазином при ней, но она чуть не разорила его. И он продал ее. В пригороде Сан Паулу Санто Андре он завел небольшую фабрику резиновых изделий на паях с Зито. Купил кое какие акции. И обзавелся земельной фазендой (имением) неподалеку от Сан Паулу. Впрочем, с точки зрения обеспечения своей старости, Пеле всегда имеет одну более чем стопроцентную возможность: ему достаточно подписать контракт с каким либо богатым европейским клубом, и он будет обеспечен деньгами до конца дней своих. Ведь так поступили многие из его товарищей, в том числе герой шведского чемпионата Вава, герой чилийского чемпионата Амарилдо... Почему же он до сих пор не последовал их примеру?

«Видите ли, деньги – это еще не все в нашей жизни... Я отлично чувствую себя в Бразилии и не собираюсь покидать мою родину. Потому что здесь мой дом, моя семья... А деньги... Нет, дело не в них. Если бы дело было в деньгах, я давно бы уже „должен“ был уехать: ведь мне делались миллионные приглашения и в ФРГ, и в Италии, и в Испании. Однажды даже намекали на миллион долларов в США, если я соглашусь поехать в эту страну... Представляете: миллион долларов! Но разве эти деньги принесли бы мне счастье?»

Так говорит Пеле, человек, чье имя более десяти лет подряд окружено ореолом заслуженного почета и честно заработанной славы. Он побил все официальные и неофициальные рекорды: в семнадцать лет стал самым молодым в истории футбола чемпионом мира, в двадцать один – самым молодым двукратным чемпионом... Не пересчитать его остальных титулов! Двукратный чемпион Южной Америки, пятикратный чемпион Бразилии, девятикратный чемпион штата Сан Паулу... Прославленный клуб «Сантос» вместе с Пеле дважды выигрывал звание чемпиона мира среди клубных команд... В сезоне 1959 года Пеле забил 129 голов, обогнав всех футболистов всех времен по количеству голов, забитых за один год... А за все четырнадцать лет со дня заключения первого контракта с «Сантосом» он забил уже тысячу голов, сыграв более тысячи официальных матчей...

Кто еще может похвастаться такими результатами?..

Однажды Пеле забил восемь голов в одном матче! В четырех играх он забивал по пять голов и в 18 встречах заставлял вратарей соперников вынимать мячи из сетки ворот четырежды!

Возможно, мы слишком увлеклись статистикой. Однако эти потрясающие цифры объективно и точно определяют место Пеле в истории мирового футбола.

В эту историю вошли, причем, не только цифры. Стали изустными легендами, передаваемыми в Бразилии от отцов к детям, рассказы о его лучших голах. О том, например,

который он забил в 1959 году в ворота «Флуминенсе». Получив мяч из рук вратаря «Сантоса» Жилмара в своей штрафной площадке, Пеле прошел с ним через все поле, обыграв почти всю команду противника – от центрального нападающего до вратаря, и забил мяч в сетку оставшихся пустыми ворот...

Или о том, который был забит им в ворота «Жувентуса», когда Пеле, получив высокий пас в штрафной площадке противника, обыграл четырех защитников и вратаря... Обыграл каскадом изящных финтов, и при этом мяч ни разу не коснулся земли!

«Человек, который забивает такие голы, имеет право на бессмертие», – утверждают бразильцы.

Биографы Пеле, захлебываясь от восторга, рассказывают, как один бедняк из Кейптауна, узнав, что Пеле будет играть в Касабланке, отправился «зайцем» через всю Африку! О том, как в другой африканской стране день матча с его участием был объявлен выходным...

Тысячи неграмотных в Бразилии стали учиться грамоте после выхода в свет его автобиографической книги «Я – Пеле». Люди стремились самостоятельно прочесть ее! И за это Эдсон получил одну из самых ценных золотых медалей в своей жизни: золотую памятную медаль Министерства культуры и просвещения Бразилии... Тысячи больших и маленьких, помпезных и скромных манифестаций любви и преданности сопровождают Пеле по всем городам Бразилии и мира. Однажды, когда он играл в Порту-Алегри, столице бразильского штата Рио-Гранде-ду-Сул, – а матч проходил в день его рождения! – он получил самый «сладкий» подарок в своей жизни: перед началом матча на поле был вывезен грандиозный торт весом... в четыреста (!) килограммов. Весь стадион встал и пел поздравительную песенку в тот момент, когда Пеле в наступившей темноте (были отключены прожекторы) гасил двадцать восемь свечей. В перерыве матча торт был съеден болельщиками за пять минут...

Ну, а какую из всех этих манифестаций уважения и любви сам Пеле считает самой «горячей»? Где, в какой стране он был встречен наиболее тепло?

«Пожалуй, это было несколько лет назад в Перу. Тот матч ничем не отличался от обычного. В первом тайме мы выигрывали 3:0, и тренер предложил мне отдохнуть... Я встал под душ, команда ушла без меня продолжать игру, и вдруг спустя несколько минут в раздевалку вбегает взволнованный работник стадиона и кричит мне, чтобы я немедленно переоделся – на мне уже был обычный костюм – и снова вышел на поле. Оказывается, торсида, заметив мое отсутствие, начала разгром стадиона. Болельщики поджигали подушки, которые им выдавались вместе с билетами, чтобы сидеть на не очень мягких трибунах, и швыряли их на поле. Возникла угроза пожара, матч прекратился, я вынужден был снова выйти на поле...»

Вскоре после того, как Пеле рассказал мне об этом эпизоде, произошел еще более невероятный, поистине уникальный случай. Дело было в Колумбии. «Сантос» играл с одной из местных команд, судья был колумбиец. Уже в первом тайме он стал изо всех сил помогать своим соотечественникам: не дал пенальти за снос Пеле, засчитал гол, забитый в ворота «Сантоса» из офсайда... К началу второго тайма обстановка накалилась. При счете 1:1 судья выгнал с поля Пеле, осмелившегося выразить недовольство очередным ляпсусом арбитра. И тут произошло то, чего никогда еще не знала история футбола: болельщики возмутились. Колумбийские болельщики ополчились против своего же, колумбийского, судьи, подсуживавшего колумбийской команде против «чужаков». Начался скандал, вспыхнули драки... на трибунах раздался возмущенный вопль: «Мы платим свои деньги, чтобы видеть на поле Пеле, а не этого паяца судьей!» В несчастного арбитра полетели яблоки, бутылки, камни...

Короче говоря, дело закончилось тем, что, повторяем – впервые в истории футбола, с поля был удален... судья! Его сменил один из помощников, взявший в руки свисток вместо флажка... Первым же решением нового судьи было требование о возврате на поле Пеле,

который вернулся сопровождаемый бурей оваций. Матч был продолжен, Пеле забил свой «обязательный» гол, «Сантос» выиграл 3:1, болельщики остались довольны.

Не только за рубежом, но и в своей стране «королю» воздаются королевские почести. Газеты постоянно информируют читателей о самочувствии Его Величества, о состоянии его левого колена, об упражнениях на предматчевой тренировке и о меню королевской трапезы. И все же в Бразилии он окружен атмосферой братской любви, а не слепого, почти религиозного поклонения, как за рубежом. У себя дома «король» любим, почитаем, но ошибок ему не прощают, за слабо проведенные матчи критикуют весьма безжалостно. Как то мне довелось присутствовать на одном из редких матчей, проигранных «Сантосом», сидя среди торсиды «сантистов», которая кляла Пеле на чем свет стоит. И это было чертовски несправедливо! Потому что нет в бразильском – да, вероятно, и в мировом – футболе игрока, более загруженного, более нещадно эксплуатируемого, чем Пеле. По мнению доктора Гослинга, он просто напросто не успевает восстанавливать свои силы в кратких интервалах между матчами. И при этом ему приходится играть в куда более трудных условиях, чем любому другому игроку «Сантоса» или сборной. Ведь за Пеле защитники следят во все глаза. И не только следят. Вспомните, например, безобразные сцены «охоты», учиненной за ним хулиганствующими португальскими защитниками на чемпионате мира в Англии!

Да, наблюдая Пеле на пьедесталах почета в ярком свете прожекторов, купающегося в оглушительном шквале оваций, трудно, конечно, помнить о том, что спортивная биография лучшего футболиста мира меньше всего напоминает карьеру какой нибудь ослепительной голливудской кинозвезды, порхающей от одной победы к другой... Однажды я спустился в раздевалку «Мараканы» после матча, выигранного «Сантосом» со счетом 2:0. На трибунах еще не успели смолкнуть овации, которыми торсида провожала Пеле, а он лежал на скамье с закрытыми глазами.

– Я очень устал, – сказал он печально. – Устал прямо таки зверски...

И репортеры, суесящиеся вокруг «короля», поняли, что Пеле имеет в виду не только что закончившийся матч.

– Мы уже привыкли отдыхать играя, – горько усмехнулся он. – Научились отдыхать на поле. Потому что за его пределами времени для отдыха у нас нет...

Рассказ о Пеле будет неполным, если не упомянуть о его не совсем обычном «хобби», которому он отводит редкие свободные от футбола и деловых забот минуты: Пеле сочиняет песни! И, по моему, очень неплохие. Во всяком случае, две из них уже были записаны на пластинки певцами Уилсоном Симоналом и Жанром Родригесом. Во время нескончаемых разъездов и «концентраций» «Сантоса» и сборной Пеле никогда не расстается с гитарой, и его музыкальные упражнения служат постоянным объектом шуток и розыгрышей со стороны друзей. Конечно, его песенки вряд ли оставят в истории музыки такой же след, какой оставили в истории футбола голы, забитые им в ворота «Флуминенсе» или «Жувентуса». Однако мягкую и добрую душу этого парня, выдержавшего нелегкое испытание славой и золотом, они выражают лучше, чем громкие титулы, завоеванные им на футбольных полях:

Если бы я мог переделать мир,
Вот что я сделал бы:
Покончил бы с невежеством,
Уничтожил бы нищету,
Запретил бы войну...
И пусть на земле было бы
Много много любви и мира...

Другое «хобби» «короля» неожиданно превратилось в дополнительный и весьма прибыльный источник его доходов: речь идет о его страсти к театральному искусству. В конце 1968 года телестанция. «Экселсиор» в Сан Паулу заключила с Пеле контракт, по

которому он был привлечен к съемкам грандиозного (несколько сот серий) телевизионного фильма на одну из главных ролей. Каждый понедельник (день отдыха для футболистов «Сантоса») «король» приезжает в Сан Паулу и перевоплощается в писателя научно фантастических и полицейских романов, которому приходится сталкиваться с героями своих романов, когда на землю прибывает космический корабль с другой планеты. По ходу дела, как того требуют святыя традиции бразильского телевидения, Пеле приходится прыгать через пропасти, совершать воздушные сальто мортале на вертолетах и парашютах, преследовать бандитов в океанских глубинах и стратосфере, сворачивать челюсти своим многочисленным противникам и спасти представительниц слабого пола от всевозможных посягательств на их жизнь и честь.

Впрочем, в отношении последнего пункта создатели этой феерической телеэпопеи постоянно сталкиваются с весьма серьезными трудностями: супруга Пеле Розе Мери, дав согласие на участие мужа в этих съемках, поставила категорическое условие: никаких «сильных» сцен с полураздетыми красотками! Продюсеры не очень довольны, но стараются не роптать, ибо знают решительный нрав Розе Мери. Полтора года назад она безжалостно разрушила не менее грандиозную идею какого то зарубежного рыцаря кинокамеры, вознамерившегося снять ленту о любовных похождениях с участием Брижит Бардо и Пеле в главной мужской роли...

Судя по первым нескольким десяткам серий, эксперимент получился весьма удачным, фильм пользуется колоссальной популярностью у телезрителей и вскоре будет продан в ряд зарубежных стран. Главной положительной стороной этой затеи является тот факт, что впервые на экране мирового телевидения негр появился не в привычном амплуа шута, бандита, чистильщика ботинок или морально неполноценного существа, а в облике героя, ловкого, умного, обаятельного борца, защитника обиженных. В контракте специально оговорено, что Пеле будет исполнять только такие роли... И что все телефильмы с его участием должны нести в себе идеи добра, справедливости, защиты человеческого достоинства. Новая работа так увлекла Пеле, что он всерьез подумывает о том, чтобы по окончании своей футбольной карьеры стать профессиональным актером...

Итак, «король» находится в зените своей славы, успеха и материального благополучия, продолжая оставаться тем же обаятельным парнем, который в 1958 году восхитил мир не только финтами и ударами, но и удивительным добродушием, простотой, скромностью... Но считает ли он, что добился всего, о чем мечтал, к чему стремился? Когда я задал недавно ему этот вопрос, Пеле засмеялся и ответил, что, к сожалению, до сих пор не сумел осуществить своей самой заветной мечты: забить мяч в ворота соперников с центра поля тотчас же после свистка судьи, возвещающего о начале матча...

Потом он посерьезнел, задумался и, словно размышляя вслух, сказал:

– Видишь ли, мне кажется, что всего, о чем мечтаешь, добиться никогда невозможно... Потому что человек никогда не перестает мечтать, стремиться к чему то, что еще впереди...

Я мечтал играть в футбол, и... вроде бы получается немного. Правда, мне повезло, потому что я попал в руки хорошему тренеру, нашел друзей, играл в хорошей команде...

Я женился на девушке, которую любил и люблю, и у нас родилась дочь. Кажется, лучшего и желать нельзя... Но все же я не могу еще сказать, что добился всего, к чему стремился и стремлюсь. Мне еще нужно сделать самое главное: вырастить и воспитать моих детей... Ведь я надеюсь, что у моей дочки появятся братья и сестры... И когда они встанут на ноги, получат образование, начнут самостоятельную жизнь, тогда только я смогу сказать, что добился всего, о чем мечтал...

Горькая «Радость народа»

Было время, когда газеты всего мира печатали его портреты на первых полосах. Было время, когда этому парню был посвящен кинофильм, названный «Радость народа». Было время, когда его имя произносилось с благоговейным уважением и трепетным восторгом

миллионами болельщиков в Риме и Москве, Мехико и Дакаре, Стамбуле и Буэнос Айресе. Не говоря уже о Рио де Жанейро.

Сегодня от былой славы осталось, пожалуй, только одно: мемориальная бронзовая доска в холле стадиона «Маракана», на которой среди имен прославленных героев чемпионата мира в Швеции значится и его имя: «Манозл Франсиско дос Сантос». И в скобках: «Гарринча». Когда его удалили с поля в одном из матчей чилийского чемпионата мира, премьер министр Бразилии направил в Сант Яго телеграмму, в которой содержалась дипломатично завуалированная просьба не дисквалифицировать Гарринчу на следующий матч. Когда Бразилия вторично выиграла Кубок Жюля Риме, в грохоте потрясшего страну карнавала восторгов ему наобещали золотые горы и реки, полные вина: автомашины и усадьбы, земельные участки и банковские счета с фантастическими суммами...

А спустя несколько лет ему даже не послали приглашения на торжественный банкет по случаю десятилетнего юбилея победы в Швеции. Его забыли пригласить и на матч сборных Бразилии и ФИФА, организованный в связи с этим юбилеем.

Всех пригласили – отставных генералов и эстрадных певцов, знаменитых жокеев и модных портных, тонконогих манекенщиц и крикливых куплетистов. А Манозл Франсиско дос Сантос стоял в очереди за билетом вместе с десятками тысяч своих незнатных соотечественников.

Итак, о Гарринче забыли? «Радость народа», кумир Бразилии остался вне футбола, без друзей, без славы. Истеричные девчонки не кричат больше хором его имя с трибун стадионов, гимназисты не носят футболку с его портретом на груди. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, если на него вообще можно ответить, вернемся на полтора десятка лет назад.

...9 июля 1953 года. В этот день на стадионе «Ботафого» в Рио де Жанейро, волнуясь, переминаясь с ноги на ногу, 20 летний Манозл, или Манэ, как его называли друзья в Пау Гранде, крошечном городишке, затерянном где то в горах, окружающих Рио де Жанейро, держался за сетку, ограждавшую футбольное поле, и с замиранием сердца следил за тренировкой выдающихся «кобр» (так называют торседорес своих «идолов»), многие из которых неоднократно надевали желтые футболки сборной страны. Привел парня сюда некий Арати, бывший футболист «Ботафого», который как то раз случайно попал на матч в Пау Гранде и, увидев там ослепительные каскады финтов Манэ, решил показать его в своем клубе.

Тренировка подходила к концу, когда тренер Жентил Кардозо вспомнил о парне, привезенном откуда то из провинции.

– Давай его сюда! – крикнул он Арати.

И Манэ робко вышел на поле...

На трибунах послышался смех, сам Жентил отвернулся, пряча улыбку: этот увалень напоминал кого угодно, только не футболиста. Он ковылял вперевалку: одна нога у него на восемь сантиметров короче другой. И поэтому, чтобы удержаться на ногах, чтобы ходить и бегать, Манэ приходилось выгибать более длинную ногу дугой. Чтобы раз и навсегда покончить с этим карнавалом, Жентил, нахмурившись, спросил парня:

– Ты где привык играть?

– Где угодно, только не в воротах. Но вообще то люблю на правом краю...

Тренер сощурился, подумал немного и потом сказал:

– Ну, иди туда, на правый край, в команду запасных. Посмотрим, что из тебя получится.

И когда Манэ поковылял на свое место, Жентил крикнул Нилтону Сантосу:

– Проверь ка его, Нилтон!

Слова Жентила означали смертный приговор. Манэ должен был «проверить» знаменитый левый защитник сборной страны, лучше которого никого в Бразилии в те годы на этой позиции не было.

Впрочем, Манэ это не волновало: он не знал в лицо Нилтона Сантоса, потому что сборная страны в Пау Гранде, по правде сказать, не заглядывала. Доковыляв до правого фланга атаки, Манозл вздохнул, оглянулся и тут же увидел, что к нему летит мяч, а навстречу выбегает не торопясь тот, кого тренер назвал Нилтоном... О том, что случилось дальше, Нилтон Сантос запомнил навсегда. Во первых, потому что такое с ним случилось впервые в жизни. Во вторых, потому что впоследствии ему пришлось всю жизнь рассказывать об этом эпизоде сотням репортеров из разных стран мира. Вот как вспоминал о нем Нилтон Сантос:

«В те дни я как раз собирался жениться, и накануне той тренировки мы с друзьями почти всю ночь прощались с холостой жизнью... Я малость перепил, хотя терпеть не мог алкогольных напитков, но не хотелось огорчать друзей. Утром, придя на тренировку, чувствовал себя неважно, был зол, в теле ощущалась какая то слабость. Тренер испытывал каких то новичков и кивнул мне, чтобы я проверил какого то типа, появившегося на правом краю. Все втихую посмеивались над кривоногим субъектом. Я тоже... Потом я увидел, что ему дали пас, и спокойно отправился, чтобы отобрать у него мяч. Когда я приблизился к нему, он вдруг стремительно протолкнул мяч у меня между ногами и исчез. Я попытался броситься за ним, но потерял равновесие и рухнул, задрал ноги вверх. Все, кто был на стадионе, разразились хохотом.

Все, за исключением этого субъекта, который спокойно продолжал вытворять черт знает что с остальными защитниками...

Вслед за этим вся команда стала играть на новичка. И он, не обращая внимания на хохот и рев трибун (на тренировках крупных клубов в Бразилии всегда присутствуют болельщики), на изумление тренеров, на растерянность защитников, продолжать творить чудеса. Он несколько раз подряд обыграл Нилтона Сантоса, умудрялся обыгрывать защитников оптом и в розницу, а затем, после каскада финтов, забил неотразимый гол...

После тренировки в раздевалке все шутили и смеялись, вспоминая Нилтона Сантоса с задранными ногами. А массажист шепнул укоризненно Манозлу:

– Да ты хоть знаешь, кого ты превратил в клоуна? Это же Нилтон! Ты понимаешь: Нилтон! Да если он на тебя обиделся, можешь спокойно идти домой: без его согласия в клуб не возьмут даже прачку. Не говоря уже об игроке...

Манозл пожал плечами:

– Разве я знал? Там, в Пау Гранде, я всегда мотаю одного Жоана, и он никогда не обижается...

Но Нилтон Сантос не обиделся. Наоборот, он потребовал от президента клуба немедленно брать Манэ. И сегодня Нилтон гордится тем, что стал первым официальным „Жоаном“ Гарринчи, как народ прозвал бесконечную плеяду несчастных левых защитников всех команд, стран, цветов кожи и расцветок футболок, встречавшихся на пути Манозла.

Так началась спортивная биография этого парня – полуграмотного подмастерья на ткацкой фабрике, ставшего „радостью народа“, подлинным героем Бразилии.

Его путь, впрочем, не был таким стремительным и триумфальным, как взлет Пеле. Напомним, что Пеле в 17 лет стал чемпионом мира, а Гарринча пришел в сборную страны в качестве запасного в 1957 году, когда ему было 24 года. „Титулар“ на правом краю был в то время знаменитый Жоэл из „Фламенго“. Тем не менее Гарринча участвовал в нескольких играх южноамериканского чемпионата 1957 года и в отборочных матчах за путевку в Швецию, куда он поехал опять таки в качестве запасного при Жоэле.

Первые два матча – против Австрии (3:0) и Англии (0:0) Манозл просидел на скамье. Накануне игры против сборной СССР группа журналистов и игроков (Белини – капитан команды, Диди и Нилтон Сантос), встревоженная трудной ничьей с англичанами, потребовала от тренера Феолы включения Гарринчи в основной состав. Феола долго упрямылся. Он не мог простить Манозлу „безответственность“, проявленную им в товарищеском матче против „Фиорентины“, который бразильская сборная провела накануне приезда в Швецию. В тот день бразильцы выиграли со счетом 4:0, и Манэ был потрясаящ. В

один из моментов игры он самолично обвел всю защиту, затем вратаря и... замер с мячом на линии ворот, не добывая его в сетку. Весь стадион вскочил на ноги, недоумевая! Оказалось, Гарринча поджидал защитника, рвавшегося на помощь вратарю. Он дождался его, затем неожиданным финтом обыграл и спокойно вошел с мячом в сетку ворот. А незадачливый итальянец, попавшись на финт Манэ, потерял ориентировку и ударился головой о штангу ворот. Да так, что трибуны и даже сами игроки „Фиорентины“ разразились гомерическим хохотом.

Да, Феола недолюбливал Гарринчу, равно как и врач психолог сеньор Карвальяс и „супервизор“ (администратор) команды Карлос Насименто. Однако под давлением „единодушного требования общественности“ им пришлось уступить. Гарринча вышел на матч против сборной СССР. И этот день – 15 июня 1958 года – стал днем его блистательной премьеры в мировом футболе.

Три первые минуты этого матча Габриэль Ано, известнейший французский футбольный специалист, назвал впоследствии „тремя самыми фантастическими минутами в истории мирового футбола“. И Гавриил Дмитриевич Качалин, тренер нашей сборной, до сих пор с восхищенным удивлением вспоминает начало этого матча. На 15 й секунде Диди посылает мяч на правый фланг Гарринче, который дважды подряд обыгрывает нашего левого защитника Кузнецова, затем еще двоих – Войнова и Крижевского, бросившихся на помощь, и пушечным ударом попадает в штангу. Стадион разразился бурей оваций. Спустя несколько секунд Гарринча вновь проходит по краю, подает мяч в штрафную, и Пеле вторично поражает... штангу... И на 3 й минуте этого неудержимого штурма в ворота Яшина влетает гол, забитый Вава с новой подачи Гарринчи...

Так начался триумфальный путь Манэ, прозванного кем то „Чарли Чаплиным футбола“, по крупнейшим стадионам мира.

На следующем чемпионате мира – в 1962 году в Чили – Гарринча был единодушно признан главным героем победы, поскольку Пеле получил на первых минутах второго матча чемпионата тяжелую травму и выбыл из строя. Накануне матча с англичанами Жоан Салданья (он был тогда корреспондентом газеты „Ултимаора“ и радио „Насионал“) сказал тренеру англичан Уинтерботтому:

– Мистер Уинтерботтом! Вы видите там, на разминке, этого кривоногого парня? Гарринчу? Я готов заключить с вами пари на любых условиях, что через пять минут после начала матча вы приставите к нему кроме левого защитника еще двух трех игроков. А если не приставите, так они сами пойдут держать его...

Пари было заключено. На бутылку шампанского. Рассказывают, что накануне этой игры один из бразильских журналистов сказал Манозлу:

– Слушай! Там, у этих „грингос“, в команде есть защитник Флауэрс, который сказал, что он играет лучше тебя. И что ты его не пройдешь...

Манэ был простодушен и азартен. Он не заметил подвоха и поинтересовался:

– А откуда он меня знает? Ведь мы же с ними не играли!

– Да он видел тебя с трибун. И сказал, что против него тебе не сыграть.

Манэ задумался, покачал головой, а потом вдруг спросил:

– А какой он из себя?

– Высокий такой. Белобрысый...

– Да все они высокие и белобрысые!

Чуть погодя Манозл подошел к Нилтону Сантосу: – Ты знаешь, я никогда ни на кого не сердился, но этот Флауэрс что то у меня из головы не выходит. Не нравится он мне, этот „гринго“!

– А ты расправься с ним, Манэ. Гарринча покачал головой:

– Да я то могу. Но, дьявол его побери, не знаю, кто он такой. Только знаю, что он – англичанин.

– А ты разделай их всех. Один из них наверняка будет Флауэрс...

Именно это и сделал Гарринча. Он расправился со всеми англичанами вместе и с каждым в отдельности. Он с упоением „уничтожал“ этих „гринго“, потому что один из них был Флауэрс.

Таинственный Флауэрс, незнакомый нахал, позволивший себе слишком много...

Выдав пас для одного гола, Мануэл забил еще два. Один из них он забил головой, перепрыгнув долговязых британских беков. Говорят, что это был лучший матч в спортивной биографии Гарринчи. И после финального свистка, покончившего с участием сборной Англии в чемпионате мира, Уинтерботтом вытер пот со лба, распорядился принести ящик шампанского для Салданы и, вздохнув, заявил гудевшим как разворошенный улей журналистам:

– Четыре года я готовил своих парней к победам над футбольными командами. Увы, я не предполагал, что нам придется иметь дело с Гарринчей...

Немногословный Фрэнк Мак Ги, корреспондент „Дэйли Миррор“, похлопал Уинтерботтома по плечу и сказал:

– Гарринча – это первый игрок мира. Только что я послал восьми миллионам читателей моей газеты эту телеграмму: „Лучшим игроком мира отныне является не Пеле, а Гарринча“.

А коллега Мак Ги – корреспондент „Дэйли Экспресс“ Раймонд Дэскт добавил:

– Я ухожу с поднятой головой. Мы проиграли Гарринче. Любой ему проиграл бы на нашем месте...

Кто же он такой, в конце концов, этот Гарринча? В чем секрет его сенсационного успеха? Можно ли его сравнивать с Пеле, как это любят делать нередко репортеры?... И если сравнивать, то можно ли ответить на вечный вопрос: „Кто лучше?“

Начнем с Пеле.

Пеле сочетает в себе все лучшее, что необходимо футболисту, он как бы вобрал, впитал в себя все наследие своих великих футбольных предков. Пеле умеет делать все: он обладает высоким прыжком и стремительным рывком (несмотря на кажущуюся грузность фигуры), одинаково отлично бьет с обеих ног, в совершенстве владеет техникой финтов и обводки, потрясающе видит и даже чувствует поле, молниеносно ориентируясь в самых запутанных игровых ситуациях (врачи даже пытаются объяснить эту способность „короля“ особым устройством глаз). Он также обладает остроумным футбольным интеллектом, ставя противника в тупик своими неожиданными тактическими и техническими находками. Он обгоняет самых стремительных защитников, перепрыгивает самых высоких игроков противника, борется корпусом против самых атлетически сложенных гигантов... Иными словами, Пеле – это эталон, это идеал современного футболиста. Идеал, к которому все стремятся, но которого достиг только один: Эдсон Арантес до Насименто – Пеле.

Гарринча – полная противоположность Пеле. Он не только не эталон, но отрицание эталона. Он не только не идеал, но, во всяком случае, на первый взгляд противоположность идеалу. Если вы не знаете, кто этот человек, то, глядя на него, когда он выходит на поле, вы почувствуете недоумение. В лучшем случае недоумение. И дело не только в его косолапости, в его „кривоногости“, в его неуклюжести... Гарринча без мяча выглядит на футбольном поле чужеродным телом. Какогонибудь рафинированного футбольного эстета он может даже раздражать!

После этих слов читатель, вероятно, ждет продолжения в таком духе: „Но, получив мяч, Гарринча преображается!“ Нет, как это ни парадоксально, получив мяч, он продолжает вызывать недоумение. Потому что не только его фигура, но и манера его игры, его поведение на поле находятся в вопиющем противоречии со всеми незыблемыми и святыми канонами современного футбола. Со всеми требованиями и правилами, которые усваиваются игроками от Австралии до Ирландии, от Японии до Парагвая. Эти каноны требуют примерно следующего: „Атака должна развиваться по возможности быстро. Получив мяч, нападающий должен либо сделать пас открывающемуся партнеру, либо самостоятельно продвигаться с мячом, стремясь обострить игровую ситуацию в пользу своей команды...“

Ничего подобного вы от Гарринчи не дождетесь! Получив мяч, он делает именно то, чего делать не следует: он останавливается и поджидает противника. Может быть, он мог бы уйти от него, сделав рывок! Может быть, он мог бы отдать мяч в одно касание! Нет, в девяти случаях из десяти Гарринча этого не делает. Он, повторяю, останавливается с мячом, дожидается своего опекуна (а противник в это время успевает организовать на подступах к своей штрафной площадке настоящую „линию Мажино“) и, увидев, что несчастная жертва приготовилась к бою, пускает в дело свой финт...

Кстати, о финте. Он у Гарринчи, в общем то, один. Гарринча замирает с мячом под ногами, затем делает движение корпусом, имитируя рывок почти всегда влево, а на самом деле остается на месте. Потом неожиданно – все таки! – срывается с места и устремляется мимо (почти всегда вправо) опоздавшего (обязательно опоздавшего! Все в этих случаях опаздывают среагировать на его рывок!) противника... Этот финт он варьирует, проходя обычно справа, но иногда и слева от защитника.

И очень любит при этом посылать мяч между ногами своего опекуна...

Обойдя соперника, Гарринча частенько, словно спохватившись, останавливается, поджидает, пока тот не догонит его... А затем все повторяется сначала. Все левые защитники мира, все страхующие их против Гарринчи центральные защитники и левые полузащитники, игравшие против „Ботафого“ или бразильской сборной, знали этот финт. Не просто знали, а затвердили его назубок. Изучили по кинограммам и видеозаписям, составляли кинематические таблицы, раскладывая этот финт на составные элементы, изобретали тысячи „противоядий“, но... продолжали „покупаться“!

Трагедия соперников Гарринчи заключалась не только в его умении обыграть любого защитника – а если понадобится, то и двух трех, – но также и в его поразительно точном обращении с мячом: пасы и удары по воротам Гарринча выполнял безукоризненно. Он мог поражать по заказу любой угол ворот. Он выдавал пас в полном соответствии с индивидуальными запросами того или иного центрального нападающего, в точном соответствии с его ростом (если мяч шел навесной) или скоростью бега (если передача шла на выход, на рывок). Однажды мне довелось видеть на тренировке, как с линии штрафной площадки Манозэл указывал вратарю точку ворот, в которую будет направлен мяч, а затем вгонял его туда хлестким ударом. Слово забивал гвоздь...

Да, Гарринча был ниспровергателем традиций и правил. Любой другой нападающий, попробуй он играть так, как Манэ, был бы заклеен прессой, предан анафеме и изгнан из команды. Мало этого, манера игры Гарринчи в исполнении другого футболиста пришла бы в острейшее противоречие, в столкновение с тактикой команды, нарушила бы рисунок ее игры. А „неправильный“ фут бол Манозэла, наоборот, обогащал „Ботафого“ и сборную. Дополнял и оживлял тактические и стратегические концепции тренеров. Тех тренеров, которые сумели сообразить, что Гарринча – гений. Что он единственное в своем роде, уникальное явление, не укладывающееся в прокрустово ложе ничьих представлений и идей. И что ему нужно позволить играть так, как ему хочется. Ничего ему не навязывая. Ничему его не уча. Что его вдохновение подскажет ему путь к воротам противника. И путь к победе.

Так оно всегда и было. Гарринча играл вдохновенно, азартно и весело. Он творил, он созидал. Для него футбол был радостью, а не работой, средством самовыражения и самоутверждения. И в манере его игры, в обращении с мячом, в поведении на поле, в самых неожиданных выходках и невероятных чудачествах изливалась эксцентричная душа этого большого ребенка.

...Как это было, например, однажды в Коста Рике: счет 1:1, игра близится к концу. Остаются считанные секунды, и Манэ совершает свой неповторимый карнавал, обойдя всех, кто попался на его пути, от центрального нападающего до левого защитника. Стадион вскошил на ноги: Гарринча один на один с вратарем. Он замахивается... и не бьет! Еще раз замахивается и... пускается в новый хоровод, обыгрывая еще одного подоспевшего защитника, снова оказывается лицом к лицу с вратарем, замахивается и... опять не бьет! А судья уже глядит на секундомер. И бьется в истерику за пределами поля тренер Пауло

Амарал... И снова пускается Манэ в путешествие по вратарской площадке, обыгрывая чуть ли не всю окончательно расвирепевшую команду, в третий раз оказывается перед вратарем и – наконец! – забивает гол, посылая мяч между ногами вратаря... Через мгновение матч кончается, а взбешенный Пауло Амарал летит к Манэ в центр поля, роняя на ходу самые выразительные эпитеты, почерпнутые из темных подвалов португальского языка:

– Почему сразу не бил?

– А? Что? – рассеянно оборачивается Манозэл. – Да вратарь никак не хотел расставить хотя бы немножко ноги!..

Озорство! – скажете вы. Безответственность! Возможно... Вероятно, именно поэтому сеньор Карвальяс аккуратно вывел в графе „психологическая подготовка“ отметку „неудовлетворительно“ против фамилии Манозэла, который, впрочем, не обратил на это никакого внимания. Он мог позволить себе побаловаться в товарищеских матчах. Порадовать торсиду, да и себе отвести душу... Но ни в одной ответственной игре ничего подобного он себе не позволял.

Только Гарринча мог явиться изобретателем самого чистого, самого честного, поистине рыцарского приема, находящегося сейчас на вооружении бразильского футбола. Случилось это 27 марта 1960 года на „Маракане“ в матче „Флуминенсе“ и „Ботафого“. Защитник „Флу“, отбивая мяч, поскользнулся и упал, подвернув ногу. Мяч отлетел к Манозэлу, и тот ворвался в штрафную площадку один на один с вратарем. Замахнувшись, чтобы послать мяч в сетку ворот, он вдруг увидел, что защитник лежит на земле, корчась от боли. И тогда Гарринча повернулся и спокойно, словно он делает самую естественную, само собой разумеющуюся вещь, послал мяч за боковую линию...

Защитник „Флу“ Алтаир, приготовившись вбрасывать мяч из за боковой, замешкался на секунду. Это была счастливая секунда: он понял, что обязан ответить должным образом на этот поступок Гарринчи. С той же естественностью и спокойствием команда „Флуминенсе“ после аута возвратила мяч за боковую линию... С тех пор это стало традицией в бразильском футболе: когда игрок травмируется, соперник, если он владеет мячом, выбивает его за пределы поля, давая возможность оказать помощь. И вслед за этим товарищи потерпевшего, выкинув мяч, отправляют его тут же за боковую линию, восстанавливая справедливость...

В этом эпизоде отразилась доброта и честность Гарринчи. Удивительная широта его натуры, которая, впрочем, проявляется не только внутри зеленого прямоугольника футбольного поля.

Жоан Салданья вспоминает, как однажды в одном из бесчисленных путешествий „Ботафого“, ожидавшего очередного матча где то в маленьком провинциальном городке Бразилии, стояли они с Гарринчей у окна отеля. На другой стороне пыльной улочки было два „ботекина“ – так называются в Бразилии небольшие бары. Один с утра до вечера был заполнен людьми, другой – пустовал. Печальный буфетчик перетирал в тысячный раз стаканы, смахивал пыль со столиков, но народ почему то не шел к нему, и все тут! Люди предпочитали толкаться в переполненном ботекине соседа. Трудно объяснить почему. Традиция какая то или каприз, кто знает... Манозэл, задумавшись, долго смотрел на одинокого хозяина бара и потом вдруг повернулся к Салданье и сказал:

– Сеу¹ Жоан, я спущусь на минутку вниз, можно?

Он спустился по скрипучим ступенькам лестницы, вышел из подъезда и вразвалочку пошел на другую сторону улицы. На ту, где находились бары. В переполненном баре все замерли с открытыми ртами и смотрели на Гарринчу, на легендарного „би кампеона“, прибывшего вместе с „Ботафого“ в этот городок на одну игру, которая должна была состояться завтра днем. Разумеется, весь город жил матчем, и вся эта веселая компания только что говорила об игре. И ктонибудь наверняка жаловался, что футболистов держат в

¹ Сеу – уменьшительное от слова «сеньор».

отеле, никого туда не впускают и нельзя никак увидеть великого Диди или Гарринчу. И в этот самый момент... Вот он, как в сказке: Гарринча! Идет не торопясь... Гарринча, величайший футболист мира!

А Манозл подошел к переполненному бару, остановился, обвел неторопливым взглядом обалдевших от неожиданности посетителей и... не вошел. Сделал финт: прошел еще два шага и вошел в ботекин, где сидел одинокий печальный хозяин. Тот вскочил, онемел от неожиданности и выронил полотенце. Гарринча попросил „кафезиньо“, выпил, расплатился, похлопал хозяина по плечу и вышел, ни слова не говоря.

„Через пять минут, – вспоминает Жоан Салданья, – этот бар был битком набит сбегающими с разных сторон людьми, и хозяин с помощью добровольцев дрожащими руками прикреплял над стойкой к стене стул, на котором только что сидел Гарринча, и чашку, из которой он пил кофе... Старику отныне была уготована безбедная старость. И Гарринча, снова подойдя к окну и глядя на эту сцену, сказал:

– Так то оно справедливее будет, не правда ли, сеу Жоан?

Жасинто де Тормес рассказывает другую историю. Вернувшись с первенства мира 1958 года, Гарринча появился в своем городке Пау Гранде как национальный герой. Был объявлен выходной день, закрылась префектура, остановилась ткацкая фабрика, и стихийно начался карнавал. Ракеты, конфетти, серпантин, оркестры... Сутки безумия, когда городок, казалось, был поставлен с ног на голову. На следующее утро Гарринча появился в ботекине напротив своего дома. Там, где он и все парни из ближних переулков годами пили пиво в кредит. И не всегда успевали расплатиться. Жоакин, хозяин, раскрывает свои объятия, но Гарринча берет его под локоть и уводит в угол:

– Сеу Жоакин, будь добр, дай мне список всех твоих должников!

Хозяин ботекина ничего не понимает. А Манэ настаивает. Он вытаскивает из кармана пачку долларов и платит за всех...

В те дни Гарринча неплохо зарабатывал, правда, он не знал, что делать с деньгами. Раскидывал их направо и налево. И никто не знает, сколько судеб было устроено, сколько барачков в Пау Гранде отстроено на деньги этого рубахи парня. О, это было сумасшедшее время! Банкеты и чествования чуть ли не каждый день. В крошечную хибару Гарринчи (купить себе дом получше все время руки не доходили и времени не хватало!) заявлялись важные сеньоры в пиджаках. Они обнимали «би кампеона», трясли ему руки, кося холодным взглядом в объективы фотоаппаратов и кинокамер: почти все кандидаты в депутаты, в префекты и в сенаторы совершали паломничество к Манозлу в сопровождении фотографов. Портрет в обнимку с «Радостью народа» на первой странице газеты давал такую уйму голосов избирателей, которую нельзя было бы «организовать» никакими речами, никакими обещаниями молочных рек и кисельных берегов...

Время от времени в Пау Гранде показывались картолы – чиновники из «Ботафого». Они всегда прибывали накануне того срока, когда требовалось продлить контракт. Они шумно обнимали Манозла, почтительно целовали руку Наир – его жене мулатке, дарили его дочкам конфеты. Сеньоры из высшего света садились за стол и пили «кафезиньо», приготовленные смущающейся при виде сиятельных господ Наир, пили кашасу, произносили тосты, кричали о великом будущем самого гениального игрока Бразилии, хлопали Манэ по плечу, и все это кончалось тем, что он подписывал то, что ему подсовывали. И зарабатывал меньше, чем многие, кто играл в десять раз хуже него, но был хотя бы чуть чуть хитрее...

Первое разочарование пришло со смертью отца. Манэ пригласил всех из «Ботафого». Директорат, почетных президентов, членов правления. Гроб – простой, грубо сколоченный, с выпирающими шляпками гвоздей – целый день стоял на веранде. Весь Пау Гранде толпился вокруг. Но никого из директората не было: до очередного подписания контракта было еще далеко...

Приехал только верный друг Нилтон Сантос и с ним двое из команды. Был уже вечер, когда прибежал мальчишка и сказал, что смотритель кладбища просит поторопиться: скоро

стемнеет и кладбище будет закрыто. «Да, похоже, что они не приедут, – сказал недоуменно Гарринча, глядя на молчаливо простоявшую весь день вокруг дома толпу. – Ну так что же?... Пошли!» И старик отправился в свой последний путь, покачиваясь над головами мулатов и креолов, жующих «шиклет» – пахнущую клубникой или лимоном резинку.

После чемпионата мира 1962 года Гарринча продолжал блистать в «Ботафого». Финальный матч чемпионата Рио де Жанейро против «Фламенго» превратился в сенсационное «шоу» Гарринчи, который забил три гола. На следующий день одна из газет поместила дружеский шарж: одиннадцать игроков «Ботафого», и у всех одно лицо. Лицо Гарринчи.

Правда, на осмотре после матча врач команды обнаружил какие то неполадки в правом колене Манозла.

Вероятно, это были отзвуки старой травмы, полученной в Байе, в одном из товарищеских матчей, когда чемпионов мира возили по стране, зарабатывая на них деньги. Собрали консилиум. Ученые мужи осматривали ногу и покачивали головами, озабоченно поджав губы, и произносили шепотом непонятное слово «артроз». Приговор был краток и суров: три месяца полного покоя и процедур. Иначе – конец футболу. И, может быть, конец ноге... Но в это время клуб «Ботафого» готовился к большому турне по Европе...

Очень заманчивое намечалось турне: шесть игр во Франции и Италии. По 15 тысяч долларов каждая. Да, да, по 15 тысяч, если в матче участвует Гарринча. А если он не выходит на поле, тогда – в два раза меньше: семь с половиной тысяч долларов. Вот так! А вы говорите: «нога! процедуры! три месяца!» Какие могут быть тут три месяца!... И когда Манозл появился в кабинете президента «Ботафого» сеньора Сержио Дарси с просьбой не брать его в Европу, сеньор Сержио только рассмеялся. А потом сухо сказал, что об этом не может быть и речи, иначе он расторгнет контракт, возложив на виновника – Манозла Франсиско дос Сантоса – покрытие убытков. Потом Манозла долго уговаривали, хлопали по плечу: «Да брось ты! Подумаешь, нога! У кого из классных мастеров не болят ноги! У всех болят. Приедешь, мы тебя положим в клинику. Вызовем лучших специалистов...»

И он поехал.

Перед матчами доктор делал ему обезболивающие уколы. Чтобы Манэ забывал о том, что у него больная нога. И Манэ забывал и играл. Играл на совесть. Отрабатывал семь с половиной тысяч долларов. Манэ – честный парень. Он знал, что раз импрессарио платит эти деньги клубу, значит, их надо отрабатывать. А потом, через два часа, действие наркоза кончалось, и колено начинала раздирать дикая боль. Бывало, его носили на руках от автобуса до постели в отеле. Или до кресла в самолете. Какая то сердобольная душа подобрала ему палочку, чтобы опираться. Он ждал матча со все возрастающим нетерпением, потому что накануне игры врач всаживал ему шприц со спасительной сывороткой. И боль исчезала, и он, распрямившись, вновь выбегал навстречу знакомой и привычной волне восторгов: «Гарринча! Га ррин ча! Га ррин ча!»

По возвращении из турне клуб предоставил ему отпуск. Кинул кость. Но было уже поздно. Нога совсем разболелась. Начались процедуры, лечение. Выяснилось вдруг, что главной проблемой был не артроз, а разрыв мениска. Знакомый врач Марио Тоуриньо сделал операцию. Заплатил за нее другой друг – банкир Магальяс...

В «Ботафого» начинали чувствовать, что Гарринча стал уже не тот, на нем все труднее и труднее становилось зарабатывать. Тем более ему перевалило за тридцать. Футбольный «идол», как и «звезда» кабарэ, хорош, пока молод... И нужно уметь вовремя избавиться от него. Но как это сделать? Ведь Манэ еще был «идолом» торсиды!

И картолы не спеша стали подготавливать почву. За недорогую плату в газетах было организовано несколько статей, авторы которых, воздавая, конечно, должное творческому наследию великого мастера, отмечали, тем не менее, что он, к сожалению, стареет и перестает отвечать возросшим требованиям современного футбола. «В карете прошлого далеко не уедешь, Манэ!» – сокрушенно качали головами репортеры. Манэ тренировался, но

его перестали ставить на матчи. Изредка выпускали за пять минут до конца. А потом озабоченно говорили: «Что то ты, парень, не в форме...»

Он злился, перестал ходить на тренировки. Прибавил в весе... Одним словом, это был уже не тот Гарринча. И накануне карнавала 1966 года его продали в Сан Пауло «Коринтиансу» за 200 миллионов крузейро. По тем временам это была громадная сумма. Во всяком случае, по бразильским понятиям: что то около 100 тысяч долларов.

Продали парня, который тринадцать лет был чернорабочим клуба. Продали парня, который принес дельцам миллионы за эти тринадцать лет. И не только миллионы. Продали Манэ, который увеличил в десятки раз торсиду «Ботафого» в Бразилии и прославил эту команду за рубежом до такой степени, что ее имя произносится теперь с таким же уважением и восхищением, как и имя легендарного «Сантоса».

Впрочем, к чему теперь говорить об этом? «Ботафого» стал пройденным этапом в жизни Манэ. В конце концов, разве есть в Бразилии какойнибудь крупный профессионал футбола, кроме Пеле, которого не продавали хотя бы пару раз в его жизни?... Короче говоря, Манэ пришел в «Коринтианс». В другой клуб, другой город, другой штат Бразилии, где никому не было никакого дела до его ноги, до семи килограммов лишнего веса, до всяких там семейных проблем и передрыг... «Коринтианс» знал одно: он купил «би кампеона», и за свои деньги «Коринтианс» требовал товар лицом.

Трибуны стали посвистывать в адрес Манозэла. Сначала робко, потом все сильнее и сильнее. И строгие картолы (о, эти люди одинаковы в каждом клубе!) недовольно ворчали. «Что то ты, Манэ, сегодня был не в ударе!» Манэ лез из кожи вон, а после игры видел озабоченную физиономию «супервизора», который похлопывал его по плечу: «Парень, за тебя заплачены большие деньги. А ты их пока не окупаешь. Слышишь?»

Всему бывает конец. И в один прекрасный (то есть, по правде говоря, не очень прекрасный) день пришел конец и терпению Манозэла. Он хлопнул дверью и ушел. То есть уехал в Рио... Ему надоело выслушивать попреки, и он сказал, что ноги его больше не будет в «Коринтиансе».

Какой несерьезный человек, а?

Руководство клуба даже и не рассердилось то как следует. Они уже давно поняли, что купили не то, что им было нужно. В коммерции это случается. Всегда есть какой то процент риска: вы покупаете телевизор, он хорошо работал в магазине, а в вашем доме все лица на экране вытянуты Вы покупаете стиральную машину, а она рвет простыни Вы покупаете отличного вратаря, а он вдруг начинает «ловить цыплят», как говорят в Бразилии.

По правде говоря, «Коринтианс» рад был бы сбыть какнибудь с рук Гарринчу. Но не таким же путем, черт возьми! Конечно, Гарринча – великий футболист, «би кампеон» и все такое прочее, но ведь существуют же священные принципы, которые никому не позволено нарушать! И во имя охраняемых законом норм, по которым футболист до окончания срока контракта является собственностью клуба, «Коринтианс» обратился в учреждение, которое внушает трепет одним своим названием: «Трибунал спортивной юстиции». И сей трибунал вынес, разумеется, то самое решение, которого от него и ждали: два года дисквалификации с запрещением участвовать в любых официальных матчах до истечения срока контракта.

Так карающий меч возмездия опустил на голову Манозэла Франсиско дос Сантоса, некогда считавшегося национальным героем Бразилии. Так началась для Гарринчи новая жизнь.

Он вдруг увидел, что оказался без друзей, без помощи, без денег. Появились какие то инспекторы, требующие какие то налоги. Гарринча и не знал то о существовании этих налогов. А теперь их требовали с него! К тому же он оставил семью и сошелся с певицей Эльзой Соарес. Уж лучше бы он ограбил банк или перестрелял бы с полдюжины человек! В католической Бразилии, где и развода то не существует, нет греха более тяжкого, чем семейные неурядицы. Манозэл был предан анафеме, и на его голову обрушилась лавина презрения и ненависти.

О, чего только не натерпелся он в те дни!

Газеты вновь вспомнили о нем. Появлялись кричащие заголовки: «Прощай, Гарринча!», «Драма героя!», «Гарринча – печаль народа», «Горький конец!» Репортер журнала «Реалидаде» появился однажды в его доме, чтобы закончить репортаж, который в основном был уже написан в редакции. Был даже заготовлен чудовищный в своей жестокости заголовок: «Гарринча умер...» Репортер провел с Манозлом целый день, потом вернулся в редакцию и настоял на замене. Так родился новый заголовок и новый репортаж: «Спасибо, Гарринча...» Появился и еще один очерк – старого друга Жасинто де Тормеса из «Ултимы оры». Он был самым теплым и назывался: «Извини, Манэ!»

А потом о нем вообще перестали писать. Забыли, и все тут. А жить то было нужно. Не очень то приятно здоровому мужчине кормиться возле женщины! Даже если она любит и готова ради него на все. Нужно было платить алименты на дочек. Манозл задолжал. И адвокат Наир добился ордера на его арест. Чуть чуть Гарринчу не посадили в тюрьму как несостоятельного должника. Выручил какой то банкир, поклонник его таланта. Внес деньги. Но разве так могло продолжаться до бесконечности?! Нет, нужно было что то придумывать... И Гарринча попробовал зарабатывать все таки футболом. Ему ведь было запрещено участвовать в официальных матчах... А в товарищеских вроде бы можно...

И он начал паломничество по провинциальным клубам, нанимаясь на одну две игры. И его брали. Как берут в провинциальный цирк бородатую женщину или шпагоглотателя. Как никак, а имя на афише все еще давало сборы! «Би кампеон Гарринча!» Звучит, не правда ли? Манозл играл. Сегодня в какой нибудь Куйабе, завтра где нибудь в Аракажу. Он держался подальше от крупных центров, появляясь в местах, где люди не особенно избалованы футбольными «звездами»: ведь у него было двенадцать килограммов лишнего веса. Пропала скорость, исчезла точность движений. Но даже в провинции, где редко видели хороший футбол, ему частенько приходилось слышать свист и обидные крики с трибун.

Потом бродячий торговец футболом Гарринча попробовал наняться за рубеж. В соседние страны Латинской Америки. Не в Уругвай, не в Аргентину, где знают хороший футбол, а куда нибудь в провинциальные города Колумбии. Там, казалось бы, все получалось неплохо: ему обещали по 600 долларов за каждую игру, но удалось сыграть только один раз. За «Клуб Депортиво Жуниор» из Барранкильи. Получилось, мягко выражаясь, не совсем удачно: у него болела нога после недавнего ушиба, полученного во время благотворительной игры в одной из тюрем Рио. Гарринча дал три паса, ни один из них не был использован партнерами. Попытался повторить свой знаменитый финт и ошибся. Попробовал еще раз, и снова мяч отобрали. На трибунах начали свистеть...

Манэ был спортсмен. Не только на поле. Он не смутился, когда после матча местный репортер ехидно спросил его, как чувствует себя освищенный «би кампеон». Манозл помолчал и сказал: «Мы, профессионалы, являемся в общем то клоунами. Мы выходим и работаем на потеху публике, которая платит деньги, чтобы посмеяться, глядя на наши победы или поражения. И когда клоун работает хорошо, ему аплодируют, а если он работает плохо, его оскорбляют... Такова жизнь!»

В те дни я впервые встретился с ним. В доме у Эльзы Соарес я долго ждал, когда он вернется с тренировки: он пытался поддерживать форму и упрямился своего приятеля по «золотой сборной» Загало, который тренировал «Ботафого», разрешить ему баловаться иногда с мячом. Из этого в общем то ничего не получилось: он уставал через двадцать минут рядом с молодыми, быстрыми ребятами, которые в то время были двукратными чемпионами Рио де Жанейро.

Мы беседовали с Эльзой, и она рассказывала о Манэ. Не жаловалась, но в каждой фразе ее слышалась затаенная обида за этого парня. Потом она стала рассказывать о себе, о том, как родилась и росла в нищей фавеле, как таскала белье и воду для матери прачки... Как не знала игрушек и никогда не кушала досыта. Как родила первого ребенка в тринадцать лет. А к двадцати годам имела уже шестерых... Как, плача по ночам от голода на грязных циновках в бараке, клялась себе «выбиться в люди» и иметь дом такой же роскошный и большой, как

дома тех строгих и капризных сеньор, которым она носила выстиранное матерью белье... Как пела песни и случайно устроилась петь в ночной кабаке на Копакабане...

Однажды ее услышал какой-то импрессарио, повез на свой страх и риск в Аргентину, там она произвела фурор, влюбленные гимназисты заваливали отель цветами, а седые миллионеры бомбардировали Эльзу ослепительными матримониальными предложениями. В Бразилию она вернулась уже в ореоле славы...

Но все это имеет лишь косвенное отношение к Гарринче, который прервал рассказ Эльзы на самом интересном месте. Он вернулся усталый и размягченный, бухнулся со вздохом облегчения на диван и попросил воды. Потом мы пили кофе, и он рассказывал обо всем, что написано в этом очерке. О Пау Гранде и своем приходе в «Ботафого», об игре против сборной СССР в 1958 году и о матче в Лужниках 1965 года.

– Меня тогда так хорошо встретили, – улыбнулся он, – хотя я вышел то минут за пятнадцать до конца и ничего не успел показать...

А об этой истории с «Коринтиансом» он говорил спокойно, без возмущения. Словно речь шла не о нем, а о каком-то ином, чужом человеке.

– Сейчас тренируюсь. Зовут меня во Францию. Предлагают контракты в Италии и Австрии...

Сказав это, он искоса глянул на меня: верю или нет? И я понял, что он и в самом деле продолжает надеяться на чудо, этот парень, наивный и добрый, этот простодушный нищий, на котором дельцы заработали миллионы, а потом выкинули его на улицу.

И тогда я попросил его рассказать о своей самой памятной игре и о самом любимом, самом дорогом голе. Манозл загорелся и начал говорить взбудораженно, торопливо. И такая страсть вспыхнула в его глазах, что и я поддался этому гипнозу, я поверил, что для Манэ еще ничто не кончено. Что однажды придет день, и его позовут. И выбежит он на поле, поднимая руки в знак приветствия верной торсиде. И грохнут петарды, взорвутся ракеты, задохнутся в радостном реве трибуны, посыплется снежным дождем серпантин. И дрогнет вратарь противника, увидев мяч в ногах великого Гарринчи...

* * *

Прошло несколько недель. Близился к концу сезон 1968 года. Начинался горячий период купли-продажи футбольных «звезд». «Коринтианс» тоже объявил, что желающие могут купить знаменитого футболиста Гарринчу. По дешевке. Почти задаром. Собственно говоря, клуб отчаялся на нем заработать и хотел только одного: хоть немного возместить убытки. Увы, покупателей не находилось. К этому времени страна была взбудоражена предстоящим «матчем века»: в ознаменование десятилетия победы на первенстве мира в Швеции на «Маракане» должны были встретиться сборная Бразилии и сборная ФИФА. «Сборная мира», как торжественно величали ее газеты.

У кого-то родилась идея посвятить эту игру Гарринче. И когда об этом узнали за рубежом, то посыпались предложения от Эйсебио, Альберта, Яшина, братьев Чарльтона и других лучших футболистов мира, согласившихся сыграть бесплатно. Потом эта идея умерла. Решили, что с Гарринчи хватит матча поскромнее. Скажем, сборная Бразилии против сборной ФРГ – чем плохо? Или, допустим, Бразилия с Уругваем? Это еще дешевле: ведь Уругвай то ближе к Бразилии, чем ФРГ! Потом идея сохлась до гипотезы о матче сборных команд Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, потом говорили о матче ветеранов Рио против ветеранов Сан-Паулу. После этого не говорили уже ничего. Идея умерла. И умерла так прочно, что на состоявшийся матч сборных Бразилии и ФИФА Гарринчу вообще забыли пригласить! Забыли пригласить Гарринчу на матч в честь победы, в которую он вложил столько сил!

Время шло. Однажды я узнал от друзей, что срок дисквалификации истек, и Гарринча начал тренироваться всерьез. Рассказывали, что это были такие тренировки, которых в Бразилии, где футболисты не очень то любят утомляться, вроде бы вообще не видывали. Что

он быстро теряет вес, обретает форму. Что у него появился врач, который установил специальный режим... И я решил съездить посмотреть, правда это или нет.

И я хорошо сделал, что поехал! Потому что, если бы я не посмотрел эту тренировку собственными глазами, я никогда бы не поверил в то, о чем сейчас расскажу.

Мануэл тренировался с каким то ожесточением, с упорством, с восторгом, со злостью. Он бегал, работал с мячом, занимался гимнастикой, снова бегал. Потом плавал в бассейне... И все это при сорока градусах жары в тени. Так продолжалось три с лишним месяца. Три с лишним месяца, не пропуская ни одного дня, Гарринча тренировался дважды на стадионе и один раз дома, где на специально приспособленном станке подымал ногами сто килограммов двести раз! Он работал под руководством врача «Фламенго», который взялся за это дело из «спортивного интереса», из азарта. Просто этому человеку, доктору Франкалаче, было интересно, что получится. А получилось вот что: за три месяца Гарринча сбросил 12 – повторяю прописью: *двенадцать* – килограммов и восстановил свой идеальный вес. Он вновь обрел быстроту реакции, скорость, если не прежнюю, то, во всяком случае, очень уважительную... Он снова начал играть.

Потрясенный таким упорством и настойчивостью, восхищенный чудесным восстановлением былой формы Мануэла, тренер «Фламенго» решил рискнуть и пригласил Гарринчу сыграть пробный матч в основном составе своей команды против «Васко да Гама». Это известие поразило страну как самая неожиданная спортивная сенсация. В день матча «Фламенго» и «Васко да Гама» Рио де Жанейро вдруг охватила лихорадка. Произошло непредвиденное. Весь город двинулся на стадион. Весь город отправился смотреть Гарринчу, который не появлялся на «Маракане» уже три года.

В радиусе нескольких километров от «Мараканы» образовались чудовищные автомобильные пробки, которых не помнила история Рио де Жанейро, не хватило пригородных поездов, поскольку дирекция железной дороги не предполагала, что десятки тысяч пассажиров ринутся в эту жаркую субботу из пригородов в город...

Администрация «Мараканы», предполагая, что на матче, который в общем то не влиял на положение команд в турнирной таблице, будет чтонибудь около полутора десятков тысяч болельщиков, отпечатала тридцать тысяч билетов и открыла всего несколько касс. Вокруг стадиона образовалось грандиозное людское море. Когда кончились билеты и закрылись кассы, десятки тысяч людей стали ломать ворота и штурмовать заборы «Мараканы», жалкие кордоны полиции были сметены мощной волной болельщиков, кричавших нечто вроде «Даешь Гарринчу!»

Директор стадиона, растерянный и озадаченный, принял единственное верное в сложившихся условиях решение: он открыл ворота, все ворота стадиона для всех желающих, для всех, кому не достались билеты... Людское море хлынуло на трибуны стадиона...

Старожилы «Мараканы» утверждают, что такого безумия, как в тот вечер – 30 ноября 1968 года, – этот крупнейший стадион мира не видел ни разу за все восемнадцать лет своей истории.

Когда диктор объявлял составы команд и торжественным баритоном произнес: «Номер седьмой – Гарринча!», трибуны исторгли нечто такое, что даже трудно назвать криком радости. А когда Мануэл появился из тоннеля в красно черной футболке «Фламенго», извержение восторга, казалось, достигло высшей точки. Взлетели ракеты, грохнули петарды, окутав ночные трибуны ды мом. И жаркий летний(в ноябре в Бразилии кончается весна!) ветер колыхнул громадное полотнище: «Гарринча – радость народа! Бразилия приветствует тебя!» Но это было еще не все...

Начался матч. И вскоре пришел великий момент, которого торсида ждала долгие годы. Мяч был послан на правый фланг. Гарринче! Когда он обработал его и замер в своей обычной позе, чуть согнувшись, лицом к лицу с левым защитником «Васко» Эбервалом, трибуны вдруг застыли в молчании, охваченные тревожным, томительным ожиданием. А через секунду, когда Гарринча своим изящным знакомым и все столь же неожиданным финтом стремительно обыграл Эбервала, случилось то, что я не берусь описывать. Я до сих

пор не понимаю, почему от этого вулканического, термоядерного рева стадион не рухнул, не провалился под землю, не рассыпался на куски.

Матч продолжался под этот аккомпанемент, который, вероятно, можно услышать только на «Маракане»! Никого не интересовал конечный результат встречи, никто не хотел видеть остальных двадцать одного игрока. Торсида с каким то ожесточенным упорством, с остервенением скандировала одно и то же имя: «Га ррин ча! Га ррин ча!»

А команда «Васко», выведенная из состояния равновесия одним лишь присутствием Манозла, не хотела сдаваться! Гарринчу начали бить! Центральный защитник Фонтана, подстраховывающий несчастного Эбервала, снес Гарринчу. Затем Эбервал ударил Манэ по лицу! Трибуны ответили возмущенно пронзительным свистом, проклятиями и угрозами.

Так продолжалось до перерыва, когда тренер «Фламенго», увидев, что Гарринча хромает, решил сменить его. Узнав об этом, вся пресса бросилась вниз, под трибуну. Там, наверху, еще продолжался радостный рев и крики:

«Га ррин ча!», а здесь, в жаркой раздевалке «Фламенго», было сравнительно тихо. Манозл стоял, стаскивая футболку, и плакал. Он плакал как дитя. Слезы счастья катились по его грязному лицу. Его обнимали, ему трясли руки, хлопали по плечу.

Глядя на Манэ, подозрительно шумно сморкался, упрятав лицо в носовой платок, ветеран бразильской журналистики, многое повидавший на своем веку. Нет, невозможно было оставаться спокойным в эту минуту, слушая хриплый, запинаящийся голос Гарринчи, всхлипывающего, моргающего ресницами:

– Я счастлив сейчас больше, чем десять лет назад – в Швеции. И больше, чем в Чили, где мы стали «би кампеонами». Я никогда ничего подобного не испытывал. Я счастлив не потому, что играл. А потому, что доказал им, что еще могу играть, что мой футбол еще не умер...

Всем стало ясно, о ком говорит Манозл. А он продолжал:

– Я рад, что торсида меня не забыла, потому что наша торсида – это самая великая торсида в мире. И ради ее уважения, ради ее признания каждый из нас пойдет на любые жертвы... И еще хочу я сказать «спасибо», очень большое «спасибо» «Фламенго». Это великий клуб, который всю жизнь был клубом моего сердца, хотя играл я за «Ботафого». Спасибо «Фламенго» за то, что поверили в меня, что дали мне эту возможность... И я надеюсь, что смогу еще раз показать мой футбол и отдать «Фламенго» и всей торсиде свой большой долг...

Он умолк, и к нему скова протянулись десятки рук, снова защелкали «блицы», посыпались вопросы, застрекотали кинокамеры. И, очнувшись, я вспомнил, что я – тоже репортер, и сунул ему под нос микрофон своего «Националя».

– Манозл, а что вы хотели бы сказать сейчас советским радиослушателям и советской торсиде, которая помнит и любит вас?..

– Я посылаю всем болельщикам в России свой привет и надеюсь, что смогу когда нибудь снова побывать в вашей стране вместе с «Фламенго» и сыграть лучше и больше, чем я сыграл на вашем стадионе в 1965 году... И еще я хочу сказать всем вам, что я очень люблю «Фламенго» и благодарю его от всего сердца...

Потом шел второй тайм, но игра уже никого не интересовала, тысячи людей столпились близ центрального холла «Мараканы», ожидая появления Гарринчи. Появились «батареи» – народные оркестры из ударных инструментов, исполняющие самбу. Они спустились из фавел, расположившихся на горах вокруг «Мараканы». Тысячи глоток под грохот тамбуринов, атабакес и сурдос скандировали: «Оле! Оле! Манэ Гарринча еще лучше, чем Пеле!...»

И когда появился ослабевший от матча, от переживаний, от счастья и слез Манозл, его подхватили на руки. И под радостный, ликующий рев десятков тысяч мулатов, креолов, людей, для которых футбол является единственной радостью в этой жизни, полной невзгод и лишений, понесли вокруг стадиона. Автомашины салютовали герою сиренами. Кольхались флаги. Свирепые полицейские бежали следом как мальчишки, стремясь если не

прикоснуться к нему, то хотя бы увидеть краешком глаза Гарринчу. И в этот момент, пожалуй, легче всего было понять, почему люди дали этому парню такое светлое прозвище: «Радость народа!»

На следующий день на «Маракане» играл «Сантос», и я воспользовался этим случаем, чтобы разыскать Пеле и спросить у него, что он думает о возвращении Гарринчи. «Король» сказал:

– Пожалуй, это является самым важным событием в бразильском футболе за последние годы. И я очень рад за Манэ. Рад, что он сумел доказать свою правоту всем, кто кричал, что его футбол умер... А что касается перспектив, будущего, дальнейших возможностей Гарринчи, то об этом трудно пока говорить. Во всяком случае, он сделал самое главное. Он доказал, что обладает железной силой воли. Что умеет добиваться того, что на первый взгляд кажется невозможным... И если он сможет играть так, как играл вчера, если он даже сможет показывать хотя бы 50–60 % того, чем он обладал раньше, среди наших нынешних правых крайних трудно будет найти такого, кто сможет с ним поспорить...

* * *

Прошло несколько дней. Схлынула волна ажиотажа и восторгов. Началась пора трезвого анализа и размышлений.

Президент «Фламенго» Вейга Брито довольно потирал руки: премьер Гарринчи принесла в кассу клуба 100 тысяч крузейро. Совершенно неожиданно. Эти деньги не были предусмотрены финансовыми планами. Они прямо таки с неба упали... Можно было заплатить кое какие долги. И вознаградить Гарринчу. Ему выдали 2 тысячи крузейро. Потом с ним заключили контракт. На полгода. Условия были очень неплохие, достойные «би чемпиона» – 4 тысячи крузейро (1 тысяча долларов) в месяц зарплаты и дополнительно 3 тысячи крузейро за каждую игру. Сезон окончился, команды были распущены на обязательные каникулы, а Манэ продолжал тренироваться. Он даже отказался принять участие в традиционном рождественском обеде «Фламенго».

– Знаете, я боюсь этих гусей: ешь, ешь, и все хочется добавки... А потом глядишь: живот заплыл жиром, и все надо начинать снова...

Начался новый сезон. Гарринча сыграл раз, другой, а потом прочно сел на скамейку запасных: по просьбе нового тренера Тима новый президент «Фламенго» Ришер купил у аргентинского клуба «Сан Лоренсо» стремительного молодого Довала. Правого крайнего. На место Гарринчи. И Довал играл действительно здорово. Он стал кумиром торсиды, завсегдатаем газетных полос, любимцем репортеров.

А о Гарринче снова забыли... Маноэл сделал свое дело, Маноэл может уйти. Сейчас он продолжает числиться в штатных ведомостях «Фламенго». Но его даже не включают в число пяти запасных, которые раздеваются перед матчем и сидят на скамейке в надежде выйти на поле, хотя бы на несколько минут... А ведь контракт уже кончается!

Что же это, конец?... Разве можно умереть дважды?..

А в ответ я слышу скрипучий голос какогонибудь картолы с до мерзости обоснованным ответом:

«А что тут такого? Никакой футболист не вечен! Гарринче уже тридцать пять. Пора уступить место молодым...»

Да пора... Как это сделали соратники Маноэла, добывавшие вместе с ним «золото» в Швеции: Нилтон Сантос и Загало, Джалма Сантос и Зито, Диди и вот только что Жилмар... Уходить пора. Но уходить можно по разному. Торсида воздала Маноэлу самые великие почести, которые доставались на долю футболиста. Но торсида не может дать ему пенсии. Не может обеспечить его работой...

«Он сам виноват, – слышу я голос картолы. – Нужно было думать об этом пораньше. Как это делали тот же Нилтон и Диди. Как сейчас это делает Пеле...»

Правильно. Нужно было думать об этом! Нужно было копить денежки, откладывая их, чтобы потом завести себе, аптеку, как Нилтон, или сапожную мастерскую, как Джалма Сантос, или просто солидный счет в банке, как Вава... Но если бы Манозл думал об этом, он, пожалуй, не был бы Гарринчей! Это не вина его, а беда, что не знал он цены деньгам, что щедрой рукой одаривал всех, кто приходил к нему. Кто просил займы: «До будущего года, слово чести, Манэ!» Где они сейчас, бывшие друзья? Где должники? Манэ и не помнит то их... А если бы и помнил, не пошел бы просить вернуть деньги. Как не пошел и никогда не пойдет брать займы.

Неужели солидная организация, гордо именуемая себя «Конфедерация бразильского спорта», не может подыскать для своего бывшего служащего (и не из худших!), для Манозла Франсиско дос Сантоса, какуюнибудь скромную, но достойную работу? Чтобы раз и навсегда перестал его точить червь сомнения, чтобы исчезли тревога и неуверенность в завтрашнем дне! Да разве такой уж кошунственной кажется мысль о скромной пенсии?

Впрочем, что говорить об этом? Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться. Он был нужен до тех пор, пока забивал голы, приносил победы и, самое главное, делал деньги. Много денег в разных валютах... А теперь на него нет больше покупателей. Он выпал из товарного обращения. И может быть списан в расход...

* * *

История «золотой сборной» – это история всего бразильского футбола. Подобно Жил мару и Гарринче, Пеле и Диди, Вава или Орландо, тысячи бразильских футболистов кочуют по своей стране и по белу свету в поисках выгодных контрактов и денег, которые смогут обеспечить более или менее спокойную старость. Кто то мечтает о своей мастерской, аптеке, лавке или ином «деле». А кто то нищенствует, потеряв надежду, забытый торсидой и тренерами.

Единицы пробиваются на Олимп, на котором нет места даже некоторым «би кампеонам». А тысячи с тревогой ожидают завтрашнего дня, когда на смену им придут новые кумиры. Слава и деньги – капризная штука! Не всем ведь суждено стать Пеле: на троне никогда не бывает места для двух королей!

20 лет от «Мараканы» до «Ацтеки», или долгая дорога в Мехико

Шкура неубитого медведя

По состоянию на 1 августа 1969 года сборная футбольная команда Бразилии провела ровно 303 официальных и товарищеских международных матча за 54 года своего существования. Одержав 187 побед и потерпев 67 поражений, она добилась превосходного баланса забитых и пропущенных мячей: 728:382. Добрых две трети из этих игр бразильцы провели за последнее двадцатилетие, отмеченное их самыми выдающимися победами. О нем и пойдет наш рассказ.

* * *

Не все советские любители футбола помнят, что первое блистательное наступление бразильцев на фаворитов мирового футбола состоялось не в 1958 году в Швеции, а на восемь лет раньше – на чемпионате мира, проводившемся в Рио де Жанейро в 1950 году. Имея в своем составе таких выдающихся мастеров, как Нилтон Сантос, Адемир, Жаир, Орландо, сборная Бразилии была главным фаворитом турнира и повергала своих противников с разгромными результатами: 7:1 (сборную Испании), 6:1 (сборную Швеции) и т. п. В финале

ее соперником была неприметная команда Уругвая, неоднократно битая и самими бразильцами и иными претендентами на мировую корону.

В день матча, 16 июля 1950 года, газета «Жорнал до Бразил» опубликовала редакционный комментарий «Великая победа», в котором, в частности, говорилось: «Бразильская команда, одержав свои сенсационные победы, выйдет сегодня на поле с уже завоеванной славой сильнейшей команды мира. И надеемся, что немного погодя, по истечении двух великих схваток по 45 минут каждая, ее блистательный престиж будет окончательно подтвержден...»

Не будем осуждать газету за поспешность. Вся страна жила в тот день предвкушением «великой победы»: были заготовлены подарки победителям, отпечатаны поздравительные открытки и вымпелы с надписями «Бразилия – чемпион мира». Была разработана подробная процедура торжественного шествия чемпионов по всему городу, приемы в правительственном дворце с вручением каждому из игроков по автомобилю. Тренеру будущих чемпионов Флавио Коста было уготовано депутатское кресло в Законодательной ассамблее Рио де Жанейро...

Свыше 200 тысяч болельщиков расцвели трибуны плакатами, требовавшими не просто победы, а «голеады» со счетом 8:0, 10:0 или больше... Свыше 200 тысяч торседорес покидали через два часа «Маракану», рыдая после ошеломляющей победы уругвайцев со счетом 2:1...

Я рассказываю столь подробно о «великой трагедии» 1950 года потому, что, по мнению самих бразильцев, она послужила отправной точкой в формировании нынешней «футбольной психологии» этой нации. Первый камень в фундамент побед 1958 и 1962 годов был заложен именно в тот грустный июльский день, когда тысячи автомашин двигались по авениде президента Варгаса в гробовой тишине: в знак траура никто не сигнализировал. Торсида переваривала горькую истину: нет матчей, выигранных заранее! Любой противник требует к себе уважения, сколь слабым он ни казался бы...

На следующем чемпионате мира в 1954 году бразильцы, переживавшие переходный период от одного футбольного поколения к другому, проиграли сборной Венгрии (2:4), лучшей в то время команде мира; и их сенсационное выступление в 1950 году было забыто. На шведском чемпионате мира 1958 года они уже не значились в числе фаворитов.

В их команде, прибывшей в Швецию, не было «королей», не было «лучших в мире», «неподражаемых звезд». Имея несколько ветеранов, сборная Бразилии состояла в значительной степени из молодых парней – не старше 23 лет, среди которых числился (в глубоком запасе!) никому не известный негритянский мальчишка – 17 летний Пеле и какой то кривоногий чудак по прозвищу Гарринча... А за три недели чемпионата эта команда превратилась в самую популярную, самую обожаемую и знаменитую команду в истории футбола...

Не будем перечислять все ее поразительные победы, не будем рассказывать о ее голах, каждый из которых вошел в антологию мирового футбола. Сухая статистика объективно отражает истинную цену «золотой» бразильской сборной: с 1958 по 1962 год включительно из 57 сыгранных матчей она выиграла 45 (!), а проиграла всего 6 встреч. Соотношение мячей 148:54.

Этот слаженный футбольный механизм не разладился даже тогда, когда Пеле – его главная «деталь» – был вынесен с поля на носилках во время чилийского чемпионата с тяжелой травмой уже во втором матче... Главным героем этого турнира стал легендарный Гарринча, который, как сказал журналист Армандо Ногейра, пришел в этот мир специально за тем, чтобы посрамить левых защитников и теоретиков футбола.

Сладкий хмель победы ударил в голову торсиде и футбольным боссам после победы в Чили. Взорвавшийся на страницах газет истерический фейерверк ослепил бразильцев и превратил Гарринчу в «дьявола кубков», Пеле – в «короля», Джалма Сантоса – в «вечную звезду футбола», Вава – в «льва чемпионатов»...

Справедливости ради необходимо признать, что эта шумиха не вскружила головы игрокам, а поразила лишь чиновников от футбола, которые стали рассматривать победу на следующем чемпионате мира, в Лондоне, как нечто само собой разумеющееся.

Уроки июля 1950 года оказались забытыми. Трезвые голоса, напоминавшие, что не все «би кампеоны» смогут участвовать в приближающемся чемпионате, были заглушены победными маршами. Подбор кандидатов на поездку в Лондон превратился в грандиозную драку между клубами, каждый из которых желал послать в сборную как можно большее число своих игроков. Но так как судья – увы! – разрешает выходить на поле только одиннадцати, тренеры и картолы запутались в 45 «звездах». За весь период подготовки и за три игры чемпионата, в которых участвовали бразильцы, команда ни разу не выступала в одном и том же составе. Фактически команды не было...

И все же страна жаждала победы, ожидала ее, верила и надеялась. Вот что творилось в Бразилии в день первого матча бразильцев, который они, как известно, выиграли у болгар со счетом 2:0.

Я позволю себе ограничиться протокольным цитированием газет.

«Вчерашнее заседание палаты депутатов было прервано за пятнадцать минут до начала матча в Лондоне. Депутаты ушли слушать репортаж».

«Наш матч с Болгарией парализовал Военное министерство. Штатские и военные чиновники слушали репортаж...»

«Когда Пеле забил свой первый гол, восторги и крики служащих президентского дворца были столь бурными, что в кабинете президента упала на пол статуя...»

"Никто из прихожан церкви в Пампулье не удивился, когда падре Фелисберто де Алмейда сообщил:

– Первый тайм окончился со счетом 1:0 в нашу пользу. Помолитесь господу за благополучный исход второго тайма..."

«Поскольку все внимание двух торговцев наркотиками было поглощено репортажем, детектив Линкольн Монтейро без труда арестовал их, привел в полицейское управление, где они вместе дослушали репортаж, прежде чем приступить к допросу...»

Газеты сообщали, что в одном только Рио де Жанейро во время этого победного матча было зарегистрировано четыре несчастных случая: женщина, переходившая дорогу с транзистором у уха, попала под машину; девочка девяти лет упала в обморок и поранила голову; рыбак, отмечая гол Пеле, выстрелил из пистолета и нечаянно застрелил своего товарища, а некий болельщик после финального свистка судьи пришел в такой восторг, что стал биться головой об стену и разбил себе череп...

Торжество бразильцев длилось очень недолго. Проигрыш венграм поставил их на грань катастрофы. В последнем матче с португальцами Бразилия должна была победить во что бы то ни стало. И обязательно с преимуществом в три мяча...

Бразилия матч проиграла со счетом 1:3.

Когда шла эта игра, когда жизнь в Бразилии остановилась, когда вся 90 миллионная торсида замерла, прильнув к приемникам, я был на улицах Рио. Трагедия развертывалась на моих глазах. Трагедия в двух таймах с эпилогом. Я видел, как в знак траура сыпался из окон домов дождь черной рваной бумаги. Как бились в истерике девушки. Как беззвучно плакали мужчины с прижатыми к уху крошечными транзисторами.

Я видел, как, сидя на тротуаре Копакабаны, седой старик самозабвенно чертил мелом таинственные иероглифы, исполняя древний обряд «макумбы». Старик просил чуда. Он взывал к духам, злым и добрым, к теням своих далеких африканских предков. Но чуда не было...

Я видел, как на перекрестке улиц Мигель Лемос и Копакабаны бросился под летящий с огромной скоростью автобус парень с разорванной на груди рубахой. Здесь свершилось чудо: шофер успел вывернуть баранку. К парню подбежали, подняли, привели в чувство. Он посмотрел вокруг себя ничего не понимающим взглядом и снова бросился. На сей раз под легковую машину.

В тот час живущие в Рио португальцы закрывали свои лавки и запирали квартиры, опасаясь погромов. По городу шла печальная процессия, несущая чучело бедного тренера Феолы. И певшая хором самбу «Тристеца» – «Печаль». А на следующий день в газете «Лута демократика» было опубликовано оплаченное торсидой траурное извещение. Обычное извещение о смерти: с крестиком вверху и в черной рамке. Текст его гласил: «Настоящим сообщаем, что вчера в „Худсон парке“ (Великобритания) безвременно скончалась Сборная Бразилии, которая при жизни была двукратным чемпионом мира по футболу. Потрясенная горем семья, состоящая из 90 миллионов бразильцев, узнав о коварном убийстве своего любимого детища, ожидает прибытия виновников для принятия надлежащих мер. И хотя к настоящему времени не представилось возможным выяснить имена всех преступников убийц, не подлежит сомнению, что среди них фигурируют Винсенте Феола как палач, Карлос Насименто (начальник команды) как интеллектуальный вдохновитель преступления, Жоан Авеланж, Хилтон Гослинг, Жозе де Алмейда (руководитель делегации, врач, помощник тренера) как сообщники убийцы...»

После поражения в «Худсон парке» началась полоса смятения и хаоса, продолжающаяся вплоть до 1969 года Полетели головы тренеров и руководителей. Феола, объявленный после победы в Швеции национальным героем, был предан остракизму. Он демонстративно отказывается принимать журналистов и говорить о футболе даже сегодня, три с лишним года спустя после того, когда он плакал, получив в Ливерпуле сообщение о том, что его дом в Сан Паулу был закидан камнями. Были изгнаны врач команды Хилтон Гослинг, помощники тренера. Никому не сказали даже причин отставки.

Пока бушевали эти страсти, пока картолы ругали тренеров, тренеры – судей, якобы «засудивших» Бразилию, игроки – тренеров и судей вместе взятых, время шло, и 1967 год оказался фактически потерянным для подготовки к реваншу в Мехико. В том году заново собранная из осколков старой команды сборная Бразилии сыграла всего лишь три матча (все вничью) со сборной Уругвая.

В следующем, 1968 году картолы наконец вытерли слезы и засучили рукава: сборная страны провела в этом сезоне двадцать матчей! Лишь однажды – в 1956 году – она участвовала за год в большем количестве встреч (23). Кстати, анализируя статистику игр бразильской сборной, можно отметить поучительную закономерность. Накануне победных чемпионатов она всегда проводила большое количество тренировочных матчей: за два года, предшествующих 1958 году, она сыграла 37 встреч (22 победы, 8 поражений, счет 73:37), за два года, предшествующих 1962 году, – 21 матч (16 побед, 4 поражения, счет 44:11). Накануне же «трагедии» в Англии, в 1964–1965 годах, сборная Бразилии пренебрегла этой традицией: 13 встреч, из них 9 побед и 1 поражение, счет 34:11.

(Любопытно, что в 1968–1969 годах, то есть за два года, предшествующих турниру в Мехико, бразильцы провели 33 матча, вернувшись, таким образом, к практике эпохи «золотой сборной».)

К началу 1969 года, когда до отборочных игр оставалось восемь месяцев, спортивная общественность и пресса Бразилии были охвачены паникой.

Лучшие в мире брюки Пеле

Это объяснялось тем, что в ходе подготовки сборной с каждым днем все ярче проявлялись признаки неразберихи и беспорядка, знакомые по периоду подготовки к лондонскому чемпионату. Но если тогда Феола лихорадочно тасовал в своей карточной колоде «всего лишь» сорок пять «девяток», «семерок» и «десяток» во главе с «королем» Пеле, то на сей раз Айморе Морейра колдовал над еще более длинным списком: за полтора года под знамена сборной было призвано 57 футболистов.

Разумеется, одной из главных «бед» Айморе явился тот факт, что Бразилия, как никакая другая страна мира, богата футбольными талантами и на каждое место в сборной к услугам тренера всегда имеется 3–5 игроков международного класса. И все же основное несчастье и

Айморе, и Феолы, и любого другого тренера бразильской сборной заключается в том, что в еще большей степени эта страна богата картолами, футбольными «специалистами» и дельцами, среди которых главенствующую роль играют президенты нескольких ведущих клубов, проталкивающих своих питомцев в сборную всеми правдами и неправдами. Ведь для клуба футболист – участник сборной (а тем более чемпион мира) является источником «сверхдоходов».

Не считаться с «советами» и «пожеланиями» этих дельцов тренер сборной не может: он рискует остаться без работы, когда кончится его контракт со сборной.

Фактически хозяином сборной был, впрочем, не Айморе, а некий Пауло Машадо де Карвальо, назначенный Бразильской конфедерацией спорта в 1967 году на пост «шефа» команды. «Сеньор Пауло» – владелец телевизионной компании, театра, ряда фабрик, совладелец крупных строительных фирм, биржевой делец. Он разбирался в футболе гораздо слабее, чем любой мальчишка негритенок, торгующий спортивными вымпелами у входов на «Маракану», однако ему принадлежало решающее слово во всех сферах деятельности сборной команды: от выбора ее тренера до назначения меню во время сборов. И в этом имели возможность убедиться все скептики, недоумевавшие, почему накануне игр со сборными ФРГ и Югославии, которые должны были проходить в Рио де Жанейро, тренировки проходили в Сан Паулу. Ларчик открывался просто: «Сеньор Пауло» не желал отпустить команду от себя, пока утрясал какие то «деловые проблемы», связанные с его основным, внефутбольным, бизнесом в Сан Паулу.

Большие усилия приложил этот господин, стремясь подыскать «патросинадора» для сборной – фирму, которая, выплатив солидный куш в кассу Бразильской конфедерации спорта, получила бы монопольное право использовать в качестве коммерческой рекламы эмблемы сборной, имена ее участников и тренеров. Накануне лондонского чемпионата борьба за право «патросинирования» шла между бритвенной фирмой «Жилет» и спичечными «королями» из компании «Фиатлукс». В 1967–1968 годах в нее включились дельцы из контролируемой зарубежным капиталом фирмы электроаппаратов «филко» и швейной фирмы «Дукал».

Победителя ждут фантастические барыши: простодушные мулаты в какойнибудь Пиратининге или Пиндамонянгабе, конечно же, поверят ослепительным рекламным плакатам, утверждающим, что де «король» Пеле или «черная газель» Пауло Боржес рекомендуют всем всем всем своим поклонникам «лучшие в мире» транзисторы «Филко» и «наимоднейшие» брюки «Дукал».

Комментируя эту грязную возню, газета «Эстадо де Сан Паулу» писала: «Это приводит к тому, что некоторые игроки, чувствуя, что они, их имена, их слава помогают другим разбогатеть, начинают испытывать чувства зависти, недовольства, недоверия... А это не способствует укреплению товарищеской обстановки, которой мы прославились в Швеции...»

Вот еще один пример того, как сборная эксплуатировалась картолами для достижения целей, весьма далеких от спорта. Во время турне, проведенного в 1968 году, команда, сыграв несколько матчей в Европе (четыре трудные игры в четырех странах), прежде, чем отправиться в Мексику, была вынуждена сделать громадный «крюк». Она совершила утомительнейшее 12 часовое путешествие на самолете в одну из африканских колоний Португалии, где встретилась со сборной этой страны, тоже прилетевшей из Лиссабона. Зачем? Не проще ли было сыграть матч в Лиссабоне? Нет, лебезящие перед диктаторским режимом Салазара (тогда еще находившегося у власти) португальские картолы решили угодить своим хозяевам, лишний раз подчеркнув фактом этого матча «законность» притязаний Португалии на африканские территории. Руководитель же Бразильской конфедерации спорта Жоао Авеланж, претендующий на пост Стэнли Роуза – президента ФИФА, поспешил удовлетворить просьбу португальцев, чтобы заручиться их поддержкой на приближающейся сессии ФИФА.

* * *

Следует, однако, признать, что в начале 1968 года положение заметно изменилось. От руководства сборной были отстранены Айморе Морейра и Пауло Машадо де Карвальо. Тренером команды был назначен известный журналист Жоан Салданья, являющийся одним из крупнейших знатоков футбола. С его приходом надежды бразильцев на успешное выступление в Мехико заметно возросли. Особенно оптимистично стали оценивать работу Жоана его соотечественники после двух побед над сборной Перу и выигрыша у чемпионов мира – англичан (2:1), вырванного в трудной борьбе на «Маракане» 12 июня 1969 года. Эта победа придала бодрости и самим игрокам, и торсиде, и тренерам. После нее бразильцы стали говорить о победе в Мексике с гораздо большей надеждой и верой, чем год назад.

Обоснованны ли эти надежды? Или же двукратных чемпионов мира ждет в Мехико новое разочарование? Ответ на этот вопрос, разумеется, могут дать только сами матчи на стадионе «Ацтека». Но для того, чтобы объективно и хладнокровно взвесить возможности бразильской сборной, попробуем проанализировать творческий багаж этой команды, ее оружие, традиции, тактику. Попытаемся оценить, хотя бы бегло, идеи и концепции, которыми руководствовались ранее и руководствуются сейчас руководители бразильской сборной.

От «диагонали» к «трипе»

Одной из самых незыблемых истин футбола всегда считалось мнение о том, что главным оружием бразильской сборной на шведском чемпионате мира 1958 года была изобретенная ими тактическая схема 4+2+4. Не оспаривая этого, бразильцы утверждают, что и «дочерняя» формула – 4+3+3 тоже была создана ими. И – что самое поразительное! – там же, в Швеции... Чтобы понять, является ли обоснованной эта «авторская заявка», необходимо рассмотреть, хотя бы в общих чертах, историю развития основных бразильских концепций и идей в области футбольной тактики и стратегии за последние два десятилетия.

Первый вклад бразильцев в тактический багаж мирового футбола был сделан ими в начале сороковых годов: в эпоху безраздельного господства системы «дубль ве» известный тренер Флавио Коста предложил модификацию этой схемы, названную впоследствии «диагональю». Суть ее заключалась в том, что, сохраняя свойственное «дубль ве» разделение функций игроков (три защитника, два полузащитника и пять нападающих с двумя оттянутыми назад «полусредними»), «диагональ» изменяла слегка их позиции на поле и, следовательно, уточняла их игровые обязанности. При этой системе каждая пара полузащитник – полусредний слегка сдвигалась по диагонали. Например, левый инсайд выдвигался на ближние подступы к штрафной площадке противника, при этом следом за ним выдвигался вперед и соответствующий ему левый полузащитник. Вторая – правая – пара инсайд – полузащитник оказывалась таким образом слегка сдвинутой назад по отношению к левой паре. Главным достоинством «диагонали» являлось то обстоятельство, что выдвинутый вперед (в нашем примере – левый) полусредний нападающий усиливал давление в самом опасном участке поля: на ближних подступах к штрафной площадке. При этом он таранил оборону (состоящую в то время из трех защитников!) в зоне между правым и центральным защитниками, которые были отвлечены опекой «своих» игроков: левого крайнего и центрального нападающих. Как видим, в этом проявились некоторые черты, свойственные пришедшей на смену «диагонали» схеме 4+2+4, в частности прообраз будущей пары центральных нападающих.

«Диагональ» обеспечила бразильцам безраздельное господство на континенте во второй половине 50 х годов (в 1949 году, например, сборная выиграла южноамериканский чемпионат, забив в восьми матчах 46 голов!). Создатель «диагонали» Флавио Коста за двадцать лет своей работы в «Васко да Гама», «Фламенго», сборной страны завоевал около 50 титулов. Все, кроме одного, самого главного: в 1950 году руководимая им сборная

проиграла финал первенства мира уругвайцам, после чего, как это всегда бывает в Бразилии, тренер был изгнан, а его идеи – преданы анафеме.

Уже на следующий год скромный провинциальный тренер Франсиско Рибейро де Андраде, руководивший командой «Вила Нова» в штате Минас Жерайс, предложил усовершенствованный вариант «диагонали», который впоследствии был принят всеми бразильскими командами и в 1958 году потряс футбольный мир своей простотой и гениальностью.

Франсиско Рибейро, логически завершая идею Флавио Косты, окончательно выдвинул в центр левого полусреднего, образовав пару центральных нападающих. Правый инсайд остался сзади, образовав вместе с одним из полузащитников пару игроков, контролирующую центр поля. В то же время второй полузащитник отступил назад, став четвертым защитником. Так родилась система игры, выражаемая формулой 4+2+4, которая и помогла бразильцам в 1958 году поставить на колени признанных фаворитов шведского чемпионата мира: Францию, Швецию и других.

Однако сами бразильцы считают, что и в Швеции, и в Чили они играли по схеме 4+2+4, лишь находясь в атаке. Когда же мячом овладевал противник, левый крайний бразилец Загало всегда оттягивался назад, становясь третьим полузащитником, а точнее – седьмым элементом оборонительных линий.

«Мы нападали вшестером и оборонялись всемером», – рассказывал мне Загало, подчеркивая, что он сознательно оттягивался в полузащиту, чтобы затруднить свободу действий противнику в случае атаки на своем фланге и нейтрализовать активность неприятельских полузащитников в центре поля. (Воздавая должное его титаническим усилиям в каждом матче, товарищи дали ему ласковое прозвище Золотой муравей.)

Весь этот подробный исторический экскурс понадобился нам для того, чтобы лучше понять идеи, которые сегодня будоражат умы бразильских футбольных теоретиков. Сейчас никто уже не сомневается в Бразилии в том, что система 4+2+4 безнадежно устарела и должна быть сдана в архив.

За исключением, правда, Антониньо, тренера «Сантоса», лучшей команды Бразилии. Несмотря на град насмешек и издевательств почти всей спортивной прессы, «Сантос» с упорством, достойным восхищения, продолжает играть это осужденное, преданное проклятию и забвению «архаическое» 4+2+4. Играет и... выигрывает все турниры, в которых принимает участие. В 1968 году, например, он выиграл и первенство штата Сан-Паулу, и «Серебряный кубок», являющийся фактически чемпионатом страны, и два международных турнира в Чили и Аргентине, повергнув, в частности, такие солидные команды, как сборная Чехословакии, «Вашаш», сборная ГДР, «Бенфика»... «А зачем нам искать всякие там новшества? – с хитрой улыбкой говорит Антониньо. – Ведь мы выигрываем, стало быть, – играем правильно. Посудите сами: у меня в „Сантосе“ собрались лучшие форварды мира. Пеле, Тониньо, Эду и Абел. Такой четверки нет ни в одной национальной сборной... Могу я когонибудь из них оттянуть назад? Да у меня на это рука не подымется!...»

Но «Сантос» является исключением. Все же остальные бразильские клубы перешли на формулу 4+3+3, причем в последнее время возникло несколько ее вариантов, два из которых наиболее интересны и оказывают влияние на тактические концепции сборной. Рассмотрим их поподробнее.

Первый из вариантов – 4+3+3 разрабатывается в «Ботафого» под руководством Загало, который, став тренером этого клуба, развивает свои идеи, родившиеся еще в Швеции. В «Ботафого» роль третьего полузащитника играет левый крайний нападающий Пауло Сезар (игрок сборной), который образует вместе с полузащитниками Афонсиньо и Карлосом Роберто трио, контролирующее центр поля. Выносливость Пауло Сезара помогает ему периодически совершать и опасные рейды в штрафную площадку противника, когда успокоенные его кажущейся пассивностью защитники увлекутся нейтрализацией агрессивного правого крайнего и пары центральных нападающих. Об успехе этой схемы

свидетельствует тот факт, что команда «Ботафого» в 1967–1968 годах одержала победу в пяти ответственных турнирах.

Другой вариант – 4+3+3 предложен командой «Крузейро» (Белу Оризонти), где третьим элементом к традиционной паре полузащитников добавляется оттянутый назад один из центральных нападающих (Тостао). Это трио (Тостао, Дирсеу Лопес и Зе Карлос) в полном составе было включено в сборную страны, получив у Айморе Морейра замысловатое название «трипе».

Этот термин, пожалуй, является сейчас самым популярным в нескончаемых спорах бразильских футбольных специалистов, и когда я попросил Айморе Морейра объяснить мне, чем отличается его «трипе» от европейской формулы 4+3+3, тренер сказал, что различия не очень существенны. По его замыслу центральная тройка игроков, контролирующая среднюю зону, должна быть более мобильной, более активной, более подвижной, чем трио классической схемы 4+3+3. Участники «трипе» должны участвовать и в обороне, и в подготовке атаки, и в ее завершении. От них зависит успех команды, поэтому, как выразился Айморе, «они должны не только играть на пианино, но и таскать его на своих плечах».

В последнее время бразильские тренеры много говорят об универсализации команды до такой степени, когда все игроки смогут выполнять несколько различных функций. Это демонстрирует, например, Тостао, который с одинаковым успехом играет роль агрессивного центрального нападающего, либо оттянутого в глубину поля полузащитника, либо левого крайнего нападающего. Подобные идеи все больше и больше овладевают умами бразильских тренеров (об этом, в частности, свидетельствует работа тренера «Фламенго» Тима).

Впрочем, пока что схема 4+3+3 остается господствующей в бразильском футболе, а основные творческие поиски путей ее усовершенствования ведутся главным образом в зоне полузащиты. Именно здесь возможны, пожалуй, в ближайшее время открытия и неожиданности. Тем более, что сегодня, в отличие от того, что было в эпоху «золотой сборной», самые яркие футбольные таланты страны, являющиеся «становым хребтом» лучших команд, сосредоточены (кроме Пеле, разумеется) в звеньях полузащитных линий этих коллективов: Жерсон («Сан Паулу»), Ривелино («Коринтианс»), Тостао, Дирсеу Лопес («Крузейро»), Клодоалдо («Сантос») и еще ряд Других.

Эти открытия и неожиданности начал готовить для своих соперников в Мехико новый тренер сборной Жоан Салданья, вселивший в сердца бразильцев луч надежды. Однако прежде, чем перейти к рассказу о его работе, следует вкратце проанализировать основные недостатки как сборной команды, так и вообще бразильского футбола, ликвидацию которых Салданья рассматривал в качестве своей основной задачи. Вот главные из них.

Во первых, бразильцы продолжают играть недопустимо медленно. В то время как сборные ФРГ или Англии тратят 2–3 паса и 5 – 10 секунд времени на то, чтобы перевести мяч из своего глубокого тыла к штрафной площадке противника, бразильская команда расходует на это сплошь и рядом 5–7 и более пасов и 15 и более секунд времени. Почти совершенно не пользуются бразильские футболисты быстрыми контратаками, почти никогда не стремятся развивать атаку передачами «в одно касание». Эта «медлительность» свойственна и сборной, и клубам, в первую очередь «Сантосу», «Палмейрасу», «Коринтиансу», «Ботафого».

Бесконечные поперечные пасы стали любимой пищей спортивных фельетонистов, требующих обратить внимание своих соотечественников на «реактивные» скорости европейских команд. Заметим попутно, что в значительной степени этот недостаток вызван постоянной усталостью игроков, которые играют около 100 встреч в год, имея всего лишь один двухнедельный отпуск.

Вторая беда сборной к моменту прихода Салданьи была следствием того, что состав команды постоянно менялся. Это, конечно, мешало наладить четкую взаимосвязь между линиями и отдельными игроками. Защитники устремлялись иногда в атаку, оставляя сзади зияющие бреши. Случалось и наоборот: отбиваясь из последних сил, противник оттягивает в защиту даже нескольких нападающих, а бразильские защитники продолжают благодушно

«отдыхать» на своей половине поля, не пытаясь оказать помощь полузащитникам в контроле над средней зоной.

Симптоматично, что за последние годы самые впечатляющие победы были одержаны сборной тогда, когда она формировалась на базе одной из ведущих команд. Сборная Аргентины была разгромлена, например, со счетом 4:1 составом, в котором было собрано восемь представителей «Ботафого». Заключительные минуты матча превратились в удивительную по красоте комбинацию (как говорят, самую длинную в истории бразильского футбола), когда команда сделала 53 (!) паса, не давая противнику дотронуться до мяча! Последние несколько передач были выполнены в одно касание внутри штрафной площадки аргентинцев и завершились четвертым голом в пустые ворота под ликующий карнавальным водоворот на трибунах. Сборную Англии – чемпиона мира – победила команда, в которой Салданья использовал восемь игроков из «Сантоса».

Третий недостаток бразильских футболистов традиционен. Однако с каждым годом он мешает им все больше и больше. Речь идет об их увлечении индивидуальной игрой, об их стремлении поразить публику и противника головокружительными финтами, которые сплошь и рядом не мотивируются игровой обстановкой и замедляют развитие атаки.

Десятки раз на протяжении любого матча бразильских команд вообще и сборной в частности можно видеть, как какой-нибудь Паганини мяча, прорвавшийся к штрафной площадке противника, исполняет каскад ослепительных трюков, обводит по два раза каждого защитника, после чего с сознанием исполненного долга откидывает мяч куда-нибудь в зону центрального круга.

Эта чисто бразильская нелогичность, несоответствие титанических усилий мизерному результату проявляется и тогда, например, когда взмыленный игрок мчится с мячом, восторгаясь собственным усердием, через все поле. Обводит двух-трех противников, падает, встает, снова мчится, чтобы в конце концов откинуть мяч на два-три метра своему партнеру, истомившемуся от ожидания, недоумевающему, почему бы вместо всей этой бестолковой беготни не дать один длинный пас через все поле...

И еще один недостаток: все без исключения бразильские команды (и, конечно же, сборная) очень «либеральны» в опеке игроков противника. Бразильцы «держат» своих подопечных на дистанции, атакуя соперника лишь после того, как он беспрепятственно получит мяч и успеет его обработать. И наоборот, сталкиваясь с жесткой опекой, применяемой европейскими командами, бразильцы зачастую теряются, начинают нервничать, совершать ошибки при исполнении элементарных технических приемов.

Не может быть отнесена «в актив» бразильцев и их удивительная эмоциональная неуравновешенность. Поразительные результаты, свидетельствующие об обратном: о спаянности, выдержке, стойкости команды во время чемпионатов 1958 и 1962 годов, были достигнуты тонкой и долгой работой тренеров, врачей и специального психолога, включенного в руководящую сборную «техническую комиссию». К сожалению, этот опыт в последние годы был предан забвению, и это может стать причиной дополнительных осложнений в будущем.

Впрочем, читатель, вероятно, ощущает уже раздражительное недоверие к автору этих строк, поднявшему руку на двукратных чемпионов мира, поразивших сердца советских любителей футбола своим блистательным выступлением в Лужниках летом 1965 года. В самом деле, не слишком ли строго мы судим команду, которая совсем недавно сыграла вничью с вице-чемпионом мира – сборной ФРГ, обыграла «сборную остального мира» и чемпиона мира – сборную Англии, команду, которая забивала в сезонах 1968–1969 годов в среднем по два с половиной гола за матч?!

Думается, что не слишком строго. Бразильцы действительно играли в последние годы не очень уверенно, чередуя блистательные победы с необъяснимыми поражениями. Моменты наивысшего футбольного вдохновения, осенявшего Пеле и его друзей, сменялись удручающими периодами апатии и лени. Однако из этого, разумеется, не следует, что сборная бразильцев может быть «списана в резерв» и исключена из числа наиболее

вероятных претендентов на Кубок Жюля Риме в Мехико! Необходимо подчеркнуть, что большинство слабостей команды было вызвано чрезмерной усталостью игроков, подвергающихся в клубах варварской эксплуатации, а накануне отъезда в Мексику в будущем году сборная по уже утвержденному плану подготовки получает достаточное время для отдыха.

Значительная часть отмеченных выше недостатков была вызвана организационной неразберихой в руководстве, вмешательством картол, и в первую очередь «сеньора Пауло», в работу тренеров, отсутствием единогласия среди самих тренеров. В последнее время, как уже было сказано, под давлением уничтожающей критики со стороны спортивной общественности руководители Бразильской конфедерации спорта приняли меры по организационному укреплению руководства сборной. В команду пришел новый тренер, сумевший сплотить игроков, создать обстановку энтузиазма и возродить веру футболистов в свои силы. Салданья, казалось, располагал всем необходимым, и в первую очередь временем для реформ, для поисков новых вариантов, путей и даже тактических схем... Тем более, что он обладал самым главным: игроками высшего класса, которые при всей своей темпераментности, неуравновешенности, усталости могут удивить мир не только артистической, но и мужественной, не только красивой, но и атлетической, не только индивидуальной, но и коллективной игрой...

Кто же они, эти виртуозы мяча, собирающиеся в третий раз (и уже навечно) завоевать для своей страны златую богиню Nike?

Одиннадцать "хищников" Жоана Салданьи

Стремительно ворвавшись в штрафную площадку сборной Перу, полузащитник бразильцев Жерсон ударил бросившегося ему в ноги Де ла Торре по щиколотке правой ноги. Обливаясь кровью, защитник упал на землю, а его темпераментные соотечественники вцепились в Жерсона. Завидев это, бросились в атаку, влекомые призывом «наших бьют!», остальные бразильцы. Вскочили со скамеек массажисты и тренеры, ринулись на поле фотографы, радиокomentаторы и операторы кинохроники. Еще через несколько мгновений «Маракана» превратилась в арену одной из самых ожесточенных рукопашных схваток, зафиксированных летописцами мирового футбола. Это случилось на 42 й минуте первого тайма «товарищеского» матча сборных Перу и Бразилии 9 апреля 1969 года.

45 минут продолжалось выяснение отношений, после чего, залепив пластырями ссадины, команды продолжили поединок. На другой день, отдышавшись и успокоившись, тренер бразильцев Жоан Салданья заявил: «А что? Иного я и не ожидал от моих ребят: ведь я вывел на поле не одиннадцать барышень, а одиннадцать хищников!... Вот они и показали себя!»

Впрочем, несмотря на этот инцидент, матчи команд Перу и Бразилии дали специалистам обильную почву для анализа и чисто футбольных аспектов встреч. Результаты встреч, явившихся дебютом Салданьи у штурвала сборной и выигранных бразильцами с результатами 2:1 и 3:2, укрепили авторитет нового тренера.

Учтя недочеты своего предшественника, он сразу же после своего назначения объявил во всеуслышание основной состав команды и одиннадцать запасных. Таким образом он устранил сомнения, ложные надежды, неуверенность. Отныне каждый из двадцати двух футболистов сборной знал свое место в команде, знал, является ли он запасным или основным игроком. При этом Салданья объявил, что каждый запасной, разумеется, может отвоевать позицию у «титулара». Это создало в команде обстановку здорового соревнования.

Что касается первых реформ и новшеств Салданьи в области тактики, то они вкратце сводятся к следующему.

Прежде всего он задался целью покончить с линией четырех защитников, построив оборонные порядки иным образом. Теперь в сборной Бразилии играют три защитника в линию (справа – Карлос Альберто, слева – Рилдо, в центре – Джалма Диас) и два – в роли

«чистильщиков»: один из них – сзади тройки защитников (Брито или Жоэл), другой – впереди (Уилсон Пиазза или Клодоалдо). Впрочем, трудно привязывать фамилии к этим позициям. Салданья готовил своим будущим противникам довольно сложную творческую новинку: центральный защитник и два «чистильщика» будут периодически меняться местами и функциями в ходе матча. Таким путем Салданья хотел лишить противника возможности «ликвидировать чистильщика», выдвинув к нему одного из нападающих.

Итак, в защите у Салданьи играли фактически пять человек. Но тренер подчеркивал, что эта схема не является мертвой. Основной его заботой было приучить своих питомцев играть мобильно, меняя тактику в зависимости от манеры игры нападения противника. «Главное, – подчеркнул Салданья, – мы должны всегда иметь в защите на одного больше. Когда соперник атакует двумя, мы защищаемся втроем; когда подключается к атаке третий, четвертый, пятый нападающие противника, мы оттягиваем в оборону четвертого, пятого, шестого игрока. Один у нас всегда должен быть свободным...»

В полузащите Салданья фактически использовал двух игроков: один из них – универсал Жерсон, мозг и душа команды, одинаково хорошо играет и в защите и в атаке. Он контролирует центр поля, обладает ювелирным пасом, поразительным видением игры (в этом с ним может соперничать только Пеле) и отличным ударом с дальней дистанции. Его коронный удар во время исполнения штрафного метра в сорока от ворот через стенку в дальний от вратаря угол принес бразильцам победу в первом матче с перуанцами.

Второй полузащитник – Дирсеу Лопес (с которым успешно борется за позицию Ривелино) – «мотор» команды. Обладая реактивной скоростью, он, по замыслу Салданьи, должен врываться в штрафную площадку противника после того, как Пеле уведет за собой пару центральных защитников на край либо в глубь поля. Однако пока Дирсеу не полностью справляется с этой задачей вследствие «отсутствия ног», как говорят бразильцы. Впрочем, усталость является страшным бичом большинства «хищников» Салданьи, в том числе и Пеле.

Среди трех нападающих не убедил в правильности выбора Салданьи только Тостао, который в своем клубе («Крузейро») играет на месте центрального нападающего, а в сборной был поставлен на левый край. Однако в последних матчах эта позиция была отдана Эду из «Сантоса», после чего из одиннадцати «титulares» сборной шесть позиций заняли игроки этого сильнейшего бразильского клуба (Карлос Альберто, Жоэл, Джалма Диас, Рилдо, Пеле, Эду).

Потряс болельщиков и прессу своим блистательным выступлением в матчах против перуанцев и сборной Англии Жаирзиньо, поставленный Салданьей на правый фланг атаки. Он напомнил взволнованной торсиде Гарринчу в его лучшие годы: с легкостью Жаирзиньо обыгрывал двух прикрепленных к нему защитников, врывался в штрафную, создавая ежеминутно опаснейшие ситуации, демонстрируя отличное взаимопонимание с Пеле. Ну, а сам Пеле?

* * *

На 35 й минуте матча ФРГ – Бразилия Эду забил второй гол в ворота немцев, добив мяч, отскочивший от вратаря Майера после пушечного удара Тостао. Однако «главным конструктором» гола был не Эду и не Тостао, а Пеле. В тот момент, когда Тостао устремился из глубины поля к штрафной площадке соперников, Пеле, дежуривший в ожидании паса метрах в восемнадцати от ворот, неожиданным рывком, без мяча увлек за собой Шульца и Беккенбауэра, очистив «окно», куда и ворвался Тостао.

На 14 й минуте второго тайма Пеле вышел один на один с Майером и был грубо снесен Шульцем. Судья Жолт почему то не дал пенальти. Спустя несколько минут Пеле изящным финтом обыграл Шульца, протолкнул мяч между ногами Беккенбауэра и пробил в нижний угол ворот. Майер каким то чудом отбил мяч на угловой... Творя эти чудеса, «король» как

бы отвечал на вопрос, который, хотя это и кажется кощунством, всерьез обсуждался недавно на страницах бразильской прессы: «Имеется ли место в сборной для Пеле?»

В чем дело?

Разве Пеле стал хуже играть?

Нет, наоборот. Он находится в зените своего мастерства, играя сейчас лучше, чем в те годы, когда он был признан первым футболистом мира... И в этом то и заключается его беда и гамлетовская проблема («Быть или не быть?») бразильской сборной: сегодня Пеле стал не только лучшим, но и самым опекаемым футболистом мира.

Давно уже прошли те времена, когда он (как это было в одном из матчей в Дании) мог обыграть по очереди всех игроков противника и забить мяч, доставляя зрителям поистине эстетическое наслаждение. Сегодня стоит Пеле пройти одного двух соперников, как подоспевший третий бьет его сзади по ногам, четвертый толкает в спину, пятый бросает через бедро. Никто не представляет себе, сколько шрамов и рубцов оставлено на ногах Пеле защитниками всех мастей и флагов, в поте лица своего выполняющих истерические призывы тренеров: «Остановить Пеле! Любой ценой!»

С другой стороны, все кандидаты в линию атаки бразильской сборной всегда стремятся прежде всего «ужиться» с Пеле, приспособить себя к его игре, опасаясь, что в противном случае они останутся на скамейке запасных. Ну, а если по каким либо причинам (травма, болезнь) Пеле не сможет играть? Если он будет наглухо закрыт двумя тремя защитниками, как это было на играх в Ливерпуле во время минувшего чемпионата мира? Не растеряются ли игроки без своего лидера?

Салданья рассказывал мне, что намерен использовать Пеле двойку. Во первых, в роли агрессивного, выдвинутого в штрафную площадку противника центрального нападающего, который будет связывать двух трех защитников, облегчая прорывы крайних нападающих и использование агрессивных полузащитников типа Кирсеу Лопеса и Ривелино.

В тех случаях, когда эта тактика не даст ожидаемых результатов, Салданья планировал оттягивать Пеле назад, надеясь, что таким образом он либо получит возможность обстреливать ворота противника издали благодаря своему изумительному удару, либо, если защита противника потянется за ним из штрафной площадки, высвободит зону перед воротами для своих товарищей по команде. «Как бы то ни было, – подчеркивал Салданья, – Пеле всегда нервирует противника, всегда привязывает к себе двух, а то и трех защитников, что, естественно, развязывает руки, то бишь ноги, Жаирзиньо, Тостао и другим... Пеле – гений, и я не хочу ограничивать его двумя названными функциями. Он всегда будет иметь возможность импровизировать, находить новые решения и пути к победе...»

В ответ на вопрос о том, что, на его взгляд, является сейчас главным недостатком команды, Салданья ответил: «Усталость игроков. Но если у меня будет хотя бы три месяца времени, я смогу создать с этими игроками машину, способную вернуть Бразилии Кубок Жюля Риме...» В общем то бразильцы были довольны ходом подготовки к отборочным играм очередного первенства мира. Довольны игроками, довольны тренером и даже дракой: «Мы победили Перу трижды, – писала одна из газет. – Два раза на футбольном поле и один раз – на ринге... Этот эпизод подчеркивает наш боевой дух и готовность встретить любые провокации на будущем чемпионате в Мехико».

Несколько слов от автора

Итак, поставлена точка в конце последней главы. Книга закончена. И теперь в соответствии с незыблемыми канонами и традициями публицистики автор должен подвести какие то итоги.

Честно говоря, мне не хочется этим заниматься. Мне кажется, читатель сам сможет проделать эту аналитическую операцию и разобраться что к чему. А кроме того, у меня уже не осталось времени на «обобщение материала» и «извлечение выводов»: через два дня

отсюда, из Рио де Жанейро, уходит диппочта, с которой рукопись должна быть отправлена в издательство. Иначе книга не выйдет к чемпионату мира в Мехико.

Но все же, пробегая напоследок страницы рукописи, я невольно задумываюсь: о чем сказать в заключение?

Хочется сказать о многом. Например, о блистательных выступлениях питомцев Салданы в отборочных играх чемпионата мира, когда в течение одного месяца они одержали шесть побед в шести матчах, разгромив команды Колумбии, Парагвая и Венесуэлы с общим счетом 23:2.

Эти матчи не были легкой прогулкой. Они потребовали усилий и жертв. Пеле, например, вынужден был прервать свое участие в съемках теленовеллы «Чужие». А режиссеры, в свою очередь, вынуждены были срочно убить писателя Плинио Помпеу, роль которого исполнял «король».

На этом злоключения Пеле, впрочем, не кончились. Матч в столице Парагвая Асунсьоне проходил в обстановке разнузданного хулиганства зрителей: на поле летело все, что подвертывалось под руку взбешенной тор сиде. Бутылки, камни, петарды, обломки досок... Один из камней угодил Пеле в голову. Спустя десять дней он «отмстил» парагвайцам: в последнем матче против сборной этой страны, игравшемся на «Маракане», Пеле забил единственный гол. Этот гол вывел команду Бразилии в число шестнадцати финалистов Мехико и превратил Бразилию в арену грандиозного карнавала, длившегося всю ночь...

Можно было бы сказать о блистательной игре Тостао. Он был перемещен Салданьей с левого фланга в центр атаки и забил в шести матчах десять голов! Можно было бы долго рассказывать о сенсационных комбинациях Пеле, Жаирзиньо, Эду, о созидательном гении полузащиты Жерсоне...

Или о том, что защитники сборной сыграли не столь уверенно, как ожидалось... Но все это в общем то мало что может добавить к тому, что уже было сказано.

Прощаясь с рукописью, мне хочется немного пофилософствовать. Я спрашиваю себя: не сгустил ли я краски, не слишком ли переборщил, говоря о закулисных махинациях, о «подземельях» бразильского футбола? О самоуправстве картол, о безжалостной эксплуатации игроков, об отсутствии элементарной организации в бразильском футболе, о примитивизме тренерской работы, встречающемся даже в больших клубах бразильских «столиц» – Рио де Жанейро, Сан Паулу, Белу Оризонти?... Я предвижу, что некоторые из читателей недовольно морщились, читая, например, главы «Грустная бухгалтерия футбола» или рассказы о тренерах, о «Сантосе» и «Сан Кростоване». И пожимали плечами, обращаясь к автору книги: «Ну и расписал же ты, брат, страсти мордасти! А ведь бразильцы то – двукратные чемпионы мира! Как же могли они добиться этого, если дела у них обстоят столь плохо?...»

Если у кого либо из читателей действительно возникли подобные мысли, я могу ответить следующим образом. Бразильский футбол одержал свои выдающиеся победы и заслужил всеобщее уважение и восхищение не благодаря, а вопреки своей примитивной организационной структуре, своему хаотичному внутреннему устройству, основанному на эксплуатации игроков во имя прибылей клубов. Замечательное мастерство футболистов, возвращенное на ниве всенародной любви к этому виду спорта, позволило и позволяет им добиваться успехов, несмотря на невероятные трудности, на коррупцию, на грязные махинации околофутбольных дельцов. И если бы бразильский футбол был свободен от этих чудовищных цепей, он наверняка удивил бы мир еще более блистательными победами.

В этом я глубоко убежден. И я не опасаюсь упреков в преувеличении, когда говорю, что бразильский футбол – это великий футбол. Но отнюдь не из за титулов, завоеванных командами этой страны во всевозможных турнирах! Титулы – это лишь внешнее отражение сути, это яркие наклейки, не более того... Я называю бразильский футбол великим потому, что считаю, что в ярком творчестве таких волшебников мяча, как Гарринча, Пеле, Тостао, Эду, Жерсон и сотни, тысячи, десятки тысяч других, находит свое выражение душа

бразильского народа, его удивительные созидательные, творческие способности, его таланты...

Бразильский футбол в объективе фотокамеры

Пеле... Гооооол!!!

1958 год. Король Швеции вручает Кубок Жюля Риме сборной команде Бразилии.
Крайний слева – Зито.

«В поселке Сан Маркос команда индейцев шавантес разгромила сборную столичных студентов со счетом 15:0...» (Эпизод из этого матча).

Открытие нового стадиона «Бейра Рио» в Порту Алегри завершилось футбольным матчем, который превратился в одну из самых скандальных драк в истории бразильского футбола.

Игроки клуба «Палмейрас» (Сан Паулу) бурно полемизируют с судьей Арналдо Сезаром Коэльо.

Армандо Маркес – бразильский арбитр № 1.

Армандо Маркес удаляет с поля Пеле.

Двукратный чемпион мира Жалма Сантос.

Знаменитый Тостао – главный «артиллеро» бразильской сборной 1969 года.

Ветераны Джалма Сантос и Белини в команде «Атлетико» (Куритиба), 1968 год.

Тостао и Жаирзиньо ликуют, отмечая очередной гол бразильской сборной.

Феликс – вратарь сборной Бразилии, сменивший знаменитого Жилмара.

Швеция, чемпионат мира 1958 года. Только что Пеле забил гол в ворота сборной Уэльса. Гол, который Пеле до сих пор считает самым важным, самым красивым голом в своей футбольной биографии... Этот гол вывел сборную Бразилии в полуфинал.

Нет технических приемов, которые не смог бы выполнить «король».

Первенство мира 1966 года. Португальские защитники варварски калечат Пеле.

«Ливерпульская трагедия»: в матче со сборной Португалии Пеле травмирован.

Очередной гол «короля».

Пеле и Гарринча. Два друга, две судьбы...

Первенство мира 1958 года. «Премьера» Гарринчи в матче против сборной команды СССР.

И двоих мало, чтобы сдержать Манэ... Матч сборных Бразилии и Англии на чемпионате мира 1962 года в Чили.

Гарринча (с дочерью) рассказывает историю своей дисквалификации.

1968 год. Десять лет спустя... Гарринча у мемориальной доски на стадионе «Маракана», установленной в честь победы на чемпионате мира 1958 года. На снимке справа: в городке Пау Гранде закрылся бар, названный именем Гарринчи.

Первенство мира 1962 года. Гарринча в матче против хозяев поля – сборной Чили.

Гарринча на тренировке, 1968 год.

Ноябрь, 1968 год. Сенсационное возвращение Гарринчи в матче «Фламенго» – «Васко да Гама».

Гарринча на тренировке накануне своего возвращения, 1968 год.

Матч сборных Бразилии и Англии 12 июня 1969 года (победили бразильцы – 2:1)